

7c
ПАИС
51187

ТРУДОВЕ
НА ВЕЛИКО
ТЪРНОВСКИЯ
УНИВЕРСИТЕТ
·КИРИЛ
И МЕТОДИЙ·

1979-80г.

TRAVAUX
DE L'UNIVERSITÉ
·CYRILLE
ET METHODE·
DE
V. TIRNOVO

ГОДИНА 1981

ТОМ XVI, КН. 2

12 1 MAY 2004

8—10

Книгата трябва да се върне не по-късно
от посочения тук срок

Датник (за всички масови библиотеки)

300/80 22.700x100 ДС 0.40 лв.

мс 35 сз

ТРУДОВЕ
НА ВЕЛИКО-
ТЪРНОВСКИЯ
УНИВЕРСИТЕТ
„КИРИЛ
И МЕТОДИЙ“

TRAVAUX
DE L'UNIVERSITÉ
CYRILLE
ET METHODE
DE
V. TIRNOVO

FACULTE PHILOLOGIQUE
TOME XVI, LIVRE 2
LINGUISTIQUE

ТРУДОВЕ
НА ВЕЛИКО-
ТЪРНОВСКИЯ
УНИВЕРСИТЕТ
·КИРИЛ
И МЕТОДИЙ·

ФИЛОЛОГИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТ
ТОМ XVI, КНИГА 2
ЕЗИКОЗНАНИЕ

ПА 110
III 87

80

РЕДКОЛЕГИЯ

доц. д-р Ст. Георгиев (отговорен редактор), проф. Н. Ковачев,
доц. к. ф. н. И. Еленски, ст. ас. М. Дамянова (секретар)

5170 | 1981

ОКРЪЖНА БИБЛИОТЕКА
ГР. В. ТЪРНОВО ДП

Редактор *Стоянка Сербезова, Елка Вичева*
Худ. редактор *Таня Николова*
Технически редактор *Лиляна Денкова*
Коректор *Иванка Балъкова*

Дадена за набор на 12. IX. 1980 г. Подписана за печат на 20. XII. 1980 г.
Излязла от печат на 15. I. 1981 г. Формат 60/90/16. Печатни коли 13, 50.
Издателски коли 13,50. Условно издателски коли 12,80. Лит. група III—8.

Издателски № 24964. Тираж 530. Код 02 9535121311
5014—4—81

Цена 1,73 лв.

ДИ „Наука и изкуство“ — София
ДП „Д. Найденов“ — В. Търново

© Великотърновски университет „Кирил и Методий“, 1981
с/о Jusautor, Sofia

Индекс 80(05)

СЪДЪРЖАНИЕ

1. В. МОСКОВА-ЕЛЕНСКА, Обща семантическа характеристика собствено условных предложений	7
2. П. ХРИСТОВ, Дистрибуция на глаголите представки в романските езици в сравнение с българския език	41
3. А. ДАВИДОВ, Обратен речник на „Беседа против богомилите“	91
4. П. ЕЛЕНСКИ, Количественные сочетания со значением приблизительности в русском языке на рубеже XVII—XVIII вв.	117
5. Н. ЕНЧЕВА, Вопросы метонимии и семантико-синтаксического стяжения	155
6. В. ЧЕНЕВА, Соотношение видо-временных форм глаголов-сказуемых в русских и болгарских темпоральных предложениях с союзами когда и когато	189

TABLE DES MATIERES

1. V. MOSKOVA-ELENSKA, Caracterisation generale des propositions conditionnelles proprement dites	7
2. P. HRISTOV, Distribution des prefixes verbaux dans les langues romanes en comparaison avec le bulgare	41
3. A. DAVIDOV, Dictionnaire inverse de „Traité contre les bogomiles“ de Cosmas le Pretre	91
4. J. ELENSKI, Syntagmes quantitatifs exprimant l'approximation dans la langue russe de la fin de 17e et du debut du 18e siecles	117
5. N. ENTCHEVA, Questiones sur la metonymie et le retrecissement semantico-syntaxique des groupes de mots	155
6. V. CHENEVA, The relationship between the aspect-tense forms of the predicate verbs in the Russian and Bulgarian clauses introduced by the conjunctions когда and когато	189

ТРУДОВЕ НА ВЕЛИКОТЪРНОВСКИЯ УНИВЕРСИТЕТ
„КИРИЛ И МЕТОДИЙ“

Том XVI, кн. 2

Филологически факултет

1979/1980

TRAVAUX DE L'UNIVERSITÉ „CYRILLE ET METHODE“
DE V. TIRNOVO

Tome XVI, livre 2

Faculté philologique

1979/1980

ВИОЛЕТА МОСКОВА—ЕЛЕНСКА
ОБЩАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
СОБСТВЕННО УСЛОВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
(на материале болгарского и русского языков)

VIOLETTA MOSKOVA—ELENSKA
CARACTERISATION GENERALE DES PROPOSITIONS
CONDITIONNELLES PROPRESMENT DITES
(sur le matériel du bulgare et du russe)

София 1981

MEMORANDUM FOR THE RECORD

DATE: _____

TO: _____

FROM: _____

SUBJECT: _____

Содержание предложения принципиально отличается от содержания слов тем, что оно сохраняет живой контакт с действительностью.

Д. С. Кацнельсон

§ 1. Как в любом знаменательном слове, также и в любом предложении обнаруживаются две стороны: план содержания и план выражения. Тогда как в плане содержания слово соотносится с определенным реальным (или вымышленным) предметом, признаком, явлением, чувством, отношением¹, сложное предложение, как и простое, соотносится с семантически сложным денотатом (с ситуацией), отражая зависимость между его членами. С этой точки зрения предложение (и простое, и сложное) „является высшей единицей — полным знаком, непосредственно соотносящимся с ситуацией“², т. е. с „совокупностью элементов, присутствующих в сознании говорящего в момент „сказывания“ и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания“³. С другой стороны, однако, лингвистами в последнее время доказано, что предложение является низшей единицей по отношению к более высокому уровню — тексту⁴, так как „почти каждое предложение... раскрывает полностью свое содержание в контексте“⁵. В этом смысле предложение оказывается уже не

¹ М. М. Фалькович, К вопросу о понятийной стороне слова, ВЯ, 1965, с. 78.

² О. И. Москальская, Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка), М., 1974, с. 9—10.

³ В. Г. Гак, Высказывание и ситуация, Сб. „Проблемы структурной лингвистики — 1972“, М., 1973, с. 358.

⁴ Появилась и новая область языковедческих исследований, получившая название „лингвистики текста“ или „грамматики текста“.

⁵ Е. В. Гулыга, Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке, М., 1971, с. 15; ср. также: О. И. Москальская: „... предложение заключает в себе... элементы грамматических значений и структурных моментов, полная реализация которых происходит на более высоком уровне — в тексте, по отношению к которому предложение выступает как составляющее“ (цит. соч., с. 11).

предельной, не высшей, а минимальной синтаксической единицей — компонентом текста. Обосновывая эту точку зрения, В. А. Звегинцев пишет, что „единица всякого вышестоящего уровня всегда более определена и как бы осуществляет отбор среди тех значительно более широких возможностей употребления, которыми располагает единица всякого нижележащего уровня“⁶, и, следовательно, „единицы низлежащего уровня идентифицируются через посредство вышележащего уровня“⁷.

Проблемы референции применительно к сложному языковому знаку, каким является и предложение условия, выражающее отношения логического порядка, нужно рассматривать и с учетом точки зрения говорящего, субъекта речи. Реальная действительность преломляется через его сознание, из нее берутся те отношения, которые являются существенными для производителя речи. Иными словами, в синтаксическом построении реальная действительность отражается в зависимости от воли или намерения субъекта речи представить соотношения денотатов в том или ином виде.

Настоящая работа является результатом сопоставительного исследования семантики болгарских и русских предложений, выражающих чисто условные отношения, т. е. отношения, не осложненные добавочными смысловыми оттенками⁸, на основе „идеи универсальности обозначаемых в языке ситуаций“⁹.

В лингвистической литературе, посвященной проблемам болгарского и русского синтаксиса, условно-следственным отношениям уделяется немало места¹⁰. Тем не менее, однако, до

⁶ В. А. Звегинцев, Предложение и его отношение к языку и речи, МГУ, 1976, с. 292.

⁷ Там же, с. 292.

⁸ Ср.: М. Кубик, Условные конструкции и система сложного предложения, Universita Karlova, Praha, 1967, с. 167.

⁹ Общее языкознание. Внутренняя структура языка, М., 1972, с. 298.

¹⁰ Л. Л. Бабалова, Семантические разновидности причинных и условных предложений в современном русском языке, КД, М., 1975; она же, Условные отношения и условные союзы, Сб. „Спорные вопросы синтаксиса“, МГУ, 1974; М. Кубик, Условные конструкции и система сложного предложения; он же, Некоторые особенности в употреблении видовременных форм в реальных условных предложениях, „Rusko-české studie“ Praha, 1960; Р. П. Рогожников, Условные придаточные предложения в современном русском языке (конструкции с союзами *если*, *ежели*, *коли*, *раз*), КД, М., 1952; она же, Предложения с союзами *если* и *если бы* в современном русском языке, РЯШ, 1957; она же, Активизация в современном русском языке конструкций с союзами *раз* и *поскольку*, Сб. „Развитие синтаксиса современного русского языка“, М., 1966; С. Г. Ильенко, Сложноподчиненные предложения с придаточными, присоединяемыми к главному союзом *если* в современном русском языке, „Уч. записки ЛГПИ им. А. И. Герцена“, т. 225, 1962; Т. Н. Зинченко, Выражение условных отношений в простом и сложноподчиненном предложениях (на материале современного русского языка), КД, М., 1975; Ст. Георгиев, Сложно составное изречение с подчинено обстоятельством за условие, „Трудове на ВПИ „Бр. Кирил и Методий“, В. Търново, т. VI, 1968/69; А. Лазарова, Към

сих пор остается невыясненным само понятие условия. В определениях сущности условных отношений, которые предлагаются в разных исследованиях, не содержится истолкования этого исходного понятия, вследствие чего сущность условно-следственной зависимости нередко сводится к тавтологическому определению: сложноподчиненное предложение **условия** выражает **условие**¹¹. Отсутствие четкости в понимании понятия условия приводит к довольно большим расхождениям в мнениях относительно того, какие сложные предложения выражают условно-следственную связь. Так например, предложения с союзом *раз* относятся то к условно-следственным (ср. т. н. предложения единичного реального условия¹²), то к предложениям причинного обоснования¹³, то считаются условно-причинными¹⁴.

В некоторых работах последних лет сделана попытка определить статус категории условия в сопоставлении с категорией причины. Так например, Л. В. Кочерга-Бортэ разлагает грамматическое значение условия на элементарные единицы, которые, по мнению автора, являются и дифференциальными признаками этого значения. Каждый член бинарной оппозиции „условие-обусловленное“ определяется следующими семантико-грамматическими конститuentами:

условие	обусловленное
событие	событие
порождающее событие	порожденное событие
предшествующее событие	последующее событие
возможное событие	событие в плане разных аспектов реализации возможности (реализованная возможность, нереализованная, нереализуемая) ¹⁵

въпроса за изреченията с условно-следствено значение в българския език, ЕЛ, 1970, 6; Р. Ницолова, Видове условни изречения в българския език, ИИБЕ, кн. XIX, 1970; З. Геннадиева-Мутафчиева, Условните съюзи в съвременния български език, ИИБЕ, кн. XIX, 1970 и мн. др.

¹¹ Ср., например: „Условными называются такие сложноподчиненные предложения, придаточные части которых выражают какое-либо условие, а главные — вытекающее из этого условия следствие“ (М. Кубик, Условные конструкции и система сложного предложения, с. 91); или: „Сложноподчиненным предложением с придаточным условным называется такое предложение косвенной модальности, в котором придаточное, присоединяясь к главному подчинительным союзом, указывает на условие, при котором возможно, желательно или неизбежно действие, названное в главном предложении“ (С. Г. Ильенко, указ. соч., с. 31).

¹² См.: Грамматика современного русского литературного языка, М., АН СССР, 1970, с. 719.

¹³ Л. Л. Бабалова, цит. работы.

¹⁴ Р. П. Рогожникова, цит. работы.

¹⁵ Л. В. Кочерга-Бортэ, Структурные модели синтаксической категории условия и их частотность в русском языке первой половины XIX в., АКД, Симферополь, 1970, с. 6.

Против такого понимания сущности условия возражает Л. Л. Бабалова, доказывая, что „для создания значения условия недостаточно одного только наличия возможных действий, как реализованных, так и нереализованных. Разница между условными и причинными отношениями заключена в семантике связи двух явлений — обуславливающего и обусловленного, а тем самым и в семантике союза, связывающего части сложного предложения“¹⁶.

Сопоставляя предложения одного и того же лексического состава, но с разными союзами — союзом условия *если* и союзом причины *так как* — Л. Л. Бабалова делает вывод, что разница между условными и причинными предложениями заключается в том, что „условие предполагает выбор из двух возможных явлений, условие предполагает альтернативу, а причина такой альтернативы не предполагает“¹⁷.

Л. Л. Бабалова совершенно справедливо направляет свое внимание на специфику условного союза, содержащего в себе допущение двух явлений (действий). Наличие такого допущения подтверждается и мнением о происхождении союза *если* из сочетания глагольной формы *есть* и вопросительной частицы *ли* и о близости условно-следственных предложений и вопросительных конструкций¹⁸. Семантика „вопроса“ отмечена именно незнанием говорящего лица¹⁹, допущением двух антонимических возможностей. Ср.:

Вали ли дъжд?	Говорящим в равной мере допускается как одна возможность (<i>дождь идет</i>), так и
Дождь идет или нет?	другая, антонимичная (<i>дождь не идет</i>). ²⁰

На этой семантической основе, по-видимому, возникают условно-следственные отношения, при которых, уже в качестве

¹⁶ Л. Л. Бабалова, Условные отношения и условные союзы, с. 172.

¹⁷ Там же, с. 173.

¹⁸ Ср.: В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, М.-Л., 1935, стр. 234; Б. В. Лавров, Условные и уступительные предложения в древнерусском языке, АН СССР, М.-Л., 1941, с. 65.

¹⁹ Ср.: мысль Т. Б. Алисовой о том, что синтаксическое вопросительное наклонение состоит из сложной комбинации „незнания“ (подч. нами — В. М.-Е.), желания узнать и каузации речевого акта собеседника („Дополнительные отношения модуса и диктума“, ВЯ, 1971, 1, стр. 58); Ср. также: Н. Д. Арутюнова о том, что в вопросах любой член может оказаться неизвестной величиной, т. е. ремой („О номинативной и коммуникативной моделях предложения“, ОЛЯ, 1972, вып. 1, с. 49).

²⁰ Наличие двух возможностей эксплицитно представлено в русском предложении (*Дождь идет или не идет?*) в отличие от болгарского, где вторая возможность представлена имплицитно. Конечно, в болгарских вопросительных конструкциях также возможно эксплицитное выражение наличия обеих возможностей, как и в русском — имплицитное.

обусловленного, появляется, наличествует еще одно действие (явление) — действие главной части сложного предложения.

Таким образом, в кондициональных предложениях потенциально содержится идея о трех действиях/явлениях²¹, чего не наблюдается ни в одном из других видов гипотактических предложений²².

Рассматривая, однако, условно-следственную обусловленность как обусловленность, основанную на „допущении альтернативы, **выборе из двух возможных явлений**“ (подч. нами — В. М.—Е.), Бабалова допускает неточность, совсем понятную, если учесть, что центром ее исследования (имеется в виду диссертационная работа „Семантические разновидности причинных и условных предложений“, частью которой является и цитированная выше статья) является не категория условия, а категория причины.

§ 2. Речь идет о том, что понятие **выбора** из двух возможных явлений связывается только с одной разновидностью условно-следственных предложений, а именно с предложениями потенциального условия (по терминологии, принятой в „Грамматике современного русского литературного языка“ 1970 г. — далее ГСРЛЯ). Оно не применимо к конструкциям, выражающим ирреальное условие (по той же терминологии). Ср.:

Если жизнь тебя обманет, не печалься, не сердись (предложение потенциального условия: в придаточной части содержится альтернатива *обманет — не обманет*, условие относится к плану будущего, которому больше всего свойственно значение потенциальности).

Но: *Если бы он тогда пришел, все бы кончилось по-другому* (предложение ирреального условия: альтернативности, понимаемой как выбор из двух возможностей, нет. Придаточная часть содержит добавочный смысл 'он тогда не пришел'. Условие соотносится с другим, антонимичным ему, реально осуществившимся действием, являющимся поводом для высказывания условно-следственного суждения).

Другой пример: *Если бы сегодня не шел дождь, мы бы поехали на Витошу* (предложение ирреального условия. Альтернативности нет. Действие-условие имеет свой „антоним“ в реальной действительности — 'сейчас, сегодня идет дождь', по поводу которого и высказывается условно-следственное суждение).

²¹ Ср. подобные наблюдения у Л. Теньера, который рассматривает условие как более сложное понятие по сравнению с причиной на том основании, что в причине содержится одна идея, а в условии две (L. Fesnier, *Éléments de syntaxe structurale*, Paris, 1959); цит. по: Е. Б. Левченко, Обоснование рассматривания сложных предложений со значением следования с точки зрения строгой импликации, Сб. „Проблемы психолингвистики“, АН СССР, М., 1975, с. 105.

²² Идею о трех действиях/явлениях содержат также относимые к паратактическим предложения с альтернативными союзами *а то, не то* и т. д., выражающими своеобразный вид причинной обусловленности (см.: В. А. Белошапкова, Сложное предложение в современном русском языке (Некоторые вопросы теории), М., 1967, с. 135).

В предложениях ирреального условия альтернативности нет, выбора из двух возможных явлений не может быть, поскольку одно из действий, сообщение о котором содержится в кондициональной конструкции²³, уже не может осуществиться в силу того, что осуществилось (осуществляется) антонимичное, противоположное ему действие. В качестве условия указывается на то из них, которое не имело (не имеет) места в действительности.

Таким образом, альтернативностью в указанном понимании²⁴ отмечены не все условно-следственные предложения, вследствие чего было бы неправильно считать ее основным семантическим признаком этих предложений.

§ 3. Основной семантический признак сложноподчиненных предложений условного типа — это акцентуация в предложении одного из двух антонимичных действий, явлений, признаков в качестве обуславливающего возникновения другого, обусловленного. Обуславливающее явление характеризуется отсутствием в реальной действительности к моменту речи, ирреальностью, которая может быть двух видов:

а) отсутствие (нереальность) действия-условия в момент речи при допущении возможной его реализации или же реализации антонимичного ему действия;

б) отсутствие (нереальность) действия-условия в момент речи при полной невозможности его будущего осуществления ввиду реализации в действительности (в настоящем или прошлом) антонимичного ему действия.

Итак, в качестве различительных признаков условных отношений можно указать на следующие:

1. Отсутствие обуславливающего явления в реальной действительности к моменту речи;

2. Обязательное соотнесение обуславливающего явления с другим, антонимичным, противоположным в каком-то отношении явлением.

В соответствии с этим условные предложения имеют две основные разновидности, являющиеся ядром гипотактической категории условия. Это условно-следственные предложения в собственном смысле слова. Рассмотрим их с точки зрения их семантических особенностей.

Предложения типа а) отмечены признаком альтернативности, понимаемой как выбор из двух возможностей, ввиду чего

²³ Слово „конструкция“ употребляется нами только в качестве синонима слова „предложение“.

²⁴ Ср. иное понимание альтернативности у С. Георгиева: „Обикновено се утвърждава алтернативно едно от две взаимоизключващи се явления — наличието на едното предполага отсъствието на другото, или наличието на едното е непременно условие за неналичността на другото“ (цит. работа, с. 167).

мы условно называем их альтернативными. Это предложения, как например:

Если он придет, выйдем погулять (условие включает две возможности: *придет* — *не придет*).

Ако напишеш домашното си добре, ще излезеш да играеш (условие включает две возможности: *написать хорошо* — *написать плохо*).

Если придет один, будет ночевать у нас (условие включает две возможности: *придет один* — *придет не один, придет с кем-либо*).

В силу общего семантического наполнения альтернативных предложений условие в них нередко может иметь как положительную, так и отрицательную форму, что совершенно не меняет его общий потенциально-условный смысл: гипотетическими являются обе части альтернативы. Ср.:

Ако дойде, ще отидем на разходка и Ако не дойде, няма да отидем на разходка.

Если пойдет дождь, он не придет и Если дождь не пойдет, он придет.

Вторая часть альтернативы нередко наличествует в самом сложном предложении. Ср.:

Ако дядо е още буден, ще играем на карти, ако спи — ще ви посвира на пиано (А. Гуляшки); Те, ако са тукашни хора, досега да са се прибрали, пък ако са ябанджии — хванали са гората (Е. Станев); Если напишеш — встречу, если же не дашь знать — сам добрайся (Из разг.).

Вторая часть альтернативы может быть эксплицирована и другим предложением, либо же эксплицируется на уровне текста. Это отмечается и другими исследователями. Ср., например, предложения, которые приводит Л. Л. Бабалова²⁵.

Если эта дама будет молчать — передайте ее Мюллеру, пусть они разобьют себе лоб. Если она заговорит — запишем себе в актив и утрем нос баварцу (Ю. Семенов); Либо вы чересчур доверяетесь мне и просите у меня поддержки... либо вы меня провоцируете. Если вы меня провоцируете, то наш разговор пойдет по кругу (Ю. Семенов).

Часть альтернативных конструкций выражает не собственно отсутствие в реальной действительности обусловливающего явления, а лишь неосведомленность говорящего относительно его реализации. Например:

²⁵ Л. Л. Бабалова, Условные отношения и условные союзы, с. 174—175.

Если приятели толковые, приходи с приятелями, если нет, то лучше один (В. Кетлинская); Если мне суждено умереть в этой войне, буду умирать на своей родной земле (Б. Гусев); (— Тичай в къщи). Ако баща ти е там, нека дойде веднага (Из разг.).

Итак, альтернативные предложения — это такие предложения, в которых в качестве условия субъект речи указывает на одно из двух противоположных (антонимичных) явлений, выражая свою неосведомленность относительно того, какая из двух альтернатив осуществится в будущем или же осуществляется в настоящем.

Следовательно, альтернативные конструкции строятся на модальности незнания.

В предложениях типа б) (см. с. 8), альтернативности нет, она разрушена. В протазисе указывается на условие, которое **могло** осуществиться, но не осуществилось и **не может** осуществиться. Антонимичное ему действие лежит уже в плоскости реальности прошедшего или настоящего времени, т. е. это действие, реально осуществившееся или же осуществляющееся и в момент речи. В обоих случаях оно предшествует действию-условию. Такое действие, предшествующее действию-условию, мы условно называем **антецедентом**, а условно-следственные предложения, имплицитно (реже — эксплицитно) содержащие в себе указание на антецедент — **антецедентными**²⁶. Это конструкции типа:

Ако ми бяха казали, щях да отида (антецедент — 'мне не казали')²⁷.

Если бы он не опоздал, мы бы успели сделать все вовремя) антецедент — 'он опоздал').

Ако се готвеше редовно, щеше да получаваш шестници (антецедент — 'ты готовишься нерегулярно').

²⁶ Термин „антецедент“ (от лат. *antecedens* — 'предшествующий, предыдущий') употребляется в математической логике и языкознании. В математической логике антецедентом называется первый член импликации, которому предпослано слово „если“ (см.: Н. Н. Кондаков, Логический словарь-справочник, М., 1975, с. 42).

В языкознании антецедентом называют обычно только что произнесенную заменяемую форму. Это „предыдущая единица высказывания (слово, сочетание, предложение), с которой соотносена — заменяя ее, указывая на нее и т. п. — другая, последующая. Напр. русск. Человек, которого я видел вчера“ (О. С. Ахманова, Словарь лингвистических терминов, М., 1966, с. 48).

²⁷ На эту семантическую особенность рассматриваемых предложений указывал Ю. Трифонов, приводя, например, такое предложение с его толкованием: *Ако бяха убити* (разбира се: но те са живи), *то хиляди пъти щяхме да бъдем благодарни* („Значение на сложните (описателните) бѣдещи времена в новобългарския език, ПС, т. LXIX, 1908, 1—2, с. 30); ср. также: И. Пенчев, Към въпроса за времената в съвременния български език, БЕ, 1967, 2, с. 142.

Из сказанного ясно, что условие в антецедентных конструкциях, в отличие от альтернативных, может быть высказано **только в положительной или только в отрицательной форме** с соответствующим изменением смысла и аподозиса, так как положительная или отрицательная формы одного и того же условия (протазиса) соответствуют двум противоположным ситуациям реальной действительности. Ср.:

Ако ми бяха казали, щях да отида (то есть — 'мне не сказали; я не пошел').

Но: Ако не ми бяха казали, нямаше да отида (то есть — 'мне сказали; я пошел').

Ако валеше дъжд, щяхме да си стоим в къщи (то есть — 'дождь не идет; мы не будем сидеть дома').

Но: Ако не валеше дъжд, нямаше да си стоим в къщи (то есть — 'дождь идет; мы остались дома').

Указание на наличие в реальной действительности антецедента также иногда эксплицитно содержится в ближайшем контексте в виде отдельной предикативной единицы с модальным планом действительности. Например:

Аз никога не съм го мамил. Ако го бях мамил, нямаше да ми вярва (Джурови).

Если бы можно было вот так откровенно и написать про это, все сразу бы стало на свое место. Но как раз об этом и нет права писать (К. Симонов).

В приведенных предложениях антецедент эксплицируется предикативными единицами *Аз никога не съм го мамил* и *Но как раз об этом и нет права писать*.

Как правило, однако, утверждения о наличии антецедента в контексте нет. Тем не менее, однако, как было уже подчеркнуто, такое утверждение всегда имплицитно содержится в сложном предложении, вытекает из его общего смысла. Оно и составляет основу для высказывания условного суждения.

Итак, антецедентными мы называем предложения, в качестве условия в которых указывается на не осуществившееся в прошлом (или же не осуществляющееся в настоящем) и не могущее реализоваться явление, антонимичное которому наличествовало/наличествует в реальной действительности.

Таким образом, тогда как альтернативные конструкции строятся на модальности незнания, антецедентные отмечены модальностью знания²⁸ того, что было (есть) в действительности. Вместе с тем, однако, знание в данном случае нельзя считать пресуппозиционной основой предложения в том пони-

²⁸ Ср. иное понимание этого семантического аспекта: Л. Л. Бабова, Семантические разновидности причинных и условных предложений в современном русском языке, АКД, с. 7.

² Трудове на ВТУ, т. XVI, кн. 2

мании пресуппозиции, которое преобладает в советской (и не только в советской) лингвистической литературе.

Пресуппозиция — это „совокупность предварительных **знаний собеседников** (подч. нами — В. М.—Е.) о предмете речи“²⁹. Она „входит в семантику предложения как „фонд общих **знаний**“ собеседников (подч. нами — В. М.—Е.), как их предварительный „**договор**“³⁰. Несмотря на то, что antecedent в рассматриваемых конструкциях противостоит коммуникативно релевантному содержанию высказывания³¹, знание о его наличии нельзя отождествлять с пресуппозицией, ибо оно не обязательно является общим знанием собеседников. Ср., например: *Ако не се страхувах, че може да изчезнете, без да изпиеете кафето си, щях да се прекръстя* (А. Гуляшки), где antecedent 'я боялся/я боюсь' не известен собеседнику.

§ 4. До сих пор в целях более краткого изложения мы ставили знак равенства между понятиями **условие** и **действие (явление)**. Однако, далеко не всегда (как в альтернативных, также и в antecedentных предложениях) условие сосредоточено только на сказуемом. Оно может быть сосредоточено на показателях качественной или количественной характеристик действия (ср.: *добре* работа — *лошо* работа; *малко* работа — *много* работа), на субъекте действия протазиса (ср.: *права аз* — *права не аз*, *прави Иван*; *делает Иван* — *делает кто-то другой*) и т. д.

Так например, в предложении *Если бы это было до войны, я не знаю, как бы подумал* (М. Стельмах) условие, по сути дела, содержится не в самом действии, не в сказуемом (действие сказуемого вполне реальное, совершившееся или совершающееся), а в обстоятельстве времени *до войны*, в связи с чем в отношении антонимичности входит не сказуемое, а детерминирующее обстоятельство³². Поэтому придаточная часть содержит сообщение об antecedente, который можно было бы выразить следующим образом: *'Это было не до войны'*³³.

²⁹ В. Г. Гак, *Высказывание и ситуация*, с. 367.

³⁰ Н. Д. Арутюнова, *Понятие пресуппозиции в лингвистике*, ОЛЯ, т. 32, вып. 1, 1973, с. 85.

³¹ Ср.: „Пресуппозиция... противостоит коммуникативно релевантному содержанию высказывания“ (Н. Д. Арутюнова, *указ. соч.*, с. 85).

³² Ср.: Л. Ю. Шведова, *Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения*, ВЯ, 1964, 6.

³³ В связи с появлением отрицания в подобных случаях (имеется в виду русский язык) именно перед антонимичным центру условия членом предикативной единицы интересным представляется следующее замечание Н. Д. Арутюновой: „Появление отрицания перед любым членом предложения придает ему функцию *ремы*“ („О номинативной и коммуникативной моделях предложения“, ОЛЯ, 1972, вып. 1, с. 49).

Применительно к болгарскому языку, однако, этот вывод вряд ли обобщает обобщающей силой. Ср. нормативное для болгарского языка *Той*

В связи с вышесказанным нами вводится термин *центр условия*, каким в зависимости от коммуникативного намерения субъекта речи может быть (хотя и не с одинаковой частотностью) любой член предикативной единицы — придаточной части условно-следственного предложения.

При одноместном предикате это может быть либо сказуемое, либо подлежащее. При двухместных и трехместных предикатах³⁴ — и все остальные члены предикативной единицы. Таким образом, намечается несколько случаев оформления центра условия:

а) Основной и самый частотный: центром условия является сказуемое протазиса. Ср.:

Если достану билеты, пойдем в кино (в отношении альтернативности входит сказуемое: *достану — не достану*).

Ако получи отпуск, ще пристигне (в отношении альтернативности входит сказуемое: *ще получи — няма да получи*).

Если бы он знал, то сказал бы (в antecedентные отношения входит также сказуемое — antecedent — *не знал; не знает*).

Ако четяхте, щях да запала лампата (antecedent — *не четете*).

Действительно, "... сказуемое представляет все предложение"³⁵, но для характера условия очень важным оказывается то, с каким членом предикативной единицы, а, следовательно, и с какой стороной действия связывается условие.

Центром условия сказуемое является и в тех более частных случаях, при которых действие придаточной части в момент речи осуществляется, но условием, по сути дела, является его наличие в будущем. Ср.: *Ако продължи да вали, няма да излизаме никъде*.

б) Центром условия является подлежащее придаточной части:

Если бы это говорила она, я бы поверил (antecedent — 'это говорила *не она*').

Ако главната роля беше изпълнила Невена Коканова, филмът щеше само да спечели (antecedent — 'главную роль исполнила *другая актриса*').

не пристигна днес, а вчера (и: *Той пристигна не днес, а вчера*) при единственно правильно в русском языке *Он приехал не сегодня, а вчера*, где с негацией связано именно выделение ремы предложения. Ср. еще:

а) болг. *Той не го каза на него, а на мен* (и: *Той го каза не на него, а на мен*);

б) русск. *Он это сказал не ему, а мне*.

³⁴ Об одноместном, двухместном и трехместном предикатах см.: Г. Г. Ефимченко, *Предикативная единица как строительный материал сложных предложений*, „Сложное предложение в языке и речи. Научные труды“, вып. 171, Краснодар, 1973.

³⁵ Е. Курилович, *Очерки по лингвистике*, М., 1962, с. 53.

Если вместо нее выступит *он*, все будут недовольны, он не умеет говорить (в отношении альтернативности входит подлежащее: *он — не он; она*).

в) Центром условия может быть и дополнение:

Если накажут *тебя*, я пойду в комитет и скажу, кто виноват (в отношении альтернативности входит дополнение: *тебя — не тебя; другого*).

Ако дадеш билета *на него*, ще ти се разсърдя (в отношении альтернативности входит дополнение: *на него — не на него; на мен*).

В предложениях вроде следующего отношения альтернативности эксплицированы в самом сложном предложении:

Если встретишь *сестру*, скажи ей все, если же встретишь *мать*, ничего не говори (альтернативность выражена словами *сестру — мать*, выступающими в роли прямого дополнения).

г) Центр условия — какое-либо обстоятельство:

Если бы телеграмма пришла *вовремя*, мы бы тебя встретили (антецедент: 'телеграмма пришла *не вовремя*').

Ако разузнаването ни работеше *лошо*, нямаше да ги хванем така бързо (антецедент: 'разведка работает *хорошо*').

Ако братовчед ми пристигне *утре*, ще развали всичките ни планове (в отношении альтернативности входит обстоятельство времени *утре — не утре*).

д) Реже центром условия может быть и определение:

Если бы ты приехала *скорым* поездом, ты бы поспела к заседанию (антецедент — 'ты приехала *пассажирским* поездом').

Из сказанного видно, что центр условия — это понятие, теснейшим образом связанное с актуальным членением предложения, с его функциональной перспективой. Как в болгарском языке, так и в русском, он выделяется интонационно и, как правило, помещается в конце придаточной части. Например:

Если бы сцена состоялась *на самом деле*, то произвела бы на меня еще более тягостное впечатление (центр условия *на самом деле* выделяется интонационно и помещается в конце придаточной части).

Если бы она по-прежнему жила больше *одна*, думала одна, вероятно, не так скоро прояснилось бы это (центр условия *одна*. Выделяется интонационно, помещен в конце протазиса).

Если бы у подлецов были *подлые* лица, они не могли бы людей обманывать (центр условия *подлые*. Выделяется интонационно и при помощи словопорядка внутри придаточной части).

Подобным образом выделяется центр условия и в болгарском языке. Ср., в частности, перевод приведенных выше русских предложений:

Ако тази сцена се беше състояла *наистина*, щеше да ми направи още по-тежко впечатление.

Ако тя както преди живееше предимно *сама*, всичко това нямаше да се изясни така бързо.

Ако подлещите имаха *подли* лица, нямаше да могат да мамят хората.

Ср. еще:

Ако я беше ударил *той*, по-лесно щеше да понесе оскърблението (Е. Станев) — центр условия *той* выделяется обоими способами.

Ако бяха ликвидирали *и Моранди*, връзката вероятно би била прекъсната безвъзвратно (Б. Райнов) — центр условия *и Моранди* выделяется обоими способами.

Ако всички биха мислили *като тебе*, светът би тъквал на място от сътворението си (В. Мутафчиева) — центр условия *като тебе* выделен обоими способами.

Нужно отметить, однако, что наличие обоих способов выделения центра условия в одном и том же предложении не обязательно, в особенности, в устной речи, при которой интонационные средства играют большую роль, чем в письменной. Ср., например:

Ако *сега* отидех при нея, сигурно щеше да ме прогони (центр условия *сега* помещен не в конце протазиса и выделяется единственно при помощи интонации). Ср. и возможность изменения местоположения центра условия:

Ако отидех при нея *сега*, сигурно щеше да ме прогони.

Центр условия может меняться в зависимости от изменения интонации или же словоупорядка внутри придаточной части. Например:

Ако дойде *баща ти*, няма да ти се размине (центром условия является подлежащее *баща ти*, которое и входит в отношения альтернативности: может прийти отец, но может прийти и кто-то другой, например, мать). Изменение словоупорядка при соответствующем изменении и интонации, приводит к перемещению центра условия на сказуемое: Ако *баща ти дойде*, няма да ти се размине (при сохранении интонационного центра на конце протазиса центром условия становится сказуемое, которым оформляется альтернатива — *придет — не придет*)³⁶.

³⁶ Интересные наблюдения можно сделать в связи со способами выделения центра условия, выраженного разными членами предикативной единицы (протазиса), в сопоставительном плане, где намечаются некоторые расхождения, а также в связи с ролью негации, гораздо большей в русском языке, чем в болгарском. Все это, однако, не входит в задачи нашего исследования.

Наряду с центром условия, помещающемся в протазисе, в главной части также выделяется компонент, который соотносится с центром условия и является своеобразным центром аподозиса. Ср., например:

Ако я беше ударил *той*, по-лесно щеше да понесе оскърблението (с центром условия *той* соотносится обстоятельство *по-лесно*).

Ако бяха ликвидирали и *Моранди*, връзката вероятно би била прекъсната безвъзвратно (центр условия и *Моранди*, соотносится с (би била) *прекъсната безвъзвратно*).

Этими двумя центрами как бы в концентрированном виде выражается условно-следственная зависимость между частями, они (в своем соотношении) как бы вмещают в себе новую информацию. Этот вывод перекликается с мыслью Н. Д. Арутюновой о том, что к утверждаемому в условном периоде относятся „отношения (подч. нами — В. М.—Е.) между придаточной и главной частями“³⁷. Эти два центра „заклучают в себе основное содержание сообщения и являются коммуникативным центром высказывания“³⁸. По-видимому, совсем права И. И. Панова, которая считает, что „даже в тех случаях, когда зависимое предложение расположено перед главным, к нему следует относиться как к рематическому компоненту, так как оно заключает в себе ту дополнительную информацию, без которой коммуникативный центр, входящий в состав главного предложения, оказался бы неполным. Более того, зависимое предложение подчас несет бóльшую коммуникативную нагрузку по сравнению с ремой главного предложения“³⁹. В связи с этим И. И. Панова предлагает рассматривать придаточные предложения (придаточные части) „как самостоятельные коммуникативные центры, структура которых соединена с коммуникативной структурой главного предложения, образуя при этом единую коммуникативно-семантическую модель“⁴⁰.

§ 5. В свое время А. А. Потебня говорил, что „условность есть отрицание действительности“⁴¹. По мнению Э. Лафтмана, некоторых других германистов, а также советских ученых-исследователей немецкого языка, условное предложение никогда и ни при каких обстоятельствах не выражает чего-либо действительного⁴².

³⁷ Н. Д. Арутюнова, Понятие пресуппозиции в лингвистике, с. 86.

³⁸ И. И. Ковтунова, Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения, М., 1976, с. 7.

³⁹ И. И. Панова, Критерии актуального членения, ФН, 1977, 4, с. 62.

⁴⁰ Там же, с. 62.

⁴¹ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, с. 283.

⁴² См. об этом: Е. В. Гулыга, Теория сложно-подчиненного предложения в современном немецком языке, с. 64.

Такое мнение справедливо в отношении далеко не всех предложений, выражающих условно-следственную зависимость. Данные болгарского и русского языков свидетельствуют о том, что условные отношения выражаются и такими конструкциями, в которых сообщается о чем-то действительном, реальном. Условно-следственная связь — это сложная связь логического, опосредованного характера, в возникновении которой релевантными оказываются самые разнообразные факторы. Благодаря их наличию в одних конструкциях наблюдается разрушение собственно-условных отношений и возникновение других, чаще всего причинных; в некоторых случаях, наоборот, на базе временных отношений при определенных условиях возникает значение собственно-условной связи. И в том, и в другом случае, однако, условно-следственные отношения связываются со значением наличия двух возможностей, двух альтернатив, со значением выбора одной из них. Частичная или полная утрата этого значения сигнализирует о наличии других, добавочных оттенков значения, о переходе собственно-условных отношений в несобственно условные или же в отношения другого характера. Все это будет рассмотрено в следующих параграфах.

Прежде всего, как показывают наблюдения, отрицание действительности, о котором пишет А. А. Потебня, может быть не только полным, но и частичным. Как это было показано в § 4, в условной конструкции может содержаться и сообщение (хотя и косвенное) о чем-то действительно осуществившемся. Это наблюдается преимущественно в тех случаях, когда центром условия является не сказуемое, а какая-то другая часть протазиса. Так, например, в предложении *Ако беше дошъл и Иван, щяхме да прекараме по-весело* косвенным образом содержится сообщение о реальном приходе других лиц.

Ниже рассмотрим предложения, в которых также содержится какая-то информация о реально осуществившихся действиях. Это, например, предложения типа:

а) Ако беше дошъл с влака,	} щеше да чакаш много на гарата.
б) Ако беше дошъл с вечерния влак,	
в) Ако беше дошъл с вечерния влак
от Ст. Загора,	

В первом из этих предложений действие сказуемого протазиса осуществилось: собеседник прибыл, а условие заключено в способе передвижения. Во втором центр условия перемещается со способа передвижения на более частную его характеристику. В третьем число сопутствующих действию обстоятельств увеличивается. Эту цепочку можно было бы продолжить, причем во всех случаях должен остаться какой-то член, сообщающий о чем-то нереальном. Это связано с ирреальной формой сказуемого главной части.

Не совсем это так при альтернативно-условных предложениях. Главная их часть всегда сообщает о чем-то вполне реально-возможном, которое осуществится при наличии условия. Со своей стороны, условие также может быть высказано с различной степенью нереальности. Говорящим может быть выражена полная неосведомленность относительно реализации (в будущем) одного из явлений, о наличии которых сигнализирует условный союз. Напр.: *Ако завали, ще си стоим в къщи*. В таких случаях альтернативностью отмечена и главная часть. Но в предложениях, как, например: *Если я найду еще кого-либо из людей, знавших Клару, вам будет интересно встретиться с ними* ясно сообщается о каком-то реальном действии, причем центр условия перемещается на его добавочную характеристику — а именно на дополнение ('я уже кое-кого нашел, неизвестно, найду ли еще кого-либо'). Значение возможного осуществления условия и отсутствия его в момент речи поддерживается формой футурума сказуемых протазиса и аподозиса (в аподозисе может быть и императивная форма). С употреблением, однако, в условном предложении форм настоящего времени (или прошедшего в результативном значении, по существу совпадающим со значением презенса) семантика союза вступает в противоречие с ярким фактивным значением этих форм, в результате сохраняя только значение неосведомленности субъекта речи относительно реализации в момент речи условия. Ср., например:

Ако идва, ще го почакаме (т. е. говорящий выражает неуверенность в том, идет он или не идет); Если он пришел, пусть зайдет ко мне; Если Валя у вас, передайте ей, пожалуйста, чтобы она мне позвонила.

Как правило, поддержать значение допущения, выражаемого союзом, эти формы в состоянии лишь при поддержке и со стороны конситуации. Если же конситуация эксплицирует **реализацию** обусловливающего явления, то в предложении (преимущественно в русском языке)⁴³ сохраняется лишь тот вносимый союзом оттенок „едва заметного сомнения“, о котором писал и М. Кубик, а вся конструкция приобретает условно-причинное значение.

Таким образом, как нам кажется, совсем коротко и схематично можно объяснить переход от условно-следственных к условно-причинно-следственным отношениям, выражаемым союзом *если*.

Понятие центра условия дает возможность объяснить и некоторые особенности в „поведении“ болгарских союзов *щом* и

⁴³ Болгарский союз *ако* в таких случаях почти не употребляется. На его месте появляются союзы *като*, *щом* (реже — *ли*).

ли, могущих выражать как темпоральные, так и условные отношения.

В некоторых предложениях с союзом *щом* наблюдается очень интересное явление акцентуированности/неакцентуированности союза и тем самым разграничение его темпорального и условного значений. Поначалу союз этот является и темпоральным, и условным, причем та или иная его семантика в большинстве случаев четко связывается с определенными видо-временными формами обеих частей⁴⁴. В более редких случаях, однако, наблюдается и совпадение некоторых форм сказуемых в темпоральных и условных предложениях с этим союзом (речь идет преимущественно о сказуемом протазиса). В таких предложениях разрушение темпоральных отношений наступает в нескольких случаях:

1. При глаголах-сказуемых, лексическая семантика которых не позволяет связывать действие с определенным конкретным моментом во времени, с определенным временным отрезком, логически исключает возможность немедленного следования одного действия за другим, что является основным семантическим признаком временных предложений с союзом *щом*⁴⁵. Напр.: *Ще повярва, щом с моето писмо му изпратим и твое.*

2. Большую роль в создании условных отношений играет негация. В отрицательной форме может быть как сказуемое главной, так и сказуемое придаточной части. Ср.: *Щом не склони, ще платя данъка аз; Щом ти речеш, няма да ходя на училище.* Это объясняется тем фактором, что отрицательная форма сказуемого не связывается с каким-либо определенным моментом во времени, чем и ликвидируется возможность восприятия предложения как темпорального.

3. Определенное значение имеет и порядок частей сложного предложения. Семантика временных конструкций определяет и порядок частей: придаточная, обозначающая действие, за которым следует другое действие (главной части), находится в препозиции. Нарушение этого порядка ведет к возникновению условного отношения⁴⁶. Ср.: *Оттатък укрепения върх стояха други турски сили, готови да потеглят, щом стане нужда* (И. Вазов). Как правило, в таких случаях возникает недифференцированное условно-временное значение.

4. Большой интерес с точки зрения понятия центра усло-

⁴⁴ Подробнее об этом см. нашу работу: „Структурно-семантическое исследование гипотактической категории условия (на материале русского и болгарского языков), КД, В. Търново, 1978, с. 50 и дальше.

⁴⁵ О темпоральных конструкциях с союзом *щом* см.: С. Георгиев, Структурна и смислово-синтактична характеристика на един вид подчинени изречения, ЕЛ, 1971, 3, с. 34 и дальше.

⁴⁶ Ср.: С. Георгиев, Структурна и смислова характеристика..., с. 37.

вия представляют, на наш взгляд, те (действительно, довольно редкие, но показательные) случаи, когда одно и то же предложение потенциально содержит возможность выразит темпоральность или условность в зависимости от перемещения центра условия. Причем здесь наблюдается очень интересное явление акцентуанности самого союза. Например: *И непременно ще иска да си я вземе (къщата), щом дядо Драган умре* (Е. Станев); *Щом Делчо се върне с шестдесет коли оръжие, ще тръгнем* (Д. Мантов).

В первом предложении в зависимости от ситуации, т. е. в зависимости от того, о чем идет речь — о том, что дед Драган, как каждый человек, смертен и обязательно когда-нибудь умрет, или же о том, что он болеет и это может кончиться смертью (но он может и выздороветь), предложение в первом случае оформляется как темпоральное с обязательно акцентуанным союзом, а во втором, при наличии двух возможностей, — как кондициональное с акцентуанным сказуемым про-тазиса⁴⁷.

Второе предложение: если для говорящего центром высказывания является мысль о том, что следует отправиться немедленно после возвращения Делчо (в таком случае обстоятельство *с шестдесет коли оръжие* не ставится под сомнение, представлено как такое, которое обязательно осуществится), предложение оформляется как временное. Формальным показателем этого служит единственно акцентуанность союза и нисходящая интонация от союза к концу придаточной части. Если же центром мысли говорящего является то, привезет ли Делчо столько-то оружия или нет, т. е. если логическим центром и центром условия является обстоятельство *с шестдесет коли оръжие*, что и ставится под сомнение, допускается и его неосуществление, нереализацию, то предложение оформляется как условно-следственное, а неакцентуанность союза обязательна⁴⁸.

Таким образом, на уровне синтаксиса речи актуализатором условного значения у некоторых конструкций с союзом *щом* оказывается актуальное членение предложения.

Аналогичные наблюдения с точки зрения актуального членения можно сделать и над предложениями с союзом (болгарским) *ли*. Значение повторяемости (а тем самым и выбора) заложено в самой его природе. Неотъемлемым элементом его се-

⁴⁷ По-видимому, в сложном предложении, как и в простом (см.: Основы построения описательной грамматики современного русского языка, М., 1966, с. 163—164) наблюдаются две ступени актуального членения: одна (первая) осуществляется в рамках одной из составляющих его предикативных единиц, вторая же осуществляется в рамках сложного предложения.

⁴⁸ Об этом см. также: В. Москова-Еленска, Наблюдения върху употребата, семантиката и структурните особености на условните изречения със съюза *щом*, Rocznik slawistyczny, Wrocław, t. XXXVI, cz. I, 1975.

мантики в большинстве случаев нужно считать значение немедленного следования одного действия за другим при их неограниченной повторяемости. Ср.: *Дойде ли пролет, всичко се разделява; Влезеше ли в стаята, всички погледи се обръщаха към него; Кажеш ли му добра дума — просиява*. Вместе с временным значением союза, отмеченного частными лексическими значениями, семами „повторительность“ и „следование одного явления за другим“, „сосуществует“ и условное значение, возникающее вследствие переосмысления указанных темпоральных значений в значения условия и следствия. Это переосмысление происходит легче и чаще, чем в конструкциях с союзом *щом*, именно благодаря наличию семы „повторительность“, которая акцентируется при помощи глагола-сказуемого главной части, принимающего форму имперфекта или настоящего несовершенного (при сказуемом придаточной в форме имперфекта или т. н. настоящего совершенного). В таких предложениях, как правило, выражается недифференцированное условно-временное значение. Напр.: *За да не се объркаме някой път, бяхме се условили, започне ли някоя от нас да говори, другата да мълчи, докато чуе всичко докрай* (Джурови); *Влезеше ли човек вътре, виждаше от пода до тавана да плува синя мъгла* (И. Йовков). Временное значение преобладает в тех случаях, если сказуемое протазиса обладает семантикой действия, регулярно и неизменно повторяющегося. Ср.: *Пукне ли пролет, всичко живо плътва навън; Съмне ли се — тя е вече на крак*.

Если же глагол-сказуемое протазиса выражает действие, хотя и многократно, но нерегулярно повторяющееся, возникает добавочное условное значение. Напр.: *Влезе ли ти зло в къщата, отваряй широко врати, то не иде само; Протегне ли ръка към нещо, то се разпада на прах* (Б. Райнов).

Кондициональное значение берет верх в тех случаях, если конструкция приобретает значение будущности и неповторительности (значение будущего может быть выражено формой настоящего времени). Ср.: *Издадете ли нещо — подписвате си присъдата* (Б. Райнов); *Решиш ли да тръгнеш с мен, трябва да знаеш, че това е моят път и от него няма да се откажа* (Джурови); *И видя ли, че някой не си гледа годеницата както трябва, яка му гърбина* (Джурови). Заложенное в семантике союза значение повторительности в таких конструкциях как бы сужается до пределов двух возможностей, одна из которых указывается в качестве условия. Возникновение кондиционального значения тесно связывается с формами, обозначающими будущность действий.

В отдельных случаях темпоральные отношения полностью исчезают, уступая условно-следственным. Рассмотрим предложения: а) *Дойдеш ли, ще излезем; Дойдеш ли навреме, ще излезем*.

В предложении а) союз сохраняет семантику немедленного следования одного действия за другим, но также ограниченно до пределов двух возможностей, что дает возможность поступить и кондициональным отношениям. Презенс сов. вида и будущее время наряду со значением действия, которое реально совершится в будущем (темпоральность), содержат и модальный оттенок предположения, гипотетичности (условность), т. е. подкрепляя как темпоральное, так и условное значение союза, они не в состоянии однозначно выразить условность. В результате взаимодействия этих трех элементов возникает недифференцированное условно-временное значение предложения.

Во втором предложении (б), кроме вышеуказанных элементов, появляется обстоятельство *навреме*, которое вносит добавочное значение условия, вследствие чего „верх берет“ именно семантика условности. Таким образом, потенциально заложенное в конструкции кондициональное значение выносится на передний план детерминатором *навреме*, указывающим на добавочное условие реализации действия придаточной части. Это слово и является центром условия данного предложения.

§ 6. Сложная связь и зависимость между условными и временными отношениями, которые в равной мере являются отношениями между понятиями, мыслящимися во времени (в противоположность понятиям, мыслящимся в пространстве)⁴⁹, приводит к возникновению особого типа конструкций со сложным переплетением условных и временных отношений. Это предложения типа:

а) Русские: Если он был прав, то его замечания принимались в расчет. Если он был неправ, то ему возражали в самом спокойном, академическом тоне (М. Слонимский); Дверь обычно открывала домработница, иногда жена или Анатолий, если был дома (А. Чаковский); Оля и Костя никогда не выдавали друг друга, если кто-нибудь потом заболел ангиной (В. Кочетов).

б) Болгарские: Не пиеше, но пушеше много и ако нещо не вървеше в работата — двете пепелници на масата му не можеха да поберат угарките (А. Гуляшки); Ако майка му не беше наоколо, ще замахнат и да го ударят (Е. Пелин); Ако някой се отбиеха, не пиеха, не приказваха и не се бавеха много (П. Пювков); Ако за обяд бяха взели кило месо, комшиите наущаваха, че са купили цяло агне (Джурови).

Такие отношения складываются на основе привычной повторяемости одновременных или следующих друг за другом явлений.

Таким образом, по сравнению с предложениями, выражающими в качестве условия единичное действие/явление, предло-

⁴⁹ Общее языкознание. Внутренняя структура языка, с. 318.

жения данного значения являются более абстрактными, обобщенными. А, как известно, конкретные и абстрактные высказывания „по-разному соотносятся с внеязыковой действительностью. Если конкретное высказывание отображает доступную чувственному восприятию индивидуальную денотативную ситуацию, то абстрактное высказывание не закреплено за определенной денотативной ситуацией, представляет собой своего рода отвлечение от конкретных фрагментов действительности, обобщения ряда денотативных ситуаций... Характеристику с точки зрения конкретности-абстрактности получает любое высказывание, без этого оно не могло бы нормально функционировать в речи“.⁵⁰ Различаются: „а) абстрактные высказывания неполной обобщенности, являющиеся описанием обычной, повторяющейся ситуации, и б) абстрактные высказывания полной обобщенности, носящие характер общих истин, предложений разного рода и т. п.“.⁵¹

Предложения рассматриваемого типа (см. примеры на с. 22) относятся к высказываниям неполной обобщенности. Несмотря на наличие условного союза, их придаточная часть сообщает о реальной повторяемости действия сказуемого. Идея о двух явлениях в момент речи нет. Такая идея возникает в связи с представлением о периоде, охватывающем разные моменты во времени. В одни из них действие совершалось, в другие не имело места (в одни совершается, в другие — не совершается). Наличие (реальность) обуславливающего явления в какой-то момент во времени является несомненным, представление же об его ирреальности возникает только потому, что действия, повторявшиеся многократно, представлены как одно целое, как сумма осуществлявшихся и неосуществлявшихся действий.

В силу сказанного в предложениях этой разновидности неосведомленность субъекта речи относительно реализации обуславливающего явления в момент речи отсутствует, точнее, речь идет не о том, совершается ли или не совершается это действие в момент речи. Актуальным для говорящего является сообщение о неоднократной реализации этого действия в прошлом, а, следовательно, и о его возможном осуществлении в будущем. О модальности незнания, характерной для предложений альтернативной условности, здесь говорить нельзя, так как субъекту речи **известно**, что явление имело место в прошлом. С другой стороны, нельзя говорить и о модальности знания в том смысле, в котором мы употребляем этот термин относитель-

⁵⁰ С. Н. Цейтлин, О выражении конкретности-абстрактности в русском языке, „Функциональный анализ грамматических категорий“, Л., 1973, с. 34.

⁵¹ С. Н. Цейтлин, О выражении конкретности-абстрактности в русском языке, с. 35.

но antecedentных конструкций (знания о том, что в действительности имело место **противоположное** явление, вследствие чего действие-условие не может реализоваться). В рассматриваемых конструкциях выражается мысль о том, что действие-придаточной части **имело место** в реальной действительности, причем неоднократно, вследствие чего возможна также и его реализация в будущем. В силу этого в них сложным образом переплетаются условные и временные отношения, это предложения несобственно условного характера.

§ 7. Но, как указывает и М. Кубик⁵², в некоторых случаях значение повторяемости действие уже не связывается с какими-то ограничениями во временном отношении. Это действия, которые входят в отношения обусловленности постоянно, всегда. Глаголы-сказуемые в подобных предложениях употребляются в атемпоральном (вневременном) значении⁵³. Ср., например:

а) Если враг не сдается, его уничтожают (М. Горький); Все можно вынести, даже невыносимое, если встречаешь ласковый взгляд (А. Толстой); Моя мать всегда говорит: если кроется, то откроется (М. Слонимский); Если любишь всею душой, можно сдвинуть горы (М. Матусовский); Любовь везде одинакова, если она настоящая (М. Горький).

б) Ако медицината не открива причините за едно или друго заболяване тя е безсилна да се бори с болестите („Марксистко-ленинска философия“); Движението не може да се разбира правилно, ако не се държи сметка и за относителния характер на полярните противоположности (там же); Тайна не може да се запази, щом я знаят повече от двама (И. Вязов); Учиш ли се, ще сполучиш (Погов.).

Как это видно из приведенных примеров, такие предложения представляют собой суждения вневременного, обобщающего характера, сентенции, истины, научные выводы и т. д. Отличие их от рассмотренных в предыдущем параграфе состоит как раз в степени обобщенности высказывания. Первые, как это было уже подчеркнуто, являются высказываниями неполной обобщенности (абстрактности), описывающими обычные, повторяющиеся ситуации. Рассматриваемые в этом параграфе конструкции являются абстрактными высказываниями полной обобщенности. „В высказываниях неполной обобщенности противопоставление прошлого, настоящего и будущего сохраняется, но становится менее четким. . . В условиях полной обобщенности противопоставление планов прошлого и будущего снимается, т. к. описываются факты общезначимые, ни с каким моментом, в том числе и с моментом речи, не соотнесенные“⁵⁴.

⁵² М. Кубик, Некоторые особенности в употреблении видо-временных форм в реальных условных предложениях, с. 223.

⁵³ Там же, с. 227.

⁵⁴ С. Н. Цейтлин, О выражении конкретности-абстрактности. . . с. 45.

Особенно важен для нас вывод автора о том, что „степень временной локализованности факта обратно пропорциональна степени его обобщенности“⁵⁵.

Таким образом, теряя значение временной обусловленности, рассматриваемые сложноподчиненные предложения начинают выражать чисто условные отношения⁵⁶. Это значение настолько ярко выражено, что в условном значении в них могут выступать и чисто временные союзы (особенно часто это наблюдается в болгарском языке). Например:

Аз не се боя от идеи! Дори ги уважавам, *когато* не водят към безредици (Д. Димов); *Когато* някой е отседнал в луксозен хотел, той не отива на гости при своя приятел с бельо в куфара (А. Гуляшки); Възпитанието е като механизъм: *когато* липсва една част, механизмът се разпада (Из газет); Кафето и чаят могат да увредят здравето, *когато* преодоляваме умората с прекалената им употреба (Из газет).

Таким образом, вневременное значение условия у таких предложений связывается с отсутствием временной парадигмы сказуемых обеих частей. В таких предложениях сказуемое принимает форму настоящего времени, „расширенного до пределов жизни и опыта всего человечества“⁵⁷. Но, как замечает и А. А. Степаненко, нужно подчеркнуть, что значение универсального презенса, „проявившееся в придаточном, но не поддержанное в сказуемом главного предложения, не способно формировать вневременной признак“⁵⁸.

Кроме того, определенные „сдвиги“ в сторону обобщенности наблюдается и в категории лица. Для условных конструкций вневременного значения очень характерно употребление подлежащих в обобщенно-личном значении и вообще обобщенно-личное значение всей конструкции. Ср.:

Ако *човек*⁵⁹ е чист в мисъл и действие, верността му идва от само себе си (В. Мутафчиева); *Когато човек* произхожда от безмитно семейство, но има лични качества, може да му помогне само богата женитба (Д. Димов); Ти беше смутен, а *когато човек* е смутен, той губи способността си да вижда и да обръща внимание на най-дребните и обикновени неща (А. Гуляшки);

⁵⁵ Там же, с. 45.

⁵⁶ Ср. подобные выводы в работе: А. А. Степаненко, Идиоматические сложноподчиненные предложения (на материале относительного подчинения), ВМУ, сер. „Филология“, 1975, 2, с. 46 и дальше.

⁵⁷ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6-ое, М., 1938, с. 205.

⁵⁸ А. А. Степаненко, Идиоматические сложноподчиненные предложения. ..., с. 46.

⁵⁹ О возникновении обобщенно-личного значения у предложений с формальным подлежащим *човек* в болгарском языке см. нашу раб.: „Конструкции с десемантизированото съществително *човек* в българския език, БЕ, 1978, 2.

Если не любишь детей, не имеешь права учить их⁶⁰; Если любишь всей душой, можно сдвинуть горы (М. Матусовский).

Обобщенность субъекта может быть выражена также любой генерализованной формой существительного, выступающего в предложении в роли подлежащего (имеется в виду преимущественно придаточная часть). Ср., например:

Учитель перестает быть учителем, если он каждодневно не обогащает себя новыми знаниями (Из газет); Как легко и приятно жить, если *люди* понимают и уважают друг друга (М. Горький); *Слово-самоцель* бессмысленно, как бессмысленно *всякое орудие*, если оно не производит пользы (К. Федин).

Дреболитя престава да бъде дреболитя, когато е признак на нещо по-съществено (Б. Райнов); Когато *добрият приход* идва от едно благородно дело, задоволството е по-голямо (Б. Райнов); Когато *една история* почне кално, тя докрай върви кално (Б. Райнов).

Интересные наблюдения относительно возникновения условно-следственных отношений у предложений с временным союзом *когато* находим в работах А. Лазаровой. Она убедительно показывает, что предложения типа *Когато машината е вносна, монтира я в първа зала* выражают только условные отношения без темпорального оттенка, вследствие того, что в них сообщается о постоянном признаке, ограничение которого во времени бессмысленно. „Когато машината е вносна...“ не может означать **время, период**, когда она является импортной⁶¹. Следовательно, основным фактором для перехода темпорального союза в условный является нейтрализация его основного темпорального значения. Такой же вывод был сделан нами в отношении союза *щом*.

Справедливо отмечая, что такие предложения в составе предложений с союзом *когато* являются ясно оформленной структурно-семантической группой иного, нежели темпоральное, значения, А. Лазарова обнаруживает их релевантные признаки в лексическом составе конструкции. Их семантическая структура, как она пишет, включает следующие параметры:

1) субъект (подлежащее) придаточной части, имеющее обобщенное значение;

⁶⁰ Предложение заимствовано у С. Г. Ильенко, которая подобные конструкции относит к временным (см.: „Сложноподчиненные предложения с придаточными, присоединяемыми к главному союзом *если* в современном русском языке“).

⁶¹ А. Лазарова, Структурно-семантична характеристика на сложните изречения с темпорални връзки в съвременния български книжовен език (изречения с *когато*, *докато*, *след като*, *щом*, *преди да*, *откакто*), КД, С., 1972, с. 123.

2) предикат (предикатная группа), выражающий постоянный признак субъекта⁶².

Ср. другие примеры:

Не ме принуждавай да ти напомням, че *когато* съпругата е млада, естествено е да се примиряваме с невинните и недостатъци, за да не се наложи да се примиряваме с опасните (Др. Асенов); Това е напълно естествено, *когато* човек е общителен (Д. Димов); Всяко знание е богатство, но *когато* е знание лъжливо, то е отрова за душата (Из газет).

Конечно, предложения с союзом *когато* чисто условного значения не являются частотными. Но они являются частью более обширной группы болгарских предложений собственно условной семантики, строящихся на базе полной абстрактности, обобщенности высказывания, которые мы, вслед за М. Кубином, называем итеративными. Предложения итеративного условия характеризуются полной неопределенностью (недетерминированностью): современная лингвистическая наука рассматривает временную локализованность/нелокализованность как „одно из перекрещивающихся полей в рамках более широкой сферы детерминированности/недетерминированности... С рассматриваемым полем пересекается также оппозиция детерминированности/недетерминированности (обобщенности) лица“⁶³. Этот вывод еще раз доказывается нашими наблюдениями над условными предложениями итеративного характера.

* * *

Итак, с точки зрения говорящего лица, его осведомленности относительно реализации действия-условия, собственно условные отношения возникают:

а) на базе полной известности относительно невозможности осуществления обуславливающего явления ввиду реализации антонимичного ему явления — предложения, названные нами антецедентными;

б) на базе полной неизвестности относительно будущей/настоящей реализации одного из двух антонимичных явлений, о которых сигнализирует условный союз — альтернативные конструкции;

в) на базе полной неизвестности (точнее — невыраженности известности) относительно реализации действия-условия в момент речи — итеративные предложения.

⁶² А. Лазарова, Влиянието на лексикални фактори върху семантиката на синтактичната единица, ЕЛ, 1976, 4, с. 59.

⁶³ А. В. Бондаренко, Об актуализационных признаках предложения, с. 142.

ВЫВОДЫ

I. Основной семантический признак собственно условных предложений — это акцентуация в предложении одного из двух антонимичных действий, явлений, признаков в качестве обуславливающего возникновение другого, обусловленного явления. Обуславливающее явление характеризуется отсутствием в реальной действительности к моменту речи. Нереальность обуславливающего явления может быть двух видов:

а) отсутствие (нереальность) действия-условия в момент речи при допущении возможности как его будущей реализации, так и реализации антонимичного ему действия;

б) отсутствие (нереальность) действия-условия в момент речи при полной невозможности его будущего осуществления ввиду реализации в действительности — в настоящем или прошлом — антонимичного ему действия.

II. Дифференциальными признаками условно-следственных отношений являются:

а) отсутствие обуславливающего явления в реальной действительности к моменту речи;

б) обязательное соотнесение обуславливающего явления с другим, антонимичным, противоположным ему в каком-то отношении явлением.

III. Отсутствием действия-условия в момент речи и потенциальной возможностью его осуществления (а, следовательно, — и осуществление обусловленного явления, следствия) отмечены предложения, условно называемые нами альтернативными; невозможностью реализации обуславливающего явления ввиду реализации в настоящем или прошлом противоположного, антонимичного явления отмечены условно называемые нами предложения antecedentного условия.

а) Альтернативными мы называем предложения, в качестве условия в которых субъект речи указывает на одно из двух антонимичных, противоположных явлений, выражая свою неосведомленность относительно того, какое из них осуществится (или же осуществляется).

б) Antecedentными мы называем предложения, в которых в качестве условия указывается на не осуществившееся в прошлом (или же не осуществляющееся в настоящем) и не могущее реализоваться явление, антонимичное которому наличествовало/наличествует в реальной действительности.

IV. Альтернативные конструкции отмечены опять-таки условно названной нами модальностью незнания того, что будет/есть. Antecedentные отмечены модальностью знания того, что было/есть.

V. Условие может быть сосредоточено не только на самом сказуемом придаточной части, но и на некоторых его харак-

теристиках или же на детерминирующих дополнениях или обстоятельствах, с чем связано введение нами понятия центр условия. Центром условия может быть любой член предикативной единицы-придаточной части.

VI. Понятие „центр условия“, связывающейся с функциональной перспективой предложения (его актуальным членением), дает возможность объяснить, каким образом у предложений с условными союзами возникают безусловные оттенки значений. Благодаря перемещению центра условия со сказуемого на другие члены придаточной части полное отрицание действительности, характеризующее, как правило, собственно условные конструкции, становится частичным, что и является базой для возникновения условно-причинного значения. С другой стороны, с функциональной перспективой связано и возникновение условной семантики у предложений иного (темпорального) значения, как, например, предложений с союзом **ли**. В редких случаях на базе актуального членения устанавливается наличие условности и у предложений с союзом **щом**, могущим быть как темпоральный, так и условный.

VII. Собственно условные отношения возникают, хотя и гораздо реже, на основе повторяемости обуславливающего явления в реальной действительности. В зависимости от степени обобщенности/абстрактности высказывания такие предложения выражают:

а) условно-временные отношения — в высказываниях неполной (частичной) обобщенности/абстрактности;

б) собственно условные отношения — в высказываниях полной обобщенности (абстрактности).

Собственно условные отношения типа б) обусловлены наличием обобщенности:

1) ситуации, действия, его полной несвязанности с каким-либо временным моментом;

2) субъекта, его полной несвязанности с каким-либо определенным лицом или предметом.

Кондициональная семантика у предложений полной абстрактности настолько ярко выражена, что она в состоянии „затенить“ темпоральное значение чисто временных союзов как, например, **когато**.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АДД — автореферат докторской диссертации
АКД — автореферат кандидатской диссертации
БЕ — журнал „Български език“
ВЯ — журнал „Вопросы языкознания“
ДД — докторская диссертация
ЕЛ — журнал „Език и литература“
ИИБЕ — „Известия на института за български език“
КД — кандидатская диссертация
ОЛЯ — Известия АН СССР, Серия литературы и языка
ФН — „Научные доклады высшей школы. Филологические науки“.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

а. На русском языке

1. Ф. Гладков, Цемент, „Собрание сочинений в восьми томах“, т. II, М., 1958.
2. В. Кетлинская, Мужество, М., 1972.
3. В. Кочетов, Молодость с нами, М., 1972.
4. Ю. Д.-Михайлик, И один в поле воин, Киев, 1965.
5. Л. Овалов, История одной судьбы, М., 1963.
6. Н. Островский, Как закалялась сталь, М., 1967.
7. Е. Парнов, Ларец Марии Медичи, М., 1972.
8. Б. Полевой, Повесть о настоящем человеке, Лениниздат, 1971.
9. М. Прудников, Разведчики „Неуловимых“, М., 1972.
10. К. Симонов, Двадцать дней без войны, М., 1973.
11. М. Слонимский, Семь лет спустя, М.-Л., 1965.
12. А. Чаковский, Блокада, II, М., 1970.
13. О. Шмелев, Ошибка президента, М., 1967.
14. М. Шолохов, Поднятая целина, М., 1969.

б. На болгарском языке

1. И. Вазов, Под игото, С., 1967.
2. П. Вежинов, Произшествие на тихата улица, С., 1971.
3. А. Гуляшки, Последното приключение на Авакум Захов, С., 1973.
4. Д. и Е. Джурови, Мургаши (спомени), С., 1966.
5. Д. Димов, Тютюн, С., 1964.
6. П. Йовков, Старопланински легенди, С., 1948.
7. П. Йовков, Избрани съчинения, С., 1956.
8. А. Каралийчев, Български народни приказки, С., 1971.

9. Г. Караславов, Снаха, С., 1945.
10. Е. Манов, Краят на делните, С., 1954.
11. В. Мутафчиева, Летопис на смутното време, С., 1972.
12. Е. Пелин, Събрани съчинения, С., 1958.
13. Б. Райнов, Голямата скука, С., 1971.
14. Б. Райнов, Господин Никой. Няма нищо по-хубаво от лошото време, С., 1971.
15. Е. Станев, Иван Кондарев, С., 1972.
16. Д. Талев, Железният светилник, С., 1972.

ОБЩА СЕМАНТИЧНА ХАРАКТЕРИСТИКА НА СЪЩИНСКИТЕ УСЛОВНИ ИЗРЕЧЕНИЯ

Виолета Московска—Еленска

(Резюме)

На денотативна основа и като се взема пред вид позицията на субекта на речта, в студията се формулират диференциалните признаци на същинските условни изречения, които не съдържат допълнителни отсенки на темпоралност, причинност и пр. Подробно се разглежда семантиката на двете основни разновидности на собствено условната конструкция — алтернативните и antecedентните. Във връзка с актуалното деление на изречението (функционалната перспектива на изречението) се въвежда понятието „център на условието“, което се състои в това, че условието може да бъде съсредоточено не само върху сказуемото (действието), но и върху някоя частна характеристика на действието или пък подлога. Центърът на условието е понятие, което дава възможност да се проследи пътят, по който в изреченията с чисто условни съюзи може да възникне не-собствено условно значение. Вторият път за възникване на такова значение е частичната нелокализираност на действието-условие във времето, докато, обратно, при пълната му нелокализираност и обобщеност се пораждат чисто условни отношения дори при наличие на временни съюзи.

Прави се характеристика на конструкциите със съюз **щом** в българския език, като се посочва, че те са нееднородни по отношенията, изразявани от тях. Посочват се три групи изречения с този съюз, разграничени въз основа на източника и характера на знанието, което лежи в основата на съобщението, съдържащо се в подчинената част. Посочва се, че значението на условния съюз („наличие на две идеи“) е семантична основа за възникване и на ред други значения на цялата конструкция.

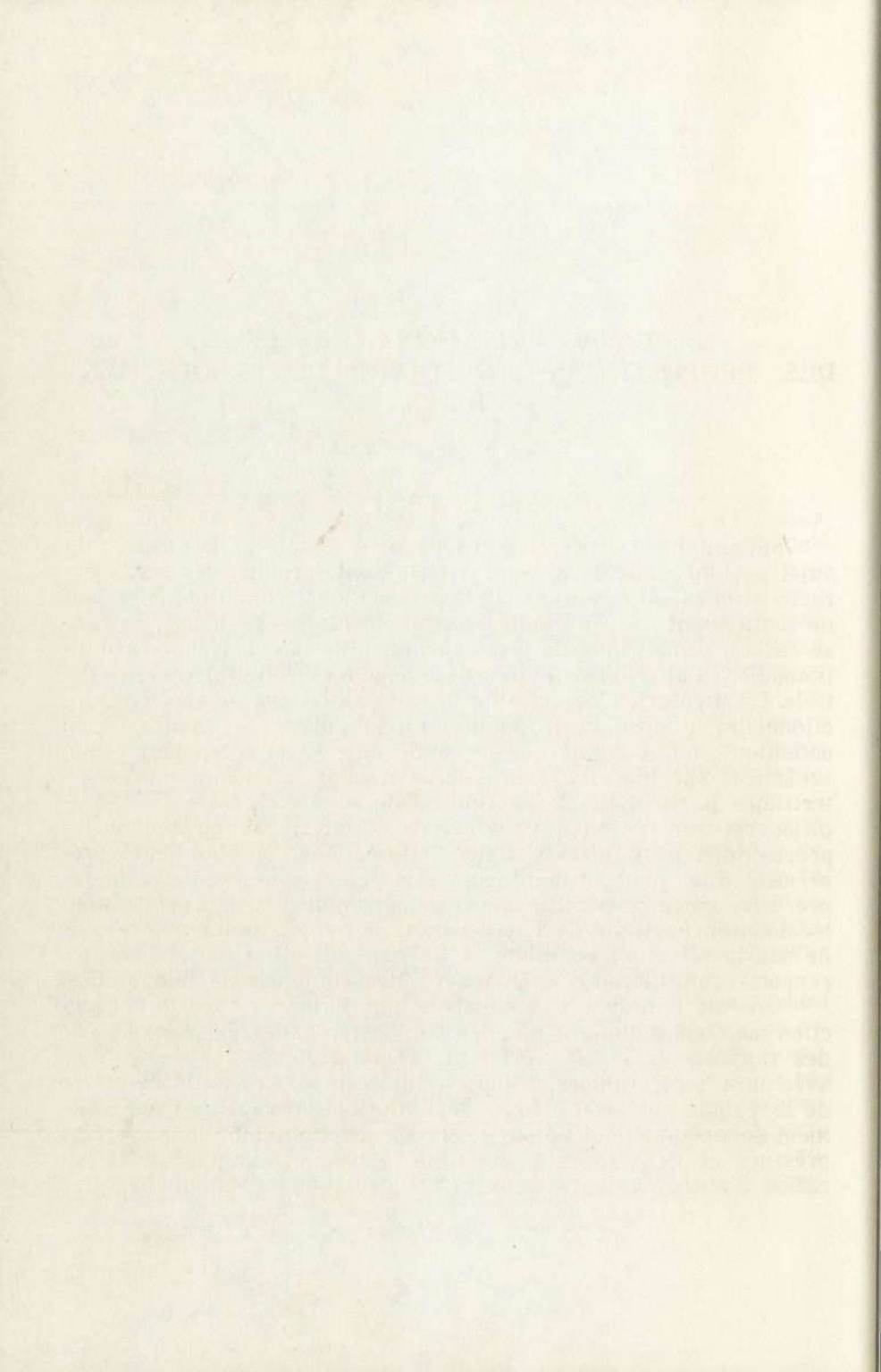
CARACTERISATION GENERALE DES PROPOSITIONS CONDITIONNELLES PROPREMENT DITES

Violeta Moskova—Elenska

(Résumé)

Sur une base dénominative et en tenant compte de la position du sujet parlant dans le présent article sont formulés les traits caractéristiques différentiels des propositions conditionnelles qui ne contiennent pas de nuances complémentaires de temps, de cause etc. La sémantique de deux variantes de la construction conditionnelle (d'alternance et d'antécédence) est étudiée très en détails. L'articulation actuelle de la proposition (sa perspective fonctionnelle) impose l'introduction de la notion de „centre de la condition“, étant donné que la condition peut être concentrée non seulement sur le verbe (sur l'action), mais aussi sur une caractéristique particulière de l'action ou du sujet. Le centre de la condition est une notion qui permet de découvrir comment dans les propositions introduites par des conjonctions conditionnelles proprement dites peut se manifester une valeur conditionnelle impropre. Une autre possibilité de créer une telle valeur c'est la non-localisation partielle de l'action dans le temps, tandis que les cas de non-localisation complète et de généralisation font naître des rapports conditionnels même avec des conjonctions temporelles.

On fait l'analyse des constructions bulgares avec la conjonction *щом* en indiquant qu'elles sont hétérogènes du point de vue des rapports qu'elles expriment. Trois groupes de propositions avec *щом* sont étudiés, compte tenu de la source et du caractère de la valeur qui est au fond de l'information exprimée par l'élément subordonné. La valeur de la conjonction conditionnelle („la présence de deux idées“) constitue la base sémantique de la parution d'autres valeurs dans la construction conditionnelle.

ТРУДОВЕ НА ВЕЛИКОТЪРНОВСКИЯ УНИВЕРСИТЕТ
„КИРИЛ И МЕТОДИЙ“

Том XVI, кн. 2

Филологически факултет

1979/1980

TRAVAUX DE L'UNIVERSITÉ „CYRILLE ET METHODE“
DE V. TIRNOVO

Tome XVI, livre 2

Faculté philologique

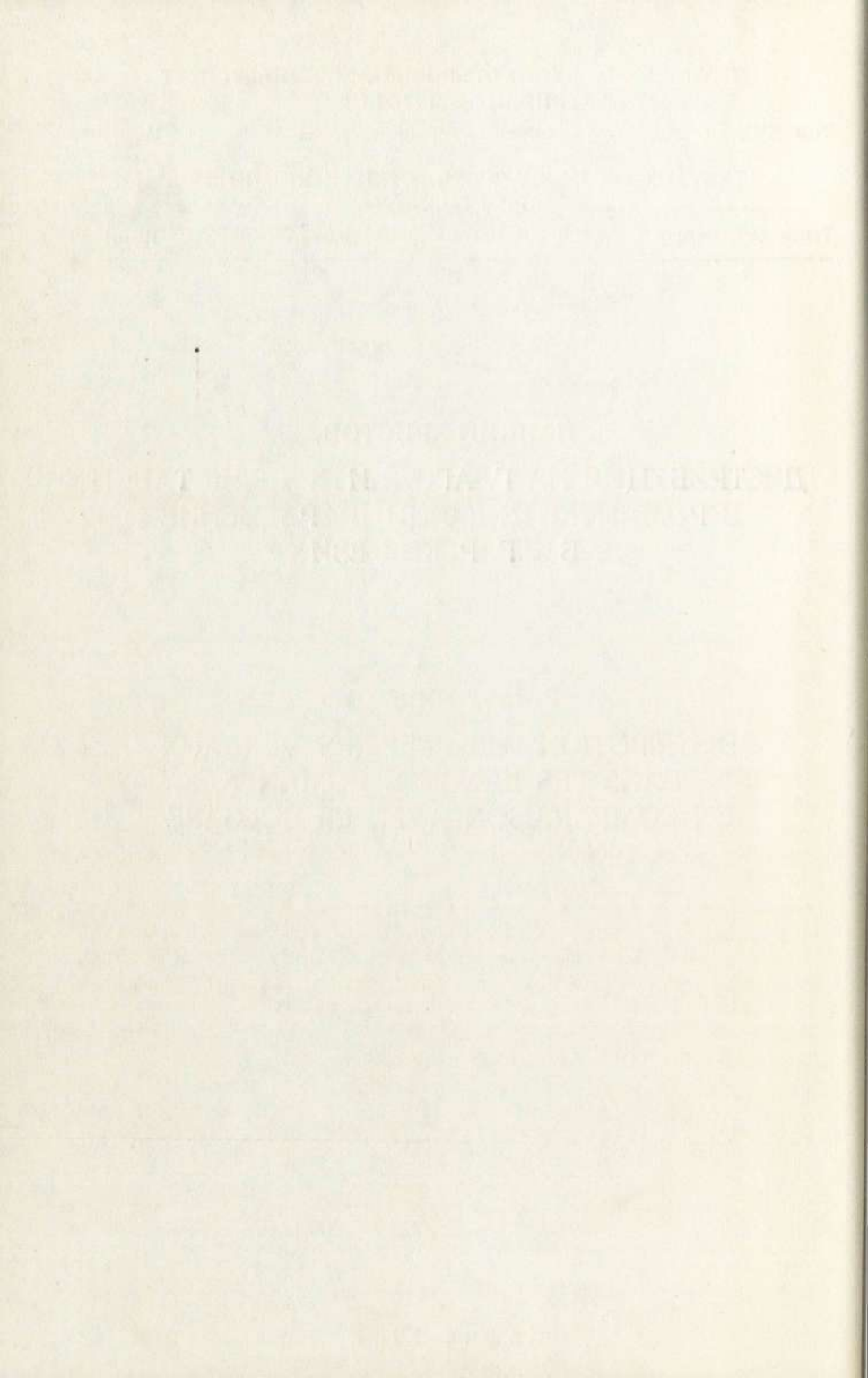
1979/1980

ПАИСИЙ ХРИСТОВ

ДИСТРИБУЦИЯ НА ГЛАГОЛНИТЕ ПРЕДСТАВКИ
В РОМАНСКИТЕ ЕЗИЦИ В СРАВНЕНИЕ
С БЪЛГАРСКИЯ ЕЗИК

PAISSY HRISTOV

DISTRIBUTION DES PREFIXES VERBAUX
DANS LES LANGUES ROMANES
EN COMPARAISON AVEC LE BULGARE

I. ПОСТАНОВКА НА ВЪПРОСА

След като изследвахме в какви отношения представъчно може да бъде характеризирани глаголният процес¹ и засегнахме някои въпроси на семантичната дистрибуция на глаголните представки във френски език², си поставяме за цел да проучим сходствата и различията при дистрибуцията на представките в романските езици в сравнение с българския език. Ще следваме същия план на работа, който използвахме при изучаването на дистрибуцията на френските представки, с цел да доизясним редица от поставените вече проблеми в сравнителен план.

„Глаголът изразява явление, протичащо от една начална до една крайна позиция или, по-добре казано, от причинност към резултатност“³. Процесът може да бъде характеризирани аналитично (адвербиално) или синтетично (чрез префиксална деривация) в различни отношения: пространствени, временни, аспектуални, модални и пр. Поставя се въпросът, как се получава смисълът на производния глагол, в каква степен се проявява афинитетът между представките и глаголните основи.

Това, което Иван Фонаги⁴ казва за сложните думи, е до голяма степен валидно и за префиксалните производни: в повечето случаи би било абсурдно да се мисли, че глобалният смисъл на думата е независим от значението на нейните елементи. В редки случаи тя може да изглежда немотивирана. Въпросът за значенията на глаголните представки и на отношението им към изходната основа е третиран в редица изследвания. Без да търсят значението на компонентите на равнището на езика, едни езиковеди приписват на префиксите значения, произтичащи от изходната основа, а други подценяват взаимодействието между двата елемента и анализират семантиката на представката чрез смисловите ѝ съставки на равнището на речта.

¹ П. Христов, Семантика на глаголните представки в български и френски език, Дисертация, Велико Търново, 1974 г.

² P. Hristov, *Distribution sémantique des préfixes verbaux en français moderne*, Revue roumaine de linguistique, tome XXII, 1977;

³ G. Moignet, *Incidence verbale et transitivité*, Travaux de linguistique et de littérature, 1973, I, Strasbourg, p. 363.

⁴ I. Fona gy, *Le signe conventionnel motivé — un débat millénaire*, La linguistique, 1971, 2, Paris, p. 59.

За да се изясни въпросът за семантиката на производната дума, за валентността на представките и на глаголните основи, е необходимо да се изтъкне специфичното в представъчното глаголообразуване. Преди всичко трябва да се има пред вид родството между представки и предлози. Освен че те имат общ произход, на равнището на езика те се проявяват с едно и също твърде общо значение, което кондензира една глаголна идея. Спирайки се на въпроса за непряко-преходните глаголи във френския език, Ж. Моане подчертава, че предлозите на равнището на езика са еднозначни и значението им трябва да се представя с отглаголни термини, които изразяват специфичната му динамичност.⁵ От проучването на семантиката на представките в българския и френския език⁶ се убедихме, че в повечето случаи не се среща трудност при извеждане на различните смислови нюанси на представките от едно езиково значение.

Какъв е механизмът на префиксацията и каква е връзката му с този на предлога?

За предлога е характерна двойна съотнесеност — към термина, който го предшества, и към термина, който го следва.⁷ Той кондензира една глаголна идея за процесуалност, само че е лишен от граматическите категории на глагола. Като разглежда съчетанието *l'enfant dans le jardin*, Ж. Моане подчертава, че предлогът въвежда агента на операцията, която той изразява (в случая — интериоризация), и поставя обекта в положение на активност, докато първият елемент (*l'enfant*) е в положение на пасивност. Свидетелство за това е и фактът, че именно глаголет *être*, който предполага пасивен субект, актуализира кондензираната, но лишена от формални граматически показатели глаголна идея на предлога (*dans*). В израза „*l'enfant est dans le jardin*“ отношението между субекта и обекта е изразено с предлога, а глаголет *être* служи за конструктивно ядро на фразата (Ж. Моане, пак там, с. 285). Следователно според автора механизмът на предложните конструкции функционира обратно на този на преходните глаголи: *l'enfant (est) dans le jardin = le jardin inclut (contient, incorpore, entoure) l'enfant*.

Примерът на Ж. Моане е твърде показателен за механизма на действие на представъчните образования, при които има наслагване на две глаголни идеи: на основния глагол и на представката. Първата се отличава с предикативност (носител е на глаголни категории), но изразява по-общо отношение между субекта и обекта, а втората служи да конкретизира това отно-

⁵ G. Moignet, Sur la „transitivité indirecte“ en français, Travaux de linguistique et de littérature, 1974, I, p. 284.

⁶ П. Христов, Семантика на глаголните представки..., с. 211—230.

⁷ G. Moignet, Sur la „transitivité indirecte“..., p. 283.

шение, но пък е лишена от възможността да функционира самостоятелно. Представката се явява комбинаторен вариант на предлога. Докато предлогът има по-самостоятелен статут и може да се свързва с глаголи, които изразяват идея, различна от тази на предлога (срв. *l'enfant est (entre, lit, se repose) dans le jardin*), то представката е в тясна семантическа зависимост от изходната глаголна основа. Именно тази зависимост определя дистрибуцията на глаголните представки.

Тъй като изходните глаголи в повечето случаи са многозначни, оказва се, че дадена представка може да се комбинира само с някои от значенията на основата и е несъвместима с останалите. Така например атрибутивното значение на глагола *правя* (*тази дреха го прави смешен*) е несъвместимо с представката *пре-*, докато *правя* със значение „изработвам, изготвям нещо“ приема представката *пре-* (*преправям къща*). Романските глаголи *genâitre* (fr.), *rinascere* (it.), *genacer* (esp.), а *genaşte* (roum.), *genascer* (port.) включват не основното значение на изходния глагол, заключаващо се в биологическия процес „раждане“, а едно производно, по-абстрактно значение.

Следователно, след като всяка от представките притежава едно обобщаващо значение на езиково равнище, то, за да се проучи тяхната семантична дистрибуция, е необходимо да бъдат систематизирани значенията на изходните глаголни основи и да се види с какви представки те могат да се съчетават. Едно изчерпателно проучване на въпроса е практически трудно осъществимо, дори ако трябва да се ограничим само с един език. А когато си поставяме за цел да проучим семантичната дистрибуция на глаголните представки в българския в сравнение с френския език и с другите романски езици, това означава, че трябва да изходим от принципни положения, които дават обща характеристика на явлениято, без да навлизаме в лабиринта от семантични прояви на елементите, съставляващи префиксалния глагол.

От методологическа гледна точка може да се постави въпросът, дали изследването трябва да стане на равнището на езика, или на равнището на речта. „Кой лексикален знак трябва да бъде проучван? Този, който се явява с цялата си специфичност при общуването, или знакът, който е част от общия код на социално-лингвистическата общност? С други думи, какво трябва да се изследва — семантиката на езика или семантиката на речта? Тези две методологически гледища не са несъвместими“⁸. Префиксацията по наше мнение заема междинно положение между езиковото равнище и равнището на речта, т. е. представките проявяват избирателност по отноше-

⁸ P. Charaudeau, Problèmes de l'analyse lexicosémantique, Travaux de linguistique et de littérature, Strasborg, 1974, XII. I, p. 210.

ние на речевите значения на изходните глаголи, преди те да са влезли в състава на фразата. Следователно могат да се различат три фази в семантичното формиране на производната дума: Първата фаза е предефективна (латентна, потенциална). Тя може да свидетелствува за афинитета между глаголната представка и изходната основа в зависимост от това, какъв процес изразява изходният глагол и в какво отношение представката може да го характеризира. Втората фаза се изразява във формирането на производната дума и на нейното значение — резултат от взаимодействието на представката и една (или повече) от речевите прояви на значението на изходния глагол. Третата фаза се проявява при употребата на производния глагол в речта, където контекстът дава плът на заложената в производната дума семантика. Благодарение на контекста производните добиват автономност и значението им може да се отдалечи до такава степен от значението на компонентите, че да изглеждат смислово немотивирани. За илюстрация ще посочим примера с френския глагол *devenir*, който идва от лат. глагол *devenire* със значение „идвам, пристигам“, като ударението се поставя върху точката на тръгването (*venire de*). От първоначален обстоятелствен глагол, означаващ преминаване от едно място към друго, *devenir* се превръща в атрибутивен глагол, включващ идеята за преминаване от едно състояние към друго, от едно качество в друго. Представката *de-* символизира предшестващото качество като отправна точка към новото качество.

В най-общ смисъл глаголят изразява отношението между един субект и един обект⁹. Какъв критерий трябва да се приложи, за да се направи такъв подбор от глаголи, които да са достатъчно представителни по отношение естеството на глаголният процес? Проучването на семантичната дистрибуция на представките с тези глаголи в един или няколко езика може да бъде показателно за тенденциите, които се следват от префиксалната глаголообразователна система. Отговор на този въпрос намираме в изследванията, направени върху основните глаголи във френски език. Според Л. М. Скредина основните глаголи във френски език са *être, avoir, faire, laisser, aller, venir*, явяващи се семантически инварианти на три големи подразделения, в които се обединяват всички френски глаголи, т. е. инварианти на непреходните глаголи за състояние и битие, на преходните глаголи за действие и на непреходните глаголи за движение¹⁰. Авторката не е взела пред вид семантичната йерархия на основните глаголи във френски език и генетическата връзка меж-

⁹ А. Jacob, *Genèse de la pensée linguistique*, Paris, 1973, p. 103.

¹⁰ Л. М. Скредина, Изменение валентных свойств фундаментальных глаголов французского языка, Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1971.

ду тях, а това е твърде съществено във връзка с развитието на глаголния процес. В настоящото изследване ще възприемем теоретическите принципи на К. Манчев¹¹, отнасящи се до генезиса на глаголната идея.

Като констатира, че „глаголът, който поражда фразата, включва преди всичко отношението между субекта и обекта“, авторът посочва трите основни позиции *être*, *avoir* и *faire* в тяхната хронологическа последователност. Тези три глагола са в основата на глаголната система. Всички други могат да бъдат сведени към *être*, *avoir* или *faire*. Различават се три конструкции при глагола *être*: абсолютна конструкция *être*₁ (глаголът е еквивалент на *exister*), атрибутивна конструкция *être*₂ (глаголът е копулативен) и обстоятелствена конструкция *être*₃, например: *être quelque part* (с. 36).

„Модалните глаголи *pouvoir*, *vouloir* и *devoir* следват непосредствено след *être*, като го включват в себе си и бележат по-голямо или по-малко доближаване до *avoir*, без да могат да го достигнат“ (с. 36–37).

„Между *avoir* и *faire* се намират глаголите за възприятие: *éprouver*, *sentir*, *entendre*, *voir*, *connaître*, *comprendre* etc.

След като очертахме системата на основните глаголи във френския език, ние трябва да видим как тя се реализира в романските езици и в българския език. В романските езици е възможно глаголите да имат идентично историческо развитие. В такъв случай ще изследваме френската глаголна система и ще се спираме само на отклоненията при съчетаването на глаголите с представки в останалите романски езици. След като очертаем принципните положения на семантичната дистрибуция на представките в романските езици, ще направим сравнение със състоянието на въпроса в българския език, за да извлечем някои констатации от по-общ характер.

II. ETRE И ГЛАГОЛИТЕ, КОИТО МОГАТ ДА СЕ СВЕДАТ КЪМ НЕГО

А. ПОЗИЦИЯТА ETRE₁

1. „Глаголът *être*₁ изразява съществуването на всяка езиково мислима материя. Това е първата позиция от идеогеничната система на френския език.“¹² С това си значение обаче *être*₁ се употребява в ограничен брой случаи: *être ou ne pas être*, *il est un âge dans la vie*, *je pense donc je suis*.

¹¹ К. Манчев, *Hiérarchie sémantique des verbes français contemporains*, Cahiers de lexicologie, Paris, 1967, I, p. 31–46.

¹² К. Манчев, Н. Тодоров, *Éléments d'idéogénie*, Annuaire de l'Université de Sofia, tome 54, I, p. 361.

Не е безинтересно да се отбележи, че докато при другите позиции на *être* идеята за съществуване е „изразена чрез субекта в момента, в който ние го назоваваме“¹³, то при *être* съществуването се изразява чрез самия глагол, който предшества субекта. Като въплъщение на това значение се явява безличният израз *il est*, в който *il* е само референт на истинския субект, назован едва след като е утвърдено неговото съществуване. Инфинитивната конструкция *être ou ne pas être* представя идеята за съществуване в най-чист вид. При *je pense donc je suis* *je* не бива да се разглежда като истински субект, а като белег на категорията лице, отнасящо се в случая до човешките същества изобщо. Потвърждение на това се явява фактът, че комутацията със съществителното тук е невъзможна. *Pierre pense donc Pierre est* не се среща нормално в езиковата практика.

В изрази като *Jean n'est plus* подлогът предшества, тъй като се налага да се отрече неговото съществуване — т. е. най-напред се утвърждава едно съществуване чрез самия субект, а след това то се отрича с глагола. Нека посочим още особеността при изрази *Que la lumière soit, et la lumière fut*. В първата част *que la lumière soit* субектът предшества, защото *être* е в подчинително наклонение и не изразява съществуването като факт, а като нещо, зависещо от една модалност — т. е. най-напред се назовава субектът, за да се подложи на оценка неговото съществуване. Във втората част *et la lumière fut* субектът предшества глагола, за да се запази от формална гледна точка симетрията на целия бинарен израз. От друга страна, за съществуването на субекта реално или не вече е станало дума, така че няма причина то да не бъде утвърдено чрез употребата на субекта (граматически подлог) пред глагола. Горните разсъждения не означават, че когато съществуването не е представено като реално, задължително трябва подлогът да предшества: глаголната форма може и сама да включва модална оценка на процеса (срв. *да бъде ден, soit le triangle ABC — fr., fiat lux — lat., sea la luz, y la luz fue — esp.*).

От разгледаните случаи може да се констатира, че идеята за съществуване, изразена в най-чист вид чрез глагола *être*, включва в себе си само своя субект, който се характеризира с пасивност и идва обикновено на второ място. Поради това липсва необходимостта от вътрешна, синтетична характеристика на процеса. Наличието на обстоятелствени определения говори за възможността да се доуточни съществуването във времето или пространството: *il était une fois, il est un âge dans la vie*. Но тези обстоятелствени изрази са толкова общи, че те практически не дават никаква допълнителна информация.

¹³ А. Jacob, op. cit., p. 103.

Фактът, че глаголът *être* има ограничена употреба и че изразява най-общо идеята за съществуване, обяснява липсата на представъчни образowania с този глагол. Към това може да се добави и едно семиологично обяснение. Парадигмата на спрежението на глагола *être* е нееднородна и тя не позволява съчетаване с представки.

В испански, португалски и румънски език съответният глагол (*ser* — *esp.*, *port.*, *a fi* — *roum.*) се употребява пред подлога със значението си за съществуване, без да изисква лично местоимение в трето лице единствено число, както във френския език, което се дължи на спецификата в развитието на глаголните системи: *erase una vez un hombre* (*esp.*), *era uma vez um rei* (*port.*), *a fost odată* (*roum.*). За тези езици са валидни същите констатации, които бяха направени за френски език във връзка с невъзможността на глагола да се съчетава с представки.

В италианския език се наблюдава една особеност в това отношение. Като се изключи изразът *essere* о *non essere*, в останалите случаи значението за съществуване на *essere* изисква пространствена определеност, която се изразява чрез *ci* или *vi*: *c'è chi pensano, c'è la signora?*, *non c'è nessuno*. Пространствените индикатори *ci*, *vi* имат толкова общо значение, че те представляват формална опора на идеята за съществуване, без да я конкретизират: *e sapresti dirmi quello che vedi di lassu, se c'è soldati austriaci da qualle parte*. (*E. de Amicis*) докато във френския, испанския, португалския и румънския език идеята за съществуване може да се разглежда самостоятелно, то в италианския език е явна връзката ѝ с пространственото значение на *essere*.

В българския език глаголът *съм* също има ограничена употреба при изразяване на идеята за съществуване (*докато съм аз, няма да говориш за това* (БТР), *беше време, когато; било ясно утро*). В тези случаи глаголът тясно е свързан с понятия за време (*докато, време, утро*) и служи да фиксира (в миналото или в настоящето) наличието на нещо. И тук пасивността на субекта и отсъствието на динамичност на процеса не позволяват той да се характеризира префиксално. Освен това разнородното спрежение на *съм* също е пречка за получаване на префиксални производни.

В бъдеще време се употребяват две форми — *ще съм* и *ще бъда*. Чрез втората съществуването се представя като жизнен процес, субектът се отличава със значителна активност, което е предпоставка за представъчна характеристика на действието. Съвременният български език познава два производни глагола — *пребъда* и *сбъдна се*, а като диалектни се отбелязват още *избъдна* („оздравея“) и *побъда* (вж. БЕР).

Тук може да се отбележи една съществена разлика между префиксалните системи в българския език в сравнение с роман-

ските езици. Докато българските представки въз основа на пространственото си значение са развили и други (временни, модални, количествени и пр.), то представките в романските езици в повечето случаи са останали с конкретните си пространствени значения, а само понякога стигат до изразяване на временна характеристика на глаголният процес. Така например българската представка *пре-* (*през-*) изразяваща „преминаване през нещо“, в много от дистрибуциите си се е отдалечила от конкретното си значение (срв. *пренеса, преживея, препека*). В съчетание с *бъда* тя означава движение във времето, което има за краен резултат просъществуването на субекта, за разлика от *преживея*, чрез който се набляга върху това как и през какво е минало съществуването. Лесно са обясними и диалектните форми *побъда* (*по-* изразява кратковременно протичане на действието) и *избъдна*, който има стеснено значение — чрез значението за излизане от нещо (екстерниоризация) на представката *из-* се утвърждава съществуването на субекта след излизане от болестно състояние. Глаголът *сбъдна* се предполага субект, който сам съдържа проспективна идея (*мечта, предвиждане, план, проект* и др.), сродна с временната ориентираност на *бъда*. Могат да се различат два плана в състоянието на субекта — предефективен (в областта на въображението) и ефективен (в реалната област — след реализирането на субекта в действителността). Връзката между тях се осъществява чрез асоциативната представка *с-*.

Още при анализа на *съм* проличава високата валентност на българските представки, които с един чисто екзистенциален глагол могат да изразят идеята за движение (макар и във времето — *пребъда*), асоциативната идея (*сбъдна се*), количествено-временната идея (*побъда*) и пр.

Семантичната връзка между *être* и *avoir* се проявява на първо място при изразяване на идеята за съществуване, за наличие. Това се наблюдава в редица езици. Във френския език се използва безличният израз *il y a*, в който безличното местоимение *il* и наречийното местоимение *y* служат като референти на дадена ситуация, макар че имат различно отношение към глаголната форма. В испанския и португалския език съответният глагол *haber* и *haveir* също се употребява безлично, без да изисква местоименни форми, които да му служат като референти за външната среда: *en la mesa hay tres revistas; há gente que não trabalha*.

В италианския език употребата на *avere* като безличен глагол за изразяване на наличие, на съществуване на конкретни неща е ограничена. Той се среща по-скоро в изрази, в които се съдържа качествена определеност или модалност: *ha ancora da nascere l'uomo che...*

В румънския език наличието се изразява предимно с глагола *a fi*: *pe măsă sînt două cărți*. Само в редки случаи *a avea* се употребява безлично: *p'are nimic*.

И в българския език глаголът, изразяващ притежание — *имам*, — се използва като безличен глагол за означаване на наличие: *в гората има много гъби*.

От всички проучени езици само в българския безличният глагол *има* може да влиза в съчетание с представки. БТР (А) отбелязва употребата на *поимва* за изразяване на наличие в малко количество или от време на време: *у тях все поимва раклия за гости*. Говорната практика показва, че и други представки могат да се съчетават с *има*: *про-* — за изразяване начало на наличието (*когато проима гъби, ще ходим често в гората*), *за-* в съчетание с възвратна форма на глагола при изразяване на начално действие: *заима се няма*. Следователно и тук проличава характерната особеност на българските глаголни представки да имат отношение към времетраенето на действието или към неговите фази, което е невъзможно в романските езици.

В романските езици със значение за съществуване се употребяват още глаголите *stare* (it.), *estar* (esp., port.), *a sta* (roum.). Това значение най-често е свързано с някаква обстоятелствена характеристика: *e una cosa che non sta né in cielo; né in terra* (it.), *non puo stare senza bere* (it.), *està o dono* (port.), *¿ como está ud?* (esp.), *cum sta treaba?* (roum.), *a ști cum stau lucrurile?* (roum.).

Тези глаголи не са дали префиксални производни с това си значение, тъй като те означават не положение, а съществуване, което по начало не изключва понятията за време и пространство, но се представя като статичен процес, който не изисква допълнителна определеност. Както ще видим по-долу, когато дискурсивното им значение предполага разположение в пространството, комбинирането им с пространствени представки е възможно и естествено.

Освен разгледаните глаголи, които най-често са безлични и дават най-обща представа за съществуване или наличие, в романските езици се употребяват и глаголи с по-конкретно съдържание. На първо място трябва да посочим глагола *exister/ esistere* (it.), *existir* (esp., port.), *a exista* (roum.).

Exister по думите на К. Манчев и Хр. Тодоров¹⁴ е реализацията на *être*. Чрез този глагол съществуването е представено като процес във времето. Това ни позволява да разглеждаме съществуването на един субект по отношение на съществуването на друг. Възможни са три случая:

а) Субектът А съществува преди субекта Б. На лексико-се-

¹⁴ Цит. съч., с. 364.

мантично ниво това се изразява с представъчния глагол *pre-exister*: **A** *préexiste* а **B** (*preesistere, preexistir, a preexista*).

б) Двата субекта съществуват едновременно: *A et B coexistent* (*coesistere — it.; coexistir — esp., port.; a coexista — roum.*).

в) Третият случай се свежда към първия — употребява се същият производен глагол, след като двата субекта разменят местата си по отношение на глагола: **B** *preexiste* а **A**.

Необходимо е тук да се изясни същността на връзката между представката и изходния глагол. На равнището на езика представката *pré-* означава „преднина“, „изпреварване“, „предшествуване“ (в пространството или във времето). Тъй като *exister* изразява процес във времето, то е налице подчертан афинитет между двата елемента, благодарение на който се реализира префиксацията. По-интересен е случаят с изразяване едновременност на действието. Това е сравнително по-ясно понятие и разглежданите езици не притежават специален езиков елемент, който да реализира идеята за едновременност. Езиковата система предлага друг подход към разглежданото явление — използва се социативният префикс *co-* (*con-, cum-*), чрез който се изразява наличие на повече субекти, вземащи участие във въпросния процес, и оттук идва идеята за едновременност на съществуването. И така два префикса със значения от различен порядък се съчетават с един и същ глагол, като всеки конкретизира по различен начин значението си. И ако си позволяваме да говорим за временно значение на тези представки, то това се отнася само за равнището на речта, докато тяхната семантика на езиково равнище е много по-обща. Ще отбележим още, че характеристиката на процеса, изразена чрез представките *pré-* и *co-*, е външна. Тя не засяга начините на неговото протичане, а само го локализира по отношение на други процеси от същото естество. Впрочем тази външна определеност на процеса е характерна за романските езици, докато в българския език той може да бъде представен и от гледна точка на начина на неговото протичане.

Освен чрез глагола *exister* идеята за съществуване се изразява още чрез *subsister, persister/subsistir* (*esp., port.*), *susistere* (*it.*), а *subzista* (*roum.*), *persistir* (*esp., port.*), *persistere* (*it.*), а *persista* (*roum.*).

Макар че това е извън пряката цел на нашето изследване, ще посочим връзката между съставните елементи на латинските глаголи *subsistere* и *persistere*. Глаголът *sisto* като транзитивен се употребява с конкретни значения: „поставям; настанявам; построявам“ и т. н. Като непреходен той означава „спирам се, заставам“ — в пространствен план, и „трая, оставам, съществувам“ — с по-абстрактно значение (ЛБР). *Subsister* предполага съществуване, което е минало *под* (= *sub*) тежестта на някакви трудности, което е понесло известни несгоди, превратнос-

тите на времето. При *persistere* може да се открие начален афинитет между пространственото значение на глагола *sisto* (= „стоя“) и временното значение на представката *per-* (= „през време на, в продължение на“). Така от конкретното значение „продължавам да стоя“ се е стигнало до преносните употреби, които единствени са се запазили в романските езици: „постоянствувам, упорствувам“.

На френския глагол *exister* в българския език отговаря *съществувам*, който е суфиксално образуван от сегашното действително причастие *същ* на старобългарския глагол *есмь* (*быти*). Показателен е фактът, че значението на *съм* се конкретизира именно чрез глагол, произхождащ от такава форма на *съм*, която представя съществуването като процес — от сегашното действително причастие. Насочеността на процеса напред във времето отговаря на проспективното значение на представката *pro-* и затова е възможен глаголят *просъществувам*. Той отговаря на латинския глагол *subsistere*, само че дълбоката смислова структура в двата случая е различна.

Съществуването на живите организми се предава чрез глаголите: *живея*, *vivre* (fr.), *vivere* (it.), *vivir* (esp.), *viver* (port.), *a trăi*, *a viețui* (roum.). Те изразяват действителен процес с измерение във времето, който е ограничен от двете страни, като неговата начална граница е *раждам се*, а крайната — *умирам*. Следователно може да се очаква, че този процес допуска временна характеристика — тъй като е ориентиран напред, той дава възможност да бъде изразена идеята за по-голяма продължителност по отношение на друг подобен процес. Склонност към изразяване на такава идея имат представките *над-*, *sur-* (fr.), *sopra-* (it.), *sobre-* (esp., port.), *supra-* (roum.). Най-общото езиково значение на тези представки се състои в изразяване на положение над нещо, на превъзходство (*idée de supériorité*). В случая те се конкретизират във временно отношение, съобразно с процеса на глагола, към който се прибавят: *надживея*, *a supraviețui*, *sobrevivir*, *sobreviver* *no coraçao dos amigos* (port.), *il n'est pire mort que de survivre à l'honneur* (fr.), *sopravvivere nelle proprie opere* (it.).

Семантичната структура на испанския глагол *pervivir* е подобна на тази на *persistere* (вж. по-горе!). *Per-* означава продължителност на действието във времето и естествено се съчетава с *vivir*. Глаголът идва от латински: *pervivo* = „продължавам да живея“. В другите романски езици не са се запазили производни от него.

Поне мислено всички процеси, които включват начало и край, могат да се повторят. Повторителността на действието може да се изрази не само с наречиен израз, но и с представки: *pre-*, *re-* (fr., esp., roum., port.), *ri-* (it.).

Тези представки не изразяват отношение към друг процес,

тяхната семантика е толкова обща, че те са съвместими теоретически с всеки процес. Макар че тези представки не служат да локализират действието в пространството и времето, изразяваната от тях повторителност не е безразлична към начина на действието.¹⁵

Каква е дистрибуцията на тези представки с глаголите за живеене в романските езици?

Във френския, испанския, италианския и португалския език има производни глаголи за изразяване повторителност на жизнения процес: *l'espoir revit dans les coeurs* (fr.), *rivivere nella memoria dei posteri* (it.), *revivir la antigua discordia* (esp.), *um pai revive no seu filho* (port.).

От примерите се вижда, че значението на производните глаголи в изречението не е същото, което те имат на нивото на езика, не е сбор от значенията за повторителност и значението за живеене. Във френския език смисълът е „възраждам се“, в италианския — „продължавам да живея“, в испанския — „изживявам повторно“, в португалския — „прераждам се“. Във всеки от тях се съдържа идеята за подновяване на един жизнен процес, но нюансите са различни.

В българския език глаголът *живея* в съчетание с представката *пре-* не изразява повторителност на действието. Как може да се обясни фактът, че с едни глаголи (*препраща, прекроя*) същата представка изразява повторителност на действието, а с други (*преживея, премина*) означава пространство или време, през което протича действието? И тук трябва да се изходи от значението на представката на равнището на езика. *Пре-* в най-общ смисъл означава движение в пространството или времето. Следователно в съчетание с глаголи, които изразяват процес в развитие, *пре-* ще предполага обстоятелствена конкретизация на процеса, която граматически ще бъде предадена с пряко допълнение или обстоятелствено пояснение: *преживях голяма радост, утре като премина през тиха бяла Дунава*. (Ботев).

Глаголи като *праща* и *кроя* не изразяват насочен процес и следователно те изключват пространственото значение на *пре-*. Тъй като представката *пре-* означава движение, то с глаголите, изразяващи все пак процес, който има начало и край, и са с подчертано резултативно значение, движението се явява като връщане от началната точка и достигане до крайната, като при това обикновено се цели най-често подобряване на резултата. В това се заключава и идеята за повторителност, изразена чрез *пре-*. А цитираният вече пример от италианския език показва, че представката *ri-*, вместо да изрази повтаряне на процеса от начало до край, означава неговото продължение при други обстоятелства (*rivivere nella memoria dei posteri*).

¹⁵ П. Христов, Семантика на..., с. 142—145.

От примерите с глагола *revivre* и неговите съответки в испанския, италианския и португалския език се констатира, че само в един случай смисълът е „живея, изживея отново“ — идея, която на български език се предава аналитично. Когато *revivre* означава „възраждам се“ или „прераждам се“, в същност той се доближава до значението на *renaître*, дори се покрива с него. Когато се касае за човека, естествено не може да става дума за буквално повторение на процеса, а за неговото продължение при други условия (както в примера от португалския език). А когато субектът е неодушевен (най-често абстрактен), *revivre* и *renaître* означават появяване отново, след известен период на изчезване. Следователно в романските езици представката *re-* неутрализира разликата между *vivre* и *naître*. (*Naître* е началната фаза на *vivre*) и ги прави синоними поне в някои от употребите им, като свежда *vivre* към *naître*. В българския език семантичната структура е различна. Глаголът *раждам се* предполага възможност за съчетаване с представки, за да се охарактеризира началната фаза на процеса (*възраждам се, прераждам се*), а *живея се* съчетава с други представки, които имат отношение към самото развитие на действието.

Глаголът *живея* може да се съчетава още със следните представки: *в-, до-, за-, из-, на-, от-, по-, при-*. Чрез тях се постига изразяване на следните отношения, разпределени според фазите на действието:

1. Начална фаза на действието

- а) Започване на действието: *заживея*.
- б) Желание за започване на действието (в пряка зависимост от контекста): *доживя ми се, приживя ми се*.

2. Централна фаза на действието

- а) Действие, което трае кратко време: *поживея*.
- б) Действие, което има отношение към своя обект: *вживея се* (изразява се проникване в нещо), *изживея* (изисква уточнение за това, с какво е бил запълнен животът).

3. Крайна фаза на действието

- а) Достигане на действието до някакъв предел (*доживея*).
- б) Прекратяване на действието: *отживея*.
- в) Завършено действие с оценка за начина на протичането му: *наживях се, отживях си*.

И тук може да се констатира разликата между романските езици и българския език. В романските езици представките по принцип нямат отношение към фазите на глаголното действие и към начините на извършването му. Те са останали само с конкретните си пространствени, а в някои случаи временни зна-

чения и следователно тяхната дистрибуция е много по-ограничена. Глаголите за съществуване все още не означават насочено движение, за да могат да се съчетават с конкретното значение на романските представки. В българския език се наблюдава много по-изявена еволюция в семантиката на представките, което им дава възможност да изразяват отношение към протичането на процеса. С други думи казано (в това ще се убедим при по-нататъшния анализ), романските представки за разлика от българските служат само да локализират процеса или по отношение на друг процес, или по отношение на говорещия, но не засягат фазите и начините на протичането му.

От анализите, направени на глаголите за съществуване в романските езици и в българския език, може да се заключи следното:

а) Глаголите, които изразяват съществуването като даденост, като наличие — *съм* и неговите съответки, — не допускат префиксална характеристика (с изключение на производните от българските глаголи *бъда* и *има*).

б) Глаголите, чийто процес представлява конкретна проява на съществуване на живите организми (*живея* и неговите съответки), включваща начало и край на процеса, допускат в романските езици префиксално изразяване на идеята за повторителност, както и някои временни конкретизации (*pervivir* — *esp.*, *survivre* — *fr.*), а в българския език, в който семантичната валентност на представките е много по-висока, процесът изразен чрез съответния глагол, може да бъде характеризиран от гледна точка на фазите и начините на неговото протичане.

2. *Faire + être*. Чрез въздействието на *faire* върху *être* според теорията за генезиса на глаголната идея се пораждаат глаголи, които се отнасят до двете крайни граници на съществуването¹⁶. Когато *être* е положителен, глаголите изразяват началото на процеса, а когато е отрицателен — неговия край. Въпросните глаголи могат да бъдат разгледани още в зависимост от това, дали действието е насочено към субекта, или към обекта (тук СУБЕКТ и ОБЕКТ се вземат като граматически понятия, отговарящи на подлог и допълнение), а също така дали субектът и обектът са одушевени или не. Трябва да се има пред вид, че посочените глаголи не са единствените за изразяване на съответната идея — същата може да бъде предадена със синонимен прост глагол или с глаголен израз. Взели сме пред вид родството между романските езици и сме използвали по възможност думи от един корен (виж таблицата!).

След като значението на тези глаголи може да се сведе към конструкцията *faire + être*, има ли между тях такива отношения, които да могат да се предадат представъчно?

¹⁶ К. Mantchev, *Hierarchie sématique...*, p. 39.

Таблица на глаголите, които се свеждат към конструкцията

FAIRE + ETRE₁

Признаци на класификация Разглеждани езици	III С У Б Е К Т			
	о д у ш е в е н и		н е о д у ш е в е н и	
	положителни	отрицателни	положителни	отрицателни
френски	NAITRE	MOURIR	PARAITRE	DISPARAITRE
италиански	NASCERE	MORIRE	APPARIRE	SPARIRE
испански	NACER	MORIR	PARECER	DESAPARECER
португалски	NASCER	MORRER	APARECER	—
румънски	A SE NAȘTE	A MURI	A APAREA	A DISPAREA
български	РОДЯ СЕ	УМРА	ЯВЯ СЕ	ИЗЧЕЗНА
О Б Е К Т				
френски	ENGENDRER	T UER	CREER	ANEANTIR
италиански	GENERARE	UCCIDERE	CREARE	ANNIENTARE
испански	ENGENDRAR	MATAR	CREAR	ANQUILAR
португалски	GERAR	MATAR	CRIAR	—
румънски	A NASTE	A UCIDE	A CREA	A NIMICI
български	РОДЯ	УБИЯ	ТВОРЯ	УНИЩОЖА

От таблицата се вижда, че единствено идеята за отрицание при неодоушен субект може да бъде изразена префиксално в романските езици. Тук отрицанието се явява като опозиция между началото и края на едно съществуване. Има съществена разлика между аналитично изразеното отрицание, представляващо позиция, успоредна на тази, която се отрича и която следователно съществува само в мисълта, и синтетичното (префиксално) отрицание, насочено към резултата на един процес.

Това, че единствено в тази позиция се явява възможността идеята за отрицание да се изрази префиксално, се дължи вероятно на факта, че въпросните глаголи предполагат идея за движение много по-обща от идеята, изразена при другите опозиции. Интересно е да се отбележи, че докато във френски *dispar-*

gaître предполага paraître, то в италианския и румънския език и положителният, и отрицателният глагол са производни и имат за основа глагола parere, който в съответните езици се е запазил с атрибутивното си значение: parere — apparire, sparire (it.), a parea — a apărea, a dispărea (roum.).

В испанския и португалския език отрицателният глагол desaparescегима за основа не простия paracer, а неговия производен синоним apacer.

В българския език горната опозиция се предава с две различни лексеми: *явя се* — (*из*)*чезна*. По въпроса за представъчното изразяване на идеята за отрицание в българския и френския език вж: „Семантика на глаголните представки в български и френски език, с. 193—210.“

Вторият въпрос, който се поставя, е дали семантиката на разглежданите глаголи допуска процесът да бъде характеризан префиксално и в какви отношения. Ще разгледаме поотделно глаголите, които изразяват началото на съществуването, и тези, които означават последната фаза на процеса.

И тук се налага констатацията, че единствено глаголите, съдържащи идеята за започване на процеса, могат да приемат представъчно изразяване на повторителността. При съответките на paître и créer в другите романски езици префиксацията следва един и същ модел: представката ge- се прибавя към положителната непрефигирана форма (renaître — fr., renacer — esp., a renaște — roum., renacer — port., rinascere — it., recréer — fr., ricreare — it., recrear — esp., recriar — port., a recrea — roum.). При френския глагол paraître повторителността също се изразява чрез прибавяне на ge- към основния глагол, докато в останалите романски езици представката се прибавя към префигирана основа: giapparire (it.), gearapacer (esp., port.), a gearărea (roum.).

Макар че във френския и испанския език пораждането на одушевен обект се изразява с представъчен глагол (engender, engendrar), в италианския и румънския език — с непредставъчен (generare, а успоредно се употребява и ingenerare, а genea), а в португалския език — gerar, повторителността при всички се изразява по един и същ модел: ge + generare : regénéner, rigenerare, regenerar, а genea.

Въпреки че в своите употреби някои от проучваните глаголи (например paraître) не се свеждат към être, а по-късно към êtrez, ще разгледаме останалите им деривационни комбинации с цел да разкрием тяхната специфика. Paraître предполага насоченост на процеса, която се конкретизира с представката ar-, т. е. подчертава се, че появяването на един субект става по отношение на друг: apparaitre (fr.), apparire (it.), aparacer (esp., port.), a apărea (roum.).

Освен това *paraître* се комбинира с представката *COM-*, за да се изрази множественост на субектите при проявление на процеса и оттук — едновременност на действието. Но това значение, което е било явно в латинския език, се е стеснило чувствително в романските езици и производните означават процес, адресиран към друг субект: *comparaître, comparire, comparacer, a comparëa* (*comparire in sogno, comparire in giudizio, fa molte buoni azioni, ma non vuole comparire — it.*).

В някои случаи значението се е стеснило още повече и глаголът означава само „явявам се пред съд“: *comparaître devant le tribunal fr.*), *comparecer antes los jueces (esp.)*.

Поради това че в италиански език *comparire* е запазил първоначалното си значение и се явява синоним на *apparire*, той може да се комбинира с отрицателната представка *s-*: *scomparire*. Подобно нещо не се наблюдава в другите романски езици.

Трябва да се отбележи между другото, че в италианския език като вариант на отрицателната представка *dé-* (*dis-, des-*), която се среща и в другите романски езици, се използва широко и представката *s-*, идваща от латинската представка *EX-*, чието привативно значение се е специализирало за изразяване на отрицание.

Семантиката на глаголите *naître, nascere, nacer, nascer* (*port.*), а *se naște* е твърде конкретна и те се съчетават само с представката *re-* (*ri-*) за изразяване на повторителност (вж. по-горе).

Романските глаголи, показващи началото на съществуването на одушевен обект, произлизат от един и същ латински корен *genus*. Това значение се е разпространяло и върху неодушевените обекти. Срещат се два вида форми: едните са безпредставъчни и отговарят на френския глагол *généger*, а другите са представъчни и отговарят на *engendrer*. Изразяването на идеята за отрицание при тези глаголи следва модела: *de- + geneger: dégénéger, degenerare*.

Последната група положителни глаголи — съответки на френския *créer*, чието съдържание се заключава в едно по-общо значение за създаване, което не изключва живите същества и се характеризира с ориентираност на действието напред, в съчетание с представката *pro-* със значение движение напред в пространството и времето в повечето случаи стесняват своето значение само в кръга на одушевените: *procriar filhos (port.)*, *A șparte qui ne procreait pas de citoyens était puni (fr.)*.

Структурата на българските положителни глаголи е различна от тази на романските. Глаголът *родя*, който изразява начало на съществуването на одушевен обект, чрез възвратната си форма означава начало на съществуване на одушевен субект. По този начин възвратната форма позволява да се трансформират глаголите, чийто процес може да се сведе до идеята на *правя* с разграничение на Субект и Обект, в глаголи,

подобни на *съм*, процесът на които предполага съвпадение на Субекта и Обекта. Широкият кръг от значения на българските представки и тяхната висока съчетаемост позволяват да се предвиди една несравнимо по-разгърната префиксална парадигма на глагола *родя* в сравнение с романските му съответки. И действително в българския език значителен брой представки служат за образуване на производни с глагола *родя*. Връзката между езиковото значение на представката и значението на производния глагол е очевидна при всички глаголи: *зародя се* — начинателно значение, *преродя* — идея за повторителност, *природя* — атрибутивна идея за прибавяне, *изродя* — привативна идея за отдалечаване от рода, *народя* — идея за количествено натрупване, *породя* — идея за последователност, *възродя* — движение отдолу нагоре, свързано с подновяване, преобразуване и пр. Подобен е случаят с глагола *явя (се)*: *заявя*, *изявя*, *появя се*, *предявя*, *проявя* и др.

Глаголът *творя* предполага неодоушевени обекти. Комбинира се с представките *пре-* и *съ-*. *Претворя* означава, че благодарение на човешката дейност става преминаване от една форма на съществуване в друга, което се изразява чрез *пре-*: *претворил го на куче* (БТР — А). При *сътворя* не става въпрос за асоциативната представка *съ-*, а за привативната (срв. *сведа*), която напомня за изходната материя, от която е направено нещо.

Глаголите, които бележат последната фаза на процеса, т. е. края на съществуването, практически изключват префиксацията, тъй като тяхното значение се явява несъвместимо с допълнителната характеристика на процеса. Действието не е представено в развитие, а в своята завършеност. Докато действието на положителните глаголи може да се разглежда като отправна точка за едно развитие, то чрез отрицателните перспективата се затваря, понеже се слага край на съществуването. Това засяга всички разглеждани езици. Вече се спряхме на глаголите за прекратяване съществуването на неодоушевен обект, които са отрицателни представъчни производни от съответните положителни и не допускат вторична префиксация. Изключение прави българският глагол *изчезна*, отнасящ се и до одоушевени субекти, който е вариант от свършен вид на несвършения глагол *чезна*. Той допуска комбинация с представката *по-*. Тази представка, когато се касае до начина на действието, означава слаба, частична проява на процеса или пък краткотрайност. При терминативни глаголи, каквито са разглежданите, употребата на представката *по-* предполага, че процесът в същност не е стигнал до пълно изчерпване и това позволява допълнителна детерминираност: *поизчезна*. Изчерпването на процеса в случая ще се изрази чрез *доизчезна*. *Поизчезна* може да означава също „изчезна за малко време“.

Глаголите за прекратяване съществуването на одушевен обект (вж. таблицата) не са дали производни с представки. В българския език е налице видима несъвместимост между семантиката на представката *до-* и на глагола *убия*, тъй като и двата елемента съдържат една и съща идея — довеждане на действието до краен предел. И все пак те дават производния глагол *доубия*. Получава се така, че представката придава курсивност на един терминативен глагол, за да може тя на свой ред да изрази довеждане на процеса до край.

Глаголите за прекратяване съществуването на неодушевените обекти (а те могат да се отнасят и до одушевените) подобно на останалите отрицателни глаголи изключват префиксацията, което е съществено не само за глаголите, намерили място в таблицата, а по начало за всички глаголи, които са свързани с крайната граница на процеса. Особеното при *anéantir* (fr.), *annientare* (it.), *aniquilar* (port., esp.), *annihilare* (lat.), а *nimici* (roum.) е, че те са парасинтетично образувани и в основата на тяхната семантика е залегнала една отрицателна идея: *neant, niente, nihil, nimic*.

Само българският глагол *унищожавам* аналогично на *убия* допуска префиксация с *до-* — *доунищожжа*.

Анализът на глаголите, чиято семантика се свежда до структурата *faire + être*, ни позволява да направим следните заключения:

1. Само при една от четирите опозиции идеята за отрицание в романските езици е изразена префиксално (*paraître — disparaître*), тъй като тези глаголи представляват преходна фаза от глаголите за съществуване към глаголите за движение в пространството.

2. В романските езици е характерна възможността при положителните глаголи да се изрази повторителност на действието и невъзможността за префиксална характеристика при отрицателните.

3. Българските положителни глаголи предлагат много повече производни от романските. Префиксалните образувания при отрицателните глаголи в българския език представляват особен случай.

Б. ПОЗИЦИЯТА ETRE₂

1. Атрибутивни (копулативни) глаголи

Това са глаголи, които служат за връзка между субекта и неговия атрибут или между обекта и неговия атрибут. В този случай *être* притежава неограничено поле на употреба за разлика от позицията *être₁*. „Поради това, че този глагол има за функция да изрази само връзката между субект и предикат, ние

трябва да се абстрахираме от понятието за съществуване, което той включва, тъй като чрез съдържащата се в него граматическа детерминация не се цели да се изрази съществуването, понеже вече то е в същност изразено чрез субекта в момента, в който ние го назоваваме.¹⁷

Като взема за пример изречението *Pierre est professeur*, Жерар Моане представя по следния начин взаимодействието между елементите на атрибутивната конструкция: „Би било поточно да се каже противно на традиционната граматика, че *professeur* е атрибут на *est*, негово понятийно допълнение, и така образуваният предикат се явява атрибут на субекта *Pierre*. Семантичното избледняване на *être* е такова, че в крайна сметка съществителното *professeur* отнася съдържанието си към субекта.“¹⁸

Съществува пълно съответствие в атрибутивната употреба на глаголите *être*, *essere* (it.), *ser* (esp., port.), а *fi* (roum.) и сџм. Всички те осъществяват обективна връзка между субекта и предиката: *Rozata e червена*, *cetcrivain est célèbre* (fr.), *il medico e famoso* (it.), *el cielo es azul* (esp.), *oraşul e frumos* (roum.), а *vida e um breve sonho* (port.).

Чрез тези глаголи се изразява в най-общ вид качествената характеристика на субекта. Липсва процес в истинския смисъл на думата и това прави невъзможна каквато и да е характеристика на глаголната идея, която е толкова обща, че в езици като руския не винаги се налага да има материален израз.

Макар и много по-рядко, с атрибутивно значение се употребяват и глаголите *stare* (it.), *estar* (esp., port.), а *sta* (roum.): *sta comodo* (it.), *el cielo esta nublado* (esp.), *cum stau lucrurile* (roum.).

В португалския език *ser* се използва, когато се означава нещо постоянно за лицата и предметите: *eu sou italiano*, а *estar* — за означаване на преходно състояние: *Antonio esta cansado*¹⁹. Подобна разлика съществува и в испанския език: *estar sentado*, *yo soy estudiante*²⁰.

Съчетанията на *stare* и *estar* със сегашно причастие принадлежат към атрибутивните конструкции: *stare leggendo* (it.), *estar comiendo* (esp.), *estar comendo* (port.). Към тях може да се отнесе и румънската конструкция а *sta de vorba*. Ролята на сегашното причастие и на съществителното е да посочи в какво се състои съществуването. Тези конструкции могат да се разглеж-

¹⁷ A. Jacob, op. cit., p. 103.

¹⁸ G. Moignet, Incidence et attribut du complément d'objet, *Travaux de linguistique et de littérature*, 1975, p. 255.

¹⁹ R. Piccini, *lingua portuguese-brasiliana*, Roma, 1970, p. 16—17.

²⁰ Н. А. Великополская, Учебник испанского языка, М., 1963, с.

дат и като адвербиални. Както при *être*, и тук префиксацията е невъзможна.

Връзката между субекта и предиката в проучваните езици може да се изрази и чрез глаголи, носещи субективна информация. Когато трябва да се предаде известна несигурност, която се основава по-скоро на външни белези, се използват глаголите: *изглеждам* (*изглежда млад*), *paraître* (fr. — *il paraît souffrant*), *parere* (it. — *il mare pare d'olio*), *parecer* (esp. — *parecer un ombre de bien*; port. — *tudo me parece medonho*), а *parea* (roum. — *îmi pare bine, pare amabil*).

Глаголът *paraître* приема представката *ap-*, като запазва атрибутивното си значение: *cette solution apparaît comme la meilleure*. Представката служи да подчертае, че качеството се утвърждава по отношение на някого (срв. значението на латинската представка *ad-*). *Reparaître* няма атрибутивна употреба. Поради отсъствието на динамичния процес при атрибутивния *paraître* трудно може да се изрази повторителност с *ge-*. В българския език глаголът *изглеждам* практически не допуска комбинации с други представки. Употребата на *заизглеждам* е отбелязана от П. Пашов²¹ като рядкост. И тук наблюденията показват, че липсата на процесуалност ограничава възможностите за комбинации между представката и изходните глаголи.

Когато атрибутивността се представя като субективна оценка на друго лице, се използват глаголите: *sembrare* (it. — *sembra un angelo*), *sembler* (fr. — *il semble distrait*). Съответните глаголи не са се запазили със същото значение в испанския, португалския и румънския език. За целта в тях се използват съответките на *paraître*, придружени от местоимение в дателен падеж: *îmi parea poartea micuța* (roum.).

Субективната оценка в българския език (*той ми се струва уморен*) се подчертава както от възвратната форма на глагола, така и от дателната форма на личното местоимение, която тук е задължителна, докато *изглеждам* може да се употреби със или без такова местоимение.

Разглежданите глаголи не предлагат възможност за комбинации с представки за образуване на производни с атрибутивно значение. Изключение прави българският глагол *преструвам се*, чиято основа съдържа оценъчен процес, а представката означава преход от действителното качество към фиктивното.

Значението на френския префиксален глагол *ressembler* може да се обясни по следния начин²²: Този глагол не е атри-

²¹ Петър Пашов, Българският глагол, Наука и изкуство, С., 1966, с. 127.

²² P. Hristov, *Distribution sémantique...*, p. 48.

бутивен. Ако представката *ge-*, отнесена към един процес в развитие, означава подновяването му, т. е. има подчертана динамична стойност, в случая, когато се приписва качество на субстанция, *ge-* изразява повторение на същото качество при повече субекти. Смисълът на *resembler* се състои в едно двойно движение на мисълта: На първо място, се приписва качество на два или повече субекта, което се свежда до статичното значение на *être₂*, и, на второ място, се констатира идентичност, повтаряне на това качество, което пък се дължи на динамичния характер на *ge-*.

Както показват примерите от всички проучвани езици, атрибутивните глаголи от типа *être₂* изключват префиксацията.

2. Конструкцията *faire + être₂*

Наблюденията по въпроса за качествената характеристика на нещата показват, че тя може да се осъществи чрез външен атрибут (прилагателно или друг елемент в ролята на прилагателно) или чрез вътрешен атрибут, съдържащ се в един парасинтетичен глагол (*закръглям — arrondir*). Когато се касае за придобиване на качество от субекта-подлог, се употребяват глаголите *ставам (ставам тъжен)*, *devenir (devenir gai — fr.)*, *diventare (vecchio — it.)*, *divenire (il pensiero diviene intenso — it.)*, *a deveni (mare — roum.)*.

В испанския и португалския език значението на *devenir* се предава чрез възвратната форма на глаголите, които изразяват придаване качество на обекта: *hacerse, ponerse, volverse (esp.)*, *tornar-se, transformar-se, fazer-se (port.)*.

Devenir, divenire, diventare поради това, че посочват началото на качественото състояние, могат да се комбинират с итеративна представка: *ridiventare umilo come un Angelo (it.)*.

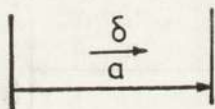
В българския език повторителността в случая се изразява аналитично (*ставам отново сериозен*). Тъй като *ставам* не предполага конкретен обект извън субекта, съчетанието с *пре-* не изразява повторителност.

Дори само от горните примери се вижда, че дистрибуцията на представките *пре-* и *ge-* за изразяване на повторителност е различна. Заслужава внимание въпросът за естеството на повторителността, изразена с представки в двата езика, и за връзката ѝ с останалите значения на *пре-* и *ge-*. Оказва се, че значенията за повторителност и за усилително (ексцесивно) действие са присъщи и на двете представки. Но докато за *ge-* са основни, за *пре-* са производни. Обикновено към изразяване повторно извършване на действието са склонни онези глаголи, които изключват идеята за степен на проявление на действието, като например: *избера — élire; преизбера — réélire*. Ако глаголната идея допуска да бъде конкретизирана от гледна точка на степента на извършване на действието, то представ-

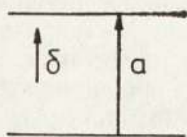
ките *пре-* и *ге-* се проявяват със своето усилително или ексцесивно значение. В някои случаи един и същ глагол според контекста може да се схване в два аспекта: *преваря* — „варя повече, отколкото трябва“ или „варя повторно“.

Вече стана дума за възможността на *пре-* да има пространствено значение и да изразява повторителност. Интересно е да се проследи семантичното развитие на тази представка и да се установи връзката между различните ѝ значения. На езиково равнище *пре-* кондензира идеята за движение през някаква среда. При комбинацията ѝ с глаголни основи се открояват три основни значения: за движение, за степен на проявление на действието и за повторение. В какво се състои връзката между тези значения и основното езиково значение на *пре-*? Вече беше отбелязано, че представката изразява кондензиран процес. Ако процесът, изразен с основния глагол, се отбележи графично с вектора \xrightarrow{a} , а значението на представката се представи с вектора \xrightarrow{b} , където $a > b$, поради това че смисловото съдържание на основния глагол е по-богато от съдържанието на представката, то отношението между тези величини при модела *пре-* + глагол може да се представи по следния начин:

1. Пространствени значения. При глаголите, които изразяват движение в пространството, се получава наслагване на двата процеса, като в известна степен представката повтаря част от значението на изходния глагол. Това се наблюдава при глаголи без точно указание за посоката на движение или пък при такива, които означават надлъжна ориентираност. Движението може да се представи както в пространството, така и във времето: *премина, прекарам, преживея*. Или графично:

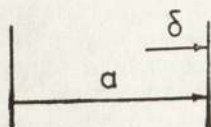

При други глаголи представката *ПРЕ-* конкретизира посоката на процеса в напречен план: *прекося, пресека, прережа*.

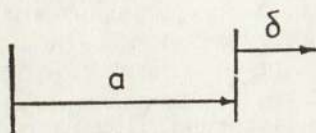

2. Степен на проявление на процеса. Тук са възможни няколко случая:

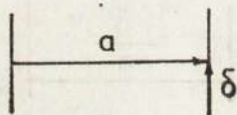
а) Процесът достига до своя предел и това се подчертава чрез представката *пре-*: *пресуша*.

б) Процесът преминава отатък нормалната граница на проявление. Тук вече се получава не наслаждане, а събиране на вектори. Става дума за така наречения ексцесивен начин на действие: *препека*.

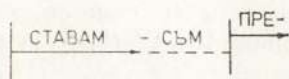

в) При други глаголи преминаването отатък границата на проявление на процеса се явява негово преустановяване: *прежаля*. Представката се явява знак за прекратяване на старото състояние и начало на друго състояние или процес. Графично векторът **б** трябва да пресича вектор **а** в точката, в която процесът се изчерпва.

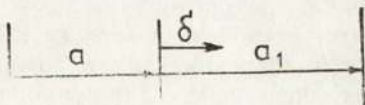

По този начин достигаме до цесативното значение на *пре-ставам*. Това значение и конструкцията на глагола с инфинитив биха могли да се обяснят по следния начин: глаголът *ставам* бележи началната фаза на проявление на качеството на субекта, чието продължение се изразява чрез *съм*. Както в предишния случай, и тук представката *пре-* означава преминаване отатък границата на проявление на процеса. Фактът, че от атрибутивния глагол *ставам* (*ставам весел*) се получава фазовият глагол *преставам* (*преставам да бъда весел*) може да се обясни чрез взаимодействието между цесативната идея на представката *пре-* и динамичния началнофазов глагол

ставам. Но тъй като трябва да се отрече наличието на едно качество, а това наличие се предава чрез *съм*, то отрицателната идея, носена от *пре-*, в съчетание с динамичността на *ставам* образуват фазов глагол за прекъсване на действието -- *преставам*, който е в състояние да актуализира инфинитивната *да-* конструкция в българския език при атрибутивните глаголи (*преставам да съм, да бъда*). От тук фазовият глагол разпростира своята употреба и върху другите глаголи успоредно или в допълнителна дистрибуция със *спирам*.

3. Значение за повторение. Ще се спрем още веднъж на разликата между идеята за повторителност на *препраща, прекроя, препиша* и ексцесивната идея при *препека, пресоля*. В същност трябва да се види дали няма някакъв показател, по който да се различават тези глаголи и който да е от значение в случая. Глаголите като *соля* и *пека* (т. е. тези, които позволяват на *пре-* да изрази ексцесивна идея) включват в значението си една граница, до която нормално трябва да стигне процесът, но която се явява относителна за всеки отделен случай. В преминаването оттатък тази норма се заключава ексцесивността. При глаголи като *праща, кроя, пиша* (и при останалите глаголи, с които *пре-* изразява повторителност) действието има реални граници, определени от самия обект, оттатък които то не може да продължи. Тъй като това не са глаголи за движение, пространствената насоченост на *пре-* се неутрализира и представката въздейства не върху самото действие, а върху резултата от него и по този начин се възобновява процесът. Както беше отбелязано по-горе, идеята за движение на *пре-* се явява като връщане от началната точка и достигане до крайната граница на процеса, като при това се цели някаква промяна в резултата.

От схемата ясно личи, че векторът **б**, който е знак за продължаване на предшестващото действие, се явява в действителност знак за неговото повторение поради невъзможността процесът да продължи оттатък естествената си граница. В същност в хронологическа последователност нещата трябва да се представят така: *пиша — напиша — препиша*, където

глаголът от свършен вид *напиша* изразява резултата от действието на несвършения глагол и служи за основа на повторителността.

Този анализ на семантичната дистрибуция на *пре-* естествено не изчерпва всички комбинации на представката. Това е само опит да се покаже как чрез психомеханиката на езика могат да се обяснят редица явления, които традиционната граматика само констатира.

За да се изрази придаване на ново качество на обекта, се използват глаголите: *правя (правя силен, смешен)*, rendre / rendre heureux — fr.), rendere (rendere sordo, bello — it.), a face (roum.), hacer, poner, tornar (hacer visible — esp.), tornar, fazer (port.).

Макар че атрибутивната идея не изключва повторителност на действието, комбинацията с итеративни представки се оказва невъзможна и в романските езици, и в българския език поради естеството на атрибутивните глаголи: действието, което те изразяват няма същата резултативна определеност, която имат проучените по-горе глаголи, допускащи префиксална повторителност. Показателен е примерът с *правя*, който със значението си за действие се комбинира с итеративното *пре-*, а като атрибутивен глагол изключва префиксацията — *преправя* няма атрибутивно значение. Само някои по-конкретни атрибутивни глаголи могат да приемат представката *пре-*: *пребоядиха прозорците бели*.

Във френския и италианския език към това обяснение се прибавя и фактът, че rendre и rendere идват от латинския език и са префиксално получени от *ge- + do (geddo)*. А натрупването на една и съща представка е рядко дори в българския език. Освен това дистрибуцията на френските фонемни не познава комбинацията *ge-* в началото на думата. Речниците показват, че никой глагол, започващ с *g-*, не приема представката *ge-*²³.

Крайната граница на атрибутивния процес (*faire ne plus être*) не може да се изрази със самостоятелна глаголна лексема в проучваните езици. За да се означа прекратяване на едно качествено състояние, се използват полуспомагателни фазови глаголи в съчетание с глаголи от типа *être*: *преставям да съм, да бъда, cesser d'être, cessare di essere (it.)*.

За разлика от българския език в романските езици те не се явяват отрицателни префиксални производни от глаголи, които означават началото на атрибутивния процес, нито пък могат на свой ред да допускат префиксация поради отрицателното си значение.

Въпросните фазови глаголи нямат особено широка употреба в комбинация с атрибутивното значение на *être*. Вместо тях, за да се изрази прекратеното качествено състояние, на

²³ P. Hristov, Distribution sémantique... p. 49.

практика се използва отрицателната форма на глагола être в съчетание с временно наречие (*тя не е вече млада, il n'est plus malade*), което служи да разграничи времето на наличието на качеството от времето на отсъствието му. От друга страна, докато навлизането в ново качествено състояние може да се отнася и до субекта-подлог, и до обекта-допълнение, тъй като е налице активен процес, чийто смисъл се заключава в семантичния компонент faire, самото качествено състояние има отношение само към един субект, тъй като ролята на агента е престанала да съществува, и излизането от него се представя само като проява на субекта:

АЗ СТАВАМ СЕРИОЗЕН → АЗ СЪМ СЕРИОЗЕН → ПРЕСТАВАМ ДА СЪМ / НЕ
 ДЪЛГЪТ МЕ ПРАВИ СЕРИОЗЕН → СЪМ ВЕЧЕ / СЕРИОЗЕН .

Ако е необходимо да се подчертае, че дадено качество се констатира през погледа на друго лице, се прибегва до перцептивни глаголи, употребени като атрибутивни (*аз го намирам сериозен*).

Значението на глаголите devenir и rendre, които изискват външен атрибут, е в основата на голям брой глаголи с вътрешен атрибут, чрез които може да се констатира качествено изменение както в субекта, така и в обекта на действието. Някои от тези глаголи се образуват от качествено прилагателно чрез прибавяне на глаголен суфикс (*durcir, pâlir*), а други са образувани парасинтетично по модела: ПРЕДСТАВКА + ПРИЛАГАТЕЛНО + ГЛАГОЛЕН СУФИКС.

На морфо-лексикалната структура на тези глаголи може да се даде следното обяснение: Прилагателното е носител на приписваното качество. Глаголният суфикс отнася лексемата към вербалната категория. Представките са носител на атрибутивната идея, която може да се представи чрез конструкцията faire + être₂, като при това ударението пада на прогресивното придобиване на качеството. Тези представки имат процесивен характер, заключаващ се в това, че придобиването на ново качество е представено от начало до край.

Един бегъл поглед върху материала от проучваните езици показва, че при изразяване на атрибутивната идея участвуват голям брой представки, чието значение на езиково равнище е различно. За романските езици ще бъдат посочени следните парасинтетични модели:

A- + adj. + Suff.: assagir (fr.), abbreviare (it.), agrandar (esp.), alargar (port.), a afina (roum.).

E- + adj. + suff.: écourter (fr.), epurare (it.), escaldar (esp., port.).

IN- + adj. + suff.: enlaidir (fr.), ingiallire (it.), endurecer (esp.), empalidecer (port.), a îngălbeni (roum.).

RE- + adj. + suff.: reverdir (fr.), ringiovanire (it.), reverdecer (esp.), rejuvenescer (port.).

PRO- + adj. + suff.: prolonger (fr.), prolongare (it.), prolongar (port.).

Тук не си поставяме за цел да проучваме дистрибуцията на въпросните представки конкретно за всеки от романските езици. Напълно е възможно една представка в даден език да има много по-широка употреба, отколкото в друг език. Тъй като тези представки имат един и същ произход и еднакво значение на езиково равнище, ще се задоволим с интерпретацията само на френските парасинтетични производни, а заключенията ще са валидни и за другите романски езици.

Не е възможно толкова разнородни представки да притежават в еднаква степен атрибутивната идея. Може би по-добре е тя да се разглежда като резултат от взаимодействието на представката с изходното прилагателно, а не като присъща на самата представка. Дали атрибутивната идея не се явява производна от други по-конкретни значения на представките? Глаголът *reverdir* не представлява особена трудност: той означава повторение на качеството, което е съществувало преди това, само че итеративният смисъл е отслабнал. Останалите представки имат пространствено значение. А- (*ad-*) означава насоченост на действието (*ad- + girare = aggraver*) и в по-конкретен смисъл присъединяване, прибавяне. В случаи като *aiffaiblir aggraver* идеята за насоченост се заключава в ориентирането и достигането на качеството до субекта (или обекта). Е- (*ex-*) съдържа идеята за пространственост, за разширение. В случаи, когато е положено едно качество чрез изходното прилагателно, с помощта на представка се изразява разширяването на това качество, издигането му на по-висока степен: *large — élargir, court — écourter*, *In- (en-, em-)* означава проникване във вътрешността на нещата. Атрибутивният смисъл на глаголи като *empirer, enlaidir, embellir, encourager* произтича от идеята за проникване, за навлизане в качество, което в същност е придобиване на това качество. Представката *pro-* се комбинира единствено с прилагателното *long*, което се обяснява с подчертания афинитет между двата елемента: *long* означава пространствено измерение, а *pro-* движение напред.

Направеният анализ показва, че няма представки, чийто основен смисъл да е атрибутивен. Атрибутивното значение трябва да се разглежда като редукция, като отслабване на пространствената идея.

В българския език също значителен брой представки се проявяват с атрибутивно значение, което е в по-близка или по-далечна връзка с пространствения им смисъл, т. е. и в българ-

ския език тези представки не са атрибутивни по природа — тяхното значение е резултат от взаимодействието им с изходната дума — прилагателно. В подкрепа на това ще бъдат посочени примери и от българския език, без да се смята, че с тях се изчерпва въпросът за цялото му богатство.

С представката *в-* образуват парасинтетични глаголи като *влоша, вкоравя*. *В-* означава „насоченост на действието към вътрешността на предмет, на затворено пространство или пък преминаване, навлизане на глаголният субект в ново състояние“²⁴. Очевидно е, че последното значение — навлизане в ново състояние — е производно от конкретното пространствено значение на представката. Атрибутивната употреба на *за-* (*загрозя, затъмня*) може да се свърже с конкретното инструментално значение на *за-* при глаголи като *закотвям, закрилям*, чиято семантична перифраза може да бъде: покривам с..., попълвам с..., действавам с...“ Значението на представката *ИЗ-* за „насочване на глаголното действие навън (в някои случаи и нагоре) из предмет, среда, затворено пространство, положение или състояние“ лесно може да се свърже с излизане от едно качество и с придобиване на друго. Само че представката *ИЗ-* има за обект предшествувалото качество, което е имплицитно и по отношение на което става отдалечаването, за да се добие новото качество, чийто изразител е изходната основа: *изясня, избистря, изравня*. При атрибутивни парасинтетични глаголи като *очерням, осветявам* „глаголното действие обхваща цялата повърхност на обекта, както при глаголите с по-конкретно значение: *обелвам, опожарявам*. *По-* означава „извършване на действието върху повърхността на определен обект“, а придобитото качество при глаголи като *почерня, позеленея* е свързано именно с повърхността на обекта (или субекта). Оттук може да се премине и към по-абстрактни качествени характеристики: *подобря, помрача*. Атрибутивният смисъл на *пресуша* беше обяснен при разглеждане семантиката на *пре-* (вж. по-горе). Представките *раз-* и *с-* образуват антонимна двойка — първата е с екстензивно значение, а втората с редуциращо. Образуваните с *раз-* парасинтетични атрибутивни глаголи означават разширяване на пространствените размери (*разширя*) или засилване на качеството (*разнежа, разхубавя, разкрася*). Обратно, *с-* се комбинира с прилагателни, които означават малки размери, а това е в съответствие с редуциращото ѝ значение: *смаля, стесня, скъся*. Посочените примери са достатъчни, за да се установи, че и в българския език атрибутивното значение е производно от основното езиково значение на представката. В това се състои отговорът на въпроса на Ш.

²⁴ Дефинициите на значението на тази и на някои от следващите представки са взети от Ст. Стоянов, Граматика на българския книжовен език, Наука и изкуство, С., 1964, с. 308—312.

Бали, защо за изразяване на едно и също отношение има толкова голямо разнообразие от словообразователни модели²⁵.

В. ПОЗИЦИЯТА ÊTRE₃

1. Локализирането на субекта в пространството се реализира чрез глаголи, свеждащи се до *être₃*. „Третата позиция на *être* е тази, която достига обекта — обект, различен от субекта — посредством предлог (...). Това може да се илюстрира със следния пример: *Il est prisonnier* ———→ *Il est en prison*
être₂ ———→ *être₃*

(вж. К. Mantchev, Н. Todorov, *Éléments d'idéogénie*, p. 369).

Трите позиции на *être* имат една важна обща черта, която се отразява на префиксацията. И в трите случая се представя субектът, като ударението пада в първия случай върху неговото съществуване (*être₁*), във втория случай — върху качествената характеристика (*être₂*) и в третия случай — върху разположението на субекта в пространството (*être₃*). Липсва истински процес в развитие и това изключва възможността за префиксална характеристика. Това се отнася и до съответките на *être* в другите романски езици и в българския език: *момчето е на улицата*, *le livre est sur le bureau* (fr.), *gli studenti sono in classe* (it.), *pe birou e o călimareă cu cerneală* (roum.).

Глаголът *ser* в испанския и португалския език привилегирова изразяването на екзистенциална и атрибутивна идея (вж. по-горе).

В италианския, испанския, португалския и румънския език третата позиция на *être* се предава по-често с глаголите *stare* (it.), *estar* (esp., port.), *a sta* (roum.).

Докато чрез съответките на *être* в съчетание с пространствено определение се набляга на екзистенциалната страна, която е относително по-трайна, то чрез *stare*, *estar*, *a sta* ударението се пренася върху пространственото разположение, което е временно, преходно. „Глаголът *estar* се употребява, когато означава преходно състояние или пък мястото, разположението на лицето или предмета: *o brasil está na America do sul*; *eu estou em casa*²⁶.

Ето примери със съответния глагол и в другите романски езици: *stare in casa ad aspettarti* (it.), *estar en la cama* (esp.), *a sta pe loc* (roum.).

Идеята за преходност на състоянието, изразена чрез *stare*, свидетелствува за една зачатъчна динамичност на процеса, което му позволява да влиза в комбинация с представки за

²⁵ Шарл Балли, *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, М., 1955.

²⁶ R. Piccini, *op. cit.*, p. 16; вж. още: Н. А. Великополская, *цит. соч.*, с. 270—271.

уточняване на пространственото разположение. Макар че представъчните производни на *stare* са от латински език, не е безинтересно да се проникне в тяхната семантика. Най-прозрачен се оказва смисълът на глагола *distare*. В тази си комбинация представката *di-* (*disto*) запазва своето основно значение за отдалечаване от даден пункт в пространството или в по-широк смисъл: *quanto dista la stazione (it.)*, *dista mucho de ser un sabio (esp.)*, *distar muitas leguas do porto (port.)*.

Латинският произведен глагол *praestare* (*prae + stare*) се е запазил във всички романски езици. Представката *prae-* (*pre-*) със своята стойност за позиция пред нещо или за движение напред придава динамизъм на относително статичното значение на *stare*. След чувствителната загуба на пространственото значение *praestare* се ограничава в изразяването на предлагане, авансиране, даване на нещо: *prêter un livre (fr.)*, *prestare attenzione (it.)*, *prestar auxilio (esp.)*, *prestar contas (port.)*, *a presta un jurāmint (roum.)*.

Глаголът *stare* влиза в комбинация и с итеративната представка *re-*: *rester chez soi (fr.)*, *la cosa resti qui (it.)*, *le a restado mucha autoridad (esp.)*, *de três filhas resta uma (port.)*.

От примерите се вижда, че повторителността на процеса се свежда до запазване на предишното положение. При това процесът може да има отношение към количеството на субектите (*mi restano pochi soldi (it.)*) или към тяхното качество (*restare soddisfatto (it.)*). Някои езиковеди (вж. *Le dictionnaire Ernout-Maillet*, p. 653) виждат в значението на *resto* идея за движение назад. Това впечатление се създава от имплицитното съпоставяне на субекта, който остава на същото място, и други, подобни нему субекти, които променят мястото или състоянието си.

Направеният анализ ни довежда до заключението, че в българския и френския език глаголът *être* / *съм* изразява най-общо идеята за съществуване в пространството и изключва префиксалната характеристика. В другите романски езици се е запазил глаголът *stare*, *estar*, *a sta*, чието значение за разположение в пространството съдържа динамичен елемент, който му позволява да се съчетава с представки, макар и рядко.

Забележка. Посочените характеристики на *être* и съответните му глаголи в романските езици (статичност в значението и нехомогенно спрежение) не бива да се смятат като универсално важщи фактори, противопоставящи се на глаголната фиксация. В латинския език *sum* също има нехомогенно спрежение, но влиза в съчетание с представки за изразяване на пространствени отношения: *absum*, *adsum* (= *assum*), *praesum*. Това означава, че направените констатации за *être* са валидни за определен стадий в развитието на езика, за който е характерно чувствително отслабване продуктивността на някои пре-

фиксални модели, а това може да се дължи на редица причини от различен характер (семантични, морфологични, фонетични и пр.)

2. Faire + être. Глаголите от позицията être изразяват процес, който предполага само един агент. Както видяхме при être и être, въздействието на семантичния компонент faire довежда до разграничаване на субекта от обекта. Една междинна фаза заемат непреходните и възвратни глаголи, при които действието е заключено в субекта или се връща отново към него.

След като разгледахме дистрибуцията на представките при статичната позиция être, необходимо е да я изследваме при динамичността на faire + être. Преминването от être към faire + être се осъществява чрез няколко последователни етапа на развитие на фактивната идея: запазване на едно вече съществуващо положение, поставяне на обекта в пространството и преместване от едно място на друго.

а) При изразяване на идеята за запазване на едно пространствено разположение субектът е пасивен, когато само констатира или преценява разположението на обекта, и активен, когато противодействува на други сили, за да запази предишното му положение.

При първия случай се използват глаголите *намеря*, *trouver*, *trovare*. Тази пасивност на глагола в същност представлява едно перцептивно поведение — посочените глаголи са близки до глаголите за възприятие, само че тук възприемането на обекта е съотнесено с пространството (*намирам го в парка — je le trouve dans le parc*) или с неговата качествена характеристика (*намирам този разказ интересен je trouve ce récit intéressant*). Относителната пасивност на субекта не позволява на процеса да се разгърне и да получи допълнителна детерминация чрез префикси. В романските езици единствено, възможно е изразяването на повторителност: *retrouver*, *ritrovare*.

В българския език НАМЕРЯ се комбинира само с представката *из-*, но в случая глаголът се явява като последна фаза на *търся* и привативното значение на *из-* набляга върху отправната точка на търсенето и върху неговото развитие, докато да стигне до намирането. Глаголът престава да бъде перцептивен: *изнамирам нов апарат, откъде си изнамерил сега тази шапка?* (БТР — А).

Активното поведение на субекта се предава с глаголите: ДЪРЖА, *tenir* (fr.), *tenere* (it.), *tener* (esp.), *ter* (port.), а *ține* (roum.). Интересно е да се отбележи развитието на семантиката на тези глаголи, което е преход от идеята за притежание на *имам avoir* към идеята за действие на *правя / faire*. Когато *държа / tenir* изразява притежание, процесът има за крайна граница притежавания обект, като е възможно уточнение във връзка

с произхождението на обекта, а субектът остава все още пасивен: *държа кръчма*, *tenir un restaurant* (fr.), *quien mas tiene mas quiere* (esp.), *ter propriedades* (port.).

Глаголът *ter* в португалския език (и отчасти *tener* в испанския) до такава степен се е специализирал при изразяване на притежание, че е изместил *haber* (esp.) и *haver* (port.) дори като спомагателен глагол.

Когато субектът на *tenir* *държа* е активен, идеята за притежание се разширява (и следователно избледнява), за да се стигне до идеята за задържане на обекта в определено положение (пространствено или качествено): *je tiens toujours le dictionnaire sur le bureau*, *je tiens la fenêtre ouverte*.

Крайната точка в развитието на семантиката на *държа* / *tenir* е достигането до идеята на *правя* / *faire* в изрази като *държа реч*, *tenir conference* (fr.), *tenere una conferenza* (it.).

Френският глагол *tenir* приема представките *con-*, *de-*, *ent-*, *re-*, *ge-*, *sous*. Със същите представки се комбинират и останалите романски съответки.

Ще анализираме семантичната дистрибуция на представките с глагола *tenir* във френския език и ще се спрем на онези случаи, при които в останалите романски езици съответният глагол се комбинира с други представки.

Retenir. Процесът, изразен чрез този глагол, целещ да се запази, да се задържи обектът на определено място, предполага друг процес, чрез който се цели обектът да бъде отдалечен. Итеративната идея на *retenir* се състои в запазването (което е един вид повторение) на предишното положение (*retenir un fugitif*). Не бива на представката *re-* да се приписва значение за движение в обратна посока (срв. още: *retirer*, *revenir*). Идеята за повторение се проявява в различни нюанси в зависимост от семантиката на изходния глагол.

Contenir. Асоциативното значение на *con-*, предполагащо множество субекти или множество обекти, се реализира в съчетание с притежателното значение на *tenir*, за да се изрази вместимост, съдържание и пр.: *ce livre conteint de grandes vérités*; *le récipient contient dix litres de liquide*.

Soutenir. Задържането на обекта в първоначалното положение може да се осъществи чрез преодоляване въздействието на сила с посока отгоре надолу. Представката *sous-* означава разположение под нещо или движение отдолу нагоре и може да се отнася както до една относително статична идея (в случая *tenir — soutenir*), така и до една динамична идея (*soulever*).

Entretenir. Представката *entre-* означава средна позиция в конкретен или абстрактен план. Към това се прибавя значението на *tenir*, което съдържа положителна модална тенденция, свеждаща се до „както трябва“ (свидетелство за това е

фактът, че tenir влиза в адвербиалната конструкция tenir bon, но отказва комбинацията с mauvais). От това следва, че entre — tenir може да се разглежда като обстоятелствен глагол, съдържащ модален заряд: entretenir une maison; entretenir une famille; entretenir la paix. Схематично неговото значение може да се представи по следния начин: entretenir = faire + être + „comme il faut“.

Détenir. Значението за отделяне или отдалечаване на представката dé- (срв. déporter, décapiter) в случая влиза в интересна глаголна конструкция, чийто субект държи в свое притежание обекта, а представката dé- напомня за отдалечаването, за отделянето, извършено в полза на субекта: détenir le pouvoir; détenir la fortune de quelqu'un.

Заслужава да се обърне внимание на следната особеност на португалския език. Чистото значение за притежание на ter не се запазва в производните глаголи. Пространствените значения на представките се свързват само със сродните им по характер значения на ter за разположение или за движение. В исторически аспект нещата са протекли в обратен ред: представъчните производни на ter идват от латинския език и не са могли да променят семантиката си до степен да изразяват чисто притежание поради съпротивата на конкретното значение на представките. При простия глагол ter такива пречки не е имало и затова семантиката му е могла да се измени по посока на haver.

Българският глагол *държа* е в основата на следните представъчни производни: *въздържа*, *задържа*, *издържа*, *поддържа*, *поддържам*, *придържам*, *съдържам*, *сдържам*, *удържам*. Съответствията с романските езици не са изключени. Напротив, те се явяват нещо нормално, като се има пред вид характерът на процеса. *Поддържам* по структура отговаря на *soutenir*, а поема и значенията на *entretenir*, тъй като в българския език няма глаголна представка за изразяване на междинно положение. *Съдържам* отговаря на *contenir*.

Глаголът *задържа* поставя за разрешаване един интересен проблем: какво е най-общото езиково значение на представката *за-* и как то се конкретизира с изходната основа *държа*. Обикновено се посочват три основни значения на представката *за-*: а) начинателност (*запеля*); б) насоченост на действието, която се конкретизира в зависимост от изходната основа (*занеса*, *замина*), и от тук — насоченост на действието ЗАД някаква граница или предел в пряк или преносен смисъл (*слънцето залязва*); в) качествена характеристика (*затъмня*). Към посочените значения може да се прибави още едно — за покриване или обхващане на обекта с нещо. От всички тези значения може да се заключи, че *за-* на езиково равнище означава насоченост на действието, която може да има различни про-

явления: начинателността е насоченост на процеса от начало-то на възникването му към неговото развитие; качествената характеристика представлява насоченост на субекта към придобиване или придаване на ново качество; значението за покриване или обхващане на обекта с нещо се заключава в насочване на материята, чрез която се извършва процесът, към обекта. При *задържа* насочеността е един вид атрибутивност: действието е насочено към (става в полза на) някого. Тук е показателно удвояването на представката *за-* и предлога *за-*: *задържа за себе си*. *Задържа* отговаря на френските *détenir, retenir*.

Поддържа изразява краткотрайност на проявление на процеса.

Издържа. В глаголи като *изтегля, извлека* представката *из-* означава отделяне от някаква среда. При *издържа* представката предполага наличие на обстоятелства (временни или пространствени), от които субектът илиза, а глаголната основа *държа* означава запазване на едно постоянно положение в резултат на преодолените препятствия: *ще издържим всички трудности на борбата*.

Сдържам. Изходната основа се съчетава с редуциращото значение на представката *с-*, за да се стигне до ограничителния смисъл на производния глагол. При *придържам* афинитет между съставните елементи е очевиден: *придържай чувала, че много ми тежи* (БТР — А).

Представката ВЪЗ- кондензира идеята за „въздействие“, която може да има конкретно пространствено значение при глаголи като *възсядам* и по-абстрактна употреба в съчетание с глаголи, които не изразяват пространствени отношения (*възпитавам, възвестявам*). Идеята за въздействие на *въз-* подсилва значението на *държа* и се получава производен глагол, чийто смисъл се заключава в процес, насочен противно на друг процес (*въздържам се от пиене*).

Проучването на префиксалните възможности на *намеря / trouver* и *държа / tenir* дава ново потвърждение на вече направената констатация, че пасивното поведение на субекта води до статичен процес, който не изисква префиксална характеристика (както е при *намеря / trouver*), и, обратно, активният обект придава динамичност на процеса, която подлежи на пространствена, временна или друга характеристика и е основа за префиксална деривация.

В романските езици при всички производни на *tenir* и съответките му се чувствава повече или по-малко изразено пространствено отношение. В българския език поради чувствителното разширение на значението на някои представки производните могат да имат отношение към времетраенето на действието или към начина на извършването му (*поддържа*).

б) За изразяване на идеята за поставяне на обекта в опре-

делена пространствена позиция в романските езици се използват следните основни глаголи: *mettre, poser* (fr.), *mettere, porre* (it.), *meter, poner* (esp.), *meter, pôr* (port.), а *pune* (roum.).

В българския език това значение се изразява с глагола *сложa*, префиксално образуван от глаголна основа, която не може да се употребява самостоятелно.

Изброените глаголи са терминативни — процесът има за предел мястото, до което достига обектът. Значението им има две важни отличителни черти. На първо място те изразяват движение, което отговаря на афинитета на глаголните представки и в романските езици, и в българския език. На второ място, идеята за движение остава достатъчно обща, за да може да приеме допълнителни пространствени уточнения. Следователно тук трябва да се очаква най-голяма възможност за съчетаване с представки. И действително всички проучвани езици предлагат голям брой производни глаголи. Повечето от тях имат конкретно пространствено значение. Ще посочим само представките, които се присъединяват към въпросните глаголни основи, без да влизаме в подробности, засягащи тяхната семантика.

За френския език:

Mettre: *dé-, entre-, sous-, trans-, ad-, pro-, e- (ex-), com-, re-*

Poser: *ad-, dis-, de-, com-, ex-, im-, inter-, pre-, super-, trans-*

За италианския език:

Mettere: *com-, pro-, per-, sotto-, tra-, fra-, etc.*

Porre: *ap-, contra-, com-, dis-, inter-, ex-, intra-, pre-, sotto-, sopra-, su-, tras-*

За испанския език (с редуване на коренната гласна):

Meter: *admitir, demitir, emitir, permitir, prometer, remeter, someter, transmitir, entremeter.*

Poner: *ante-, contra-, com-, de-, dis-, ex-, im-, inter-, pre-, pos-, re-, trans-*

В румънския език няма запазена съответка на *mettre*, но са останали неговите производни: а *admite*, а *comite*, а *demite*, а *emite*, а *permite*, а *promite*, а *remite*, а *transmite*.

А *pune:* а *apune*, а *compune*, а *depune*, а *dispune*, а *expune*, а *impune*, а *interpune*, а *propune*, а *postpune*, а *repune*, а *transpune*, а *supune*.

В португалския език също се наблюдава редуване на коренната гласна при *meter:* *admitir, cometer, demitir, emitir, prometer, permitir, submeter, transmitir etc.*

Pôr: *ante-, ap-, com-, de-, contra-, op-, ex-, pro-, soto, trans-, etc.*

В българския език свързаната глаголна форма *-ложa* е в основата на значителен брой производни глаголи, подобно на романските ѝ съответки. И в единия, и в другия случай представъчните глаголи имат предимно пространствен смисъл

(-*лож*а влиза в комбинация с представките *в-, въз-, из-, на-, от-, по-, под-, раз-, с-, при-, пред-*). Поставя се въпросът, защо в българския език при някои глаголи представките могат да имат отношение към начина на извършване на действието (*наживея се, отживея си, поживея си*), а при други изразяват само пространствени отношения (вж. производните на *-лож*а). Нека отбележим предварително, че между временното значение на *подържа* и това на *отлож*а има съществена разлика. Първият глагол изразява отношение към времетраенето на действието, а чрез втория става въпрос за момента на извършване на действието, който е съотнесен с друга точка във времето — това значение е близко до пространственото. Аналогията в семантиката на *отлож*а и *отнес*а е очевидна. Разликата е само в естеството на обекта, към който е насочен процесът: *отнес*а предполага конкретен обект (лице или предмет), а *отлеж*а има за обект едно действие, взето само по отношение на момента, когато трябва (е трябвало) да се извърши (*от-* има конкретно значение за отдалечаване, само че във времето), т. е. при *отлож*а става пренасяне на момента на едно действие по оста на времето. С други думи казано, *държа* е статичен глагол и може да бъде конкретизиран от гледна точка на продължителността на процеса (*подържа*), а (*с*)*лож*а е динамичен и в комбинация с представки изразява движение (в пространството или времето). Така достигаме и до отговора на поставения по-горе въпрос: *живея* изразява процес, който не предполага задължителна пространствена характеристика и може да се конкретизира от гледна точка на начините на протичането му във времето (именно такива глаголи са позволили на представките да се отдалечат от конкретното си значение). (*С*)*лож*а означава движение в пространството и в съчетание с представки само конкретизира заложената в тях глаголна идея за движение.

Тези разсъждения ни позволяват да изтъкнем основната разлика в дистрибуцията на представките в българския език, от една страна, и в романските езици, от друга. В романските езици синтезираната глаголна идея на представките се запазила в рамките на пространствено-временните отношения и може да се реализира само в съчетание с глаголни основи, предполагащи динамичен процес. В българския език, освен че е налице тази възможност, представките в историческото си развитие са придобили по-общо значение и когато процесът не изисква пространствена определеност, те го характеризират по отношение на начините на проявлението му. Това съвсем не означава, че в романските езици връзката между производните глаголи и изходните основи, изразяващи движение, е винаги очевидна. Но колкото и да се е отдалечил производният им смисъл, теоретически той може да се изведе от конкретното пространствено значение на съставните елементи. За илюстра-

ция ще интерпретираме значението само на няколко френски производни от глагола *mettre*.

Admettre. Атрибутивното значение на представката се състои в насочване на движението по отношение на даден субект или обект (*apporter, attacher*). В случая действието се извършва по отношение на субекта, в негов интерес: *admettre une hypothese*.

Promettre. Про- означава ориентираност на действието напред в пространството или във времето. *Promettre* в най-широк смисъл означава „представям възможности за бъдеще (т. е. напред), които биха улеснили други действия“.

Emettre. Ех- изразява излизане, отделяне, отдалечаване от субекта или обекта. *Emettre* буквално означава „поставям извън нещо, извън себе си“. От тук: *emettre un cri*.

Ще отбележим още една особеност на глаголите за промяна на пространственото разположение на обекта. Колкото идеята за движение на изходния глагол е по-конкретна, толкова шансовете да приеме допълнителна характеристика намаляват. Френският глагол *placer* (от съществителното *place*) за разлика от *mettre* е в основата само на три производни: *déplacer, replacer, remplacer*. Българският глагол МЕСТЯ се съчетава с 9 представки (*в-, за-, из-, на-, от-, по-, раз-, с-, пре-*), докато *-ложа* приема 13 представки (вж. по-горе), а това се дължи на тясната връзка между глаголят *местя* и съществителното *място*; при *-ложа* няма толкова конкретна отнесеност на основата.

в) Чрез идеята за преместване се осъществява в най-висока степен динамичността на процеса. Преместването най-общо може да се характеризира, първо, от гледна точка на насочеността на движението (неопределена насоченост и определена насоченост) и, второ, от гледна точка на характера на процеса (дали достига до някакъв обект, или е затворен в самия субект).

Неопределена насоченост на движението. Процесът излиза извън субекта. Глаголите са непреходни. Ще бъдат разглеждани съответките на *aller* като представител на глаголите, изразяващи отдалечаване по отношение на мястото на говорене, и на *venir* като представител на глаголите за приближаване до мястото на говорене.

Френският глагол *aller* има за съответки в романските езици *andare* (it.), *ir, andar* (esp., port.), а *merge* (roum.).

Особеното при тези глаголи (с изключение на румънския език) е, че парадигмата на тяхното спрежение не е еднородна. Формите на френския глагол *aller* произлизат от три латински източника: *ambulare, vadere* и *ire*. В спрежението на италианския глагол *andare* също влизат форми на *vadere*. *Ire* в италианския език се е запазил като дефективен глагол, но само в някои области. В испанския и португалския език глаголят

иг в простите минали времена е заел формите на *ser*, а в сегашно време — на *vađere*. Тази разнородност на спрежението на глаголите не им позволява да се съчетават с представки. Ще припомним, че латинските глаголи, от които те произхождат, не са били лишени от възможността за префиксация (срв. *déambuler*, *s'évader*). Особено продуктивен е бил глаголят *EO* (*ire*): *abeo*, *adeo*, *circumeo*, *subeo*, *transeo*, *prodeo*, etc.

От тези глаголи в романските езици са се запазили само *transir*, *subir*.

Освен това обяснение, което се отнася до морфологичната структура на глаголите, би могло да се направи и предположение във връзка със семантиката на тези глаголи, с естество на процеса, който те изразяват. По-горе бе подчертана разликата между непреходния глагол *paître*, който допуска само повторителност на действието (*repaître*), и преходния *родя*, чиято възвратна форма отговаря на *paître*. Констатирано бе, че тъй като при *родя* се прави разграничение между субект и обект като две крайни граници на процеса и следователно се подчертава идеята за динамичност, възможността за префиксална характеристика на действието е много по-голяма, отколкото при *paître*, където действието е затворено в самия субект. Българският възвратен глагол *родя* се кондензира действието в субекта, понеже съдържа възвратния елемент *се*. Следователно процесът, изразен от един непреходен глагол (*paître*, *aller*), макар и да предполага динамичност, има много по-малки шансове да получи префиксална характеристика, отколкото процесът на преходните глаголи (*mettre*, *poser*), при които подчертава динамичността, заключаваща се в движението от субекта до обекта. Това се потвърждава и от отсъствието на представъчни производни при румънския глагол *a merge*, който има еднородна парадигма на спрежението.

Идеята за приближаване до мястото на говоренето се изразява в романските езици чрез съответките на френския глагол *venir*: *venire* (it.), *venir* (esp.), *a veni* (roum.), *vir* (port.).

Оказва се, че във всички романски езици има голям брой представъчни производни, които са наследени от латинския език. Но процесът, изразен чрез *venir*, също е ограничен в самия субект. Случаят с производните на *venir* не опровергава ли току-що направеното предположение? Ще направим преглед на значенията на тези глаголи във френския език.

Revenir. Идеята за повторителност предполага предшествуващо реализиране на процеса на *aller* и се изразява в насочване на движението в обратна посока.

Prévenir. Идеята за предварителност, която се е съдържала в латинския глагол с темпорално значение, се е стеснила във френския език до значението за предупреждение. Връзката между предварителност и предупреждение е очевидна.

Intervenir. Представката е запазила значението си за междинно положение: *intervenir dans un débat*.

Convenir (*ils conviennent de se réunir*). Асоциативното значение на *con-* предполага множество субекти, които при реализирането на процеса могат да са последователно пасивни или активни.

Subvenir е означавал и в латинския език „подпомагам“. Процесът е насочен към някакъв обект. Близостта му с глаголи като *soutenir* и *supporter* е очевидна и тя се дължи на представката *sous-*, която изразява движение отдолу нагоре.

Survenir е запазил второто значение на латинския глагол *supervenire* „явявам се, случвам се неочаквано“.

Provenir. Проспективното значение на представката е свързано с движение напред, което има за начална граница момента на зараждането, на произхода на субекта.

Circonvenir е означавал в латинския език „заобикалям“, а се конкретизира във френския език, за да стигне до смисъла „търся да заблудя някого чрез заобикалки“.

Contrevenir. В съчетание с *contre* конкретното пространствено значение на *venir* се е разширило до едно по-общо значение за действие и производният глагол изразява противодействие.

Parvenir. Френската представка *par-* идва от латинската *per-*, която е имала пространствено значение и е означавала „преминаване през нещо, преодоляване на разстояние“. Тъй като преминаването или преодоляването на разстояние преследват достигане до някаква цел, на представката се приписва финално значение: *parvenir* означава „*arriver au terme qu'on s'est proposé*“ (PL). Това финално значение оправдава съчетанието с глаголи като *achever* — *parachever*; *faire* — *parfaire*. Очевиден е преходът от *parfaire un ouvrage* („завършвам една работа“) до *parfaire une somme* („допълвам сума“). Това е преход от комплетивната идея към аугментативната, която някои езиковеди приписват на *par-*.

Advenir. Френският глагол е безличен и се употребява само в няколко лексикализирани израза: *advienne que pourra*, *quoi qu'il advienne*. Означава проява на нещо непредвидено, което засяга в известна степен даден субект. Тази насоченост на действието, макар имплицитна, напомня за атрибутивното значение на *ad-*.

В началото на работата вече имахме възможност да обясним значението на *devenir*.

От всички разгледани производни на *venir* само *revenir* и *parvenir* пазят смисъла за движение на изходната основа. При това *parvenir* предполага външна граница на процеса и непространствените употреби не са редки (*parvenir à un accord*). *Intervenir*, *survenir* и *provenir* само напомнят за пространство-

ния си произход, макар че действието остава затворено в субекта. Останалите производни на *venir* (*prévenir, convenir, subvenir, circonvenir, contrevénir, devenir*) предполагат насоченост на действието извън субекта; глаголите са транзитивни и граматически това се проявява в наличието на пряко допълнение или атрибут.

Следователно и при глагола *venir*, когато се касае за движение, ограничено в самия субект, префиксалната валентност е ниска. В останалите случаи представката не само модифицира значението на глагола, но променя и неговия характер — от непреходен го прави преходен. Тази констатация не може и не бива да се издига в норма. Тя бележи само една подчертано по-силна тенденция на преходните глаголи към префиксация за разлика от непреходните. Това се потвърждава и от българските съответки на *aller* и *venir* — *отида* и *дойда*.

Тези два глагола в българския език произлизат от *ида*, който може да се комбинира със следните представки (прости или сложни): *до-*, *за-*, *на-*, *надо-*, *об-*, *от-*, *по-от-*, *по-раз-от-*, *при-*, *при-до-*, *раз-от-*. „При завършващите на гласна представки коренът е *-ид-*, а ударението преминава върху първата до корена представка“ (вж. П. Пашов, Българският глагол, с. 147). По-гъвкавата префиксална система в българския език е позволила от една изходна основа да се получат производни глаголи за изразяване на приближаване до говорещото лице или на отдалечаване от него — отношения, които в романските езици се предават с лексеми от различни корени. Опозицията *отида* / *дойда* се явява отражение на антонимията *от-* / *до-*.

Ще бъдат разгледани три групи производни глаголи в зависимост от това, дали в основата си те имат простия глагол *ида*, или производните *дойда* или *отида*.

Ида изразява приближаване до говорещото лице. Съчетава се освен с *от-* и *до-* още със *за-*, *на-*, *об-* и *при-*. В съчетание с *до-* *ида* запазва значението за приближаване поради еднаквата насоченост на процеса, съдържаща се и в двата елемента. Същото се наблюдава при *при-*. Другите представки, с които се комбинира *ида*, неутрализират посоката на движение на изходната основа и придават на процеса характерната за тях насоченост: *от-* — отдалечаване, *за-* — преминаване зад, *оттатък* нещо, *об-* — обхващане на обекта като цяло (*с очи поле да обиди...*). Идеята за контакт с обекта, която се съдържа в *на-*, може да се открие и в *найда* — намирането на нещо (*найда*) е свързано с стиването до него (*ида*).

Глаголът *дойда* се съчетава с атрибутивните представки *при-* и *на-*. Значението на *придойда* (*реката придойде*) лесно се извлича от конкретното значение на съставните елементи. В горния пример *при-* означава, че към нормалното количество вода се прибавя още. *Надойда* предполага множественост

на субектите. Представката *на-*, както бе посочено по-горе, съдържа идеята за контакт с даден обект, като в зависимост от обекта този контакт може да бъде ограничен в една точка (*набуча, намуша*) или да се простре върху цялата повърхност на предмета, разширявайки се до идеята за обхватност. В комбинация с глаголи за движение тази идея на *на-* придава на производните сумарно значение.

Отида влиза в комбинация с дисоциативната представка *раз-* и производния глагол предполага сумарен субект: *хората се разотидоха*. Ст. Стоянов посочва четири значения на представката *раз-*: а) насочване на действието в различни посоки: *разгоня*; б) разпределеност на действието на много места: *разлепвам* (афиши); в) усиленост на действието: *развихря се*; г) посока на действието, обратна на посоката, означена с друга представка: *развинтя* (обратно на *завинтя*).²⁷ Трябва да се добави, че последното значение на *раз-* при глаголи, които не предполагат посока на движението, е добило негативен смисъл: *товаря — разтоваря*. Всички тези значения произлизат от дисоциативния смисъл на *раз-*. При глаголите за движение това е лесно доловимо и обяснимо. А при онези, които не предполагат пространствена определеност, а могат да се характеризират от гледна точка на интензивността на процеса, многоплатността на *раз-* се трансформира в повишена интензивност.

При втората група глаголи с неопределена насоченост на движението процесът достига до някакъв обект. Като представители на тези глаголи ще разгледаме съответните на *тепер*, предполагащ одушевен обект със самостоятелно движение, и *porter*, чийто обект може да бъде и одушевен, и неодушевен, но не извършва самостоятелно движение. Според изказаното по-горе предположение именно тези глаголи трябва да имат висока съчетаемост с представки. И действително това се проявява при всички проучвани езици, макар и не в еднаква степен.

Във френския, румънския и българския език се прави ясно разграничение между самостоятелното движение на обекта (*вода, тепер, a duce*) и несамостоятелно движение (*нося, porter, a purta*.)

Глаголът *тепер* може да приема представки за изразяване на отдалечаване (*emteper*), на приближаване (*amteper*), на повторителност на действието, само че не на простия глагол, а на производните за приближаване или отдалечаване (*gamteper, gemteper*). По-особена е семантиката на *se d mener, surteper* и *promteper*, макар че и при тях връзката с първоначалното значение на представката не се е изгубила независимо от това, че смисълът на основата е засегнат. *Se d mener* означава „люшкам се, мятam се, правя усилия да изляза от затруднено

²⁷ Ст. Стоянов, цит. съч., с. 311.

положение“. Промяната в значението на глагола не позволява на *dé-* да реализира изцяло значението си за отдалечаване. В глагола *surmeneg* се е запазил смисълът на представката за превишаване и превъзходство, като и този път семантиката на *meneg* значително се е разширила. Единствено в *gromeneg* и двата компонента съхраняват основното в значението си.

Само в румънския език се е запазила непрефигирана съответка на латинския глагол *duco, ducere* — а *duce*. Впрочем както в румънския, така и в останалите романски езици са се запазили латинските производни от глагола *ducere* (а *conduce, a deduce, a induce, a produce, a reduce, a traduce*).

В българския език **ВОДЯ** е дал производни глаголи със следните представки: *в-, до-, за-, из-, на-, от-, по-, под-, раз-, с-, пре-, про-, при-*. Всичките му производни носят значението на изходната основа.

Без да влизаме в подробности, ще посочим, че глаголите *нося, porter* и а *porta* също показват висока префиксална валентност. Макар че съответните глаголи в италианския (*portare*), испанския (*portar*) и португалския (*portar*) имат ограничена употреба или са с по-друго значение (в португалския език *portar* идва от съществителното *porto* „пристанище“), във всички романски езици са се запазили производните на латинския глагол *portare* с първоначалното им значение.

В италианския, испанския и португалския език съществуват съответно глаголите *portare, llevar* и *levar*, при които не се прави ясно разграничение между самостоятелно и несамостоятелно движение на обекта — в зависимост от контекста те могат да означават и *водя*, и *нося*. Може да се констатира, че в португалския език *levar* се оказва по-продуктивен (*elevant, enlevant, prelevant, relevant, sublevant*) в сравнение с испанския *Llevar* (*elevant, relevant, sublevant*).

Тъй като нашата цел е да открием тенденцията към префиксация на глаголите за движение, чието действие има за граница обект, различен от субекта, няма да се спираме на особеностите в значението на производните глаголи във всеки език. Те се дължат на множество вътрешноезикови и междуезикови фактори, които не сме в състояние да анализираме тук.

Определена насоченост на движението. Към това значение отнасяме глаголи, чийто процес представлява движение във вертикална посока. Специфичното в семантиката им е това, че те съдържат указание за посоката на движението за разлика от глаголи като *mettre* или *venir*. Този факт е съществен във връзка с възможността им да приемат префиксална характеристика. Налага се предположението, че тяхната валентност в това отношение ще бъде по-ниска, тъй като естеството на движението изключва редица пространствени отношения, като отдалечаване, приближаване, проникване, разпределителност, множе-

ственост и т. н., които се реализират при глаголи, неутрални по отношение посоката на действието. Ще разгледаме последователно глаголите, които изразяват движение нагоре и движение надолу.

При изразяване на движение отдолу нагоре в романските езици един и същ глагол може да изразява движение, ограничено в самия субект, или движение, достигащо до някакъв обект: *monter* (fr.), *montare* (it.), *montar* (esp., port.), а *urca* (roum.).

При тези глаголи представъчно може да се изрази идеята за повторение (*remonter*, *rimontare*, *remontar*) и отрицателната идея, която във френския език засяга едно по-частично значение на глагола (*monter / démonter une machine*), а в италианския, испанския и португалския език се отнася до основното значение на изходния глагол (*smontare* (it.), *desmontar* (esp., port.), като в последните два езика то често се свързва с езда на кон.

Само в италианския и френския език този глагол влиза в съчетание с пространствени представки, но продуктивността му се ограничава в един-два случая: *surmonter* (*surmonter un obstacle*), *sopramontare*, *ammontare* (*la spesa ammontava a 10,000 lire*).

Освен чрез съответките на *monter* в италианския, испанския и португалския език същата идея се предава чрез *salire* (it.), който е дал произведен глагол само за повторение (*risalire*), и *subir* (esp., port.), който е произведен от латинския *ire* (*subire*).

В румънския език с такова значение се употребява а *urca* (или възвратният а *se urca*): а *urca în maşina*, а *se urca pe munte*. Този глагол няма представъчни производни. Глаголът а *mona* в румънския език означава „монтирам“ и не е предмет на нашето изследване.

При българския глагол *кача / кача се* (възвратната му форма ограничава действието в самия субект) възможностите за префиксални производни са много по-големи. Но значението на основния глагол се запазва само в четири производни: *изкача*, *покача*, *възкача* и *накача* (при последния глагол представката *на-* изразява събирателност). При останалите производни значението на основата или се променя (*закача*, *откача*, *скача*, *разкача*, *прикача* изразяват идея за свързване, а не за движение отдолу нагоре), или избледнява: при *докача* като че ли цялата семантика се поема от атрибутивното значение на представката.

Значението за движение надолу в романските езици се предава с безпредставъчен или с представъчен глагол, както в италианския език (*scendere — discendere*), или с представъчен глагол от латински език: *descendre* (fr.), *descender* (esp. — с

подобно значение се използва и *bahar*, който има производни: *abahar*, *rebahar*), а *coborî*, а *descinde* (roum.), *descer*, *descender* (port.).

Освен идеята за повторение при някои от тези езици (fr.: *redescendre*, it.: *ridiscendere*, esp.: *rebahar*, port.: *redescender*) и идеята за множественост при *condescendre* (fr.), *condescender* (esp., port.), *condiscendere* (it.) — при пълно избледняване на пространствения характер на процеса, романските езици не предлагат други производни.

За да се изрази движение надолу, в българския език се използват основните глаголи *сляза* (непреходен) и *сваля* (преходен). Но това са представъчни производни със *с-*, която изразява движение надолу (срв. още: *стоваря*). Те имат за основа свързани глаголни форми, от които са получени много представъчни производни, чиято семантика нямаме за цел да анализираме. Особеното тук е, че *сваля* и *сляза* (с изключение на възможността за съчетание със *за-* за изразяване на начинателност: *заслизахме по стълбите*, *засваляха веднага багажа*, с *на-* за изразяване множественост на субектите или обектите: *насвалихме всички картини от стените*, *наслизахме*, с *по-* за означаване на кратковременно действие: *посвали си шапката*, *послез при мене*) практически не дават други вторични представъчни производни.

Разгърнатото проучване на вариациите в семантичната дистрибуция на глаголните представки при прехода от идеята за съществуване към идеята за движение ни позволява да направим следното съществено заключение, без да се връщаме отново към особеностите на различните езици: най-ниска съчетаемост с представки се наблюдава при глаголите за съществуване, които нямат отношение към пространствената определеност на процеса; най-висока префиксална валентност показват глаголите за движение с неопределена насоченост, чийто процес не остава затворен в субекта, а достига до някакъв обект.

ДИСТРИБУЦИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРИСТАВОК В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ В СРАВНЕНИИ С БОЛГАРСКИМ ЯЗЫКОМ

Паисий Христов

(Резюме)

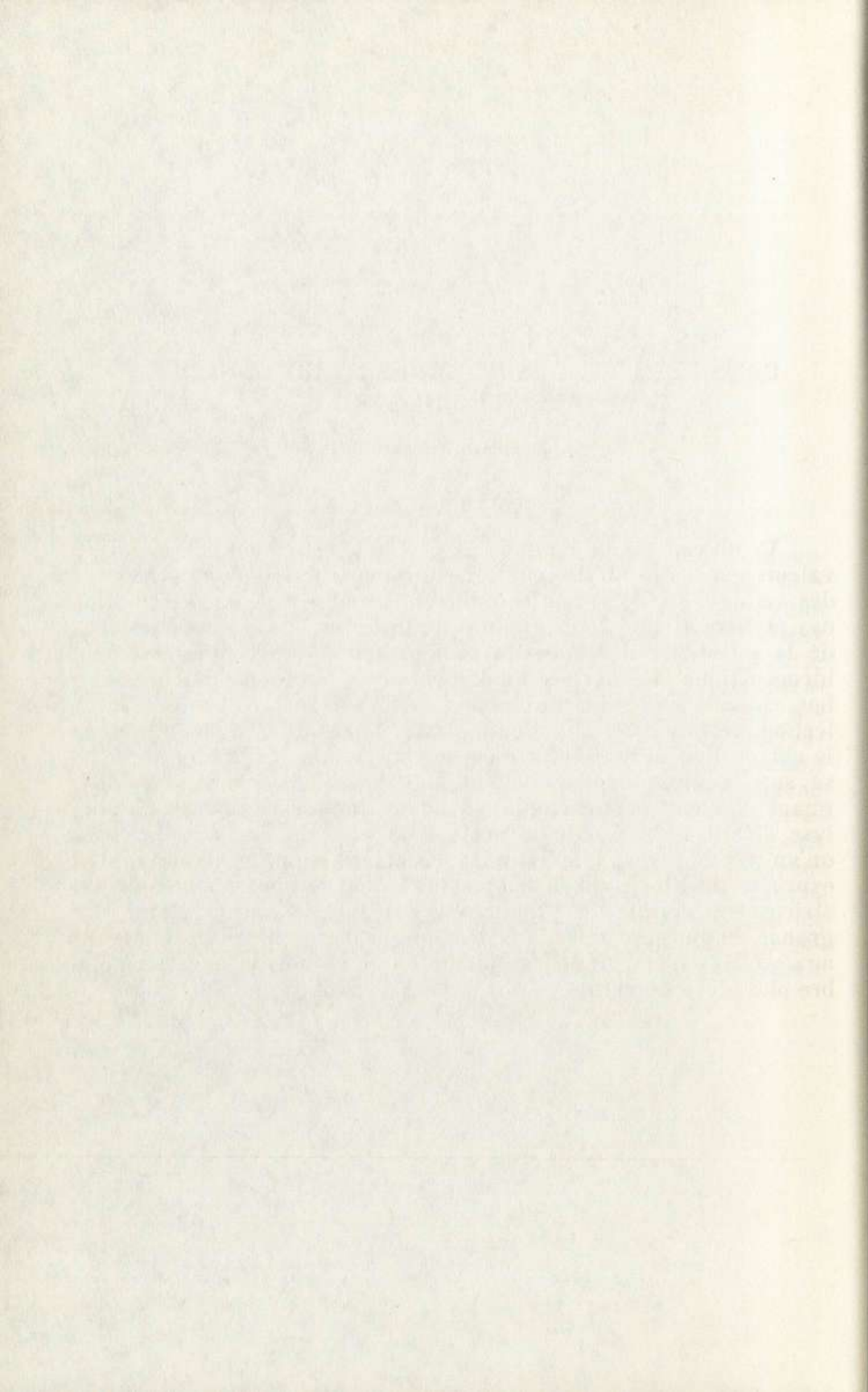
На языковом уровне приставки обладают общими значениями, конкретизирующимися при сочетании приставок с бесприставочными глаголами. Чтобы решить проблему дистрибуции приставок, следует учитывать суть самого процесса и специфику значения приставок. Идеогенетическая классификация глаголов (экзистенциальные глаголы, модальные глаголы, притяжательные глаголы, глаголы восприятия, глаголы действия) используется в данной работе как основа исследования дистрибуции глагольных приставок в болгарском и в романских языках. Обстоятельное исследование этой проблемы привело нас к следующему выводу: чтобы можно было дать характеристику префикса какого-нибудь глагола, этот глагол должен выражать процесс в развитии, содержание которого не определено абсолютно точно. Сравнительно большая продуктивность болгарских приставок привела к расширению их значений и их возможности сочетания с большим числом глаголов. В романских языках конкретное значение приставок десемантизируется редко.

DISTRIBUTION DES PREFIXES VERBAUX
DANS LES LANGUES ROMANES EN COMPARAISON
AVEC LE BULGARIE

Paissy Hristov

(R é s u m é)

Au niveau de la langue les préfixes se présentent avec des valeurs générales qu'ils concrétisent dans leurs combinaisons avec des verbes simples. Pour résoudre le problème de la distribution des préfixes il faut tenir compte de la nature du procès verbal et de la spécificité de l'idée du préfixe. On a choisi le classement idéogénétique des verbes fondamentaux (verbes d'existence, verbes modaux, verbes de possession, verbes de perception et d'intellection, verbes d'action) comme base d'une étude distributionnelle qui, au lieu de se limiter dans le cadre d'une seule langue, repose sur l'analyse contrastive du bulgare et du français en alléguant souvent des exemples d'autres langues romanes. L'analyse détaillée du problème porte à la conclusion suivante: pour qu'un verbe puisse admettre la caractérisation préfixale il doit exprimer un procès en développement dont le contenu ne soit pas strictement défini. La productivité de la préfixation étant plus grande en bulgare que dans les langues romanes, elle a permis aux préfixes d'élargir leurs valeurs en combinaison avec un nombre plus élevé de verbes.

ТРУДОВЕ НА ВЕЛИКОТЪРНОВСКИЯ УНИВЕРСИТЕТ
„КИРИЛ И МЕТОДИИ“

Том XVI, кн. 2

Филологически факултет

1979/1980

TRAVAUX DE L'UNIVERSITÉ „CYRILLE ET METHODE“
DE V. TIRNOVO

Tome XVI, livre 2

Faculté philologique

1979/1980

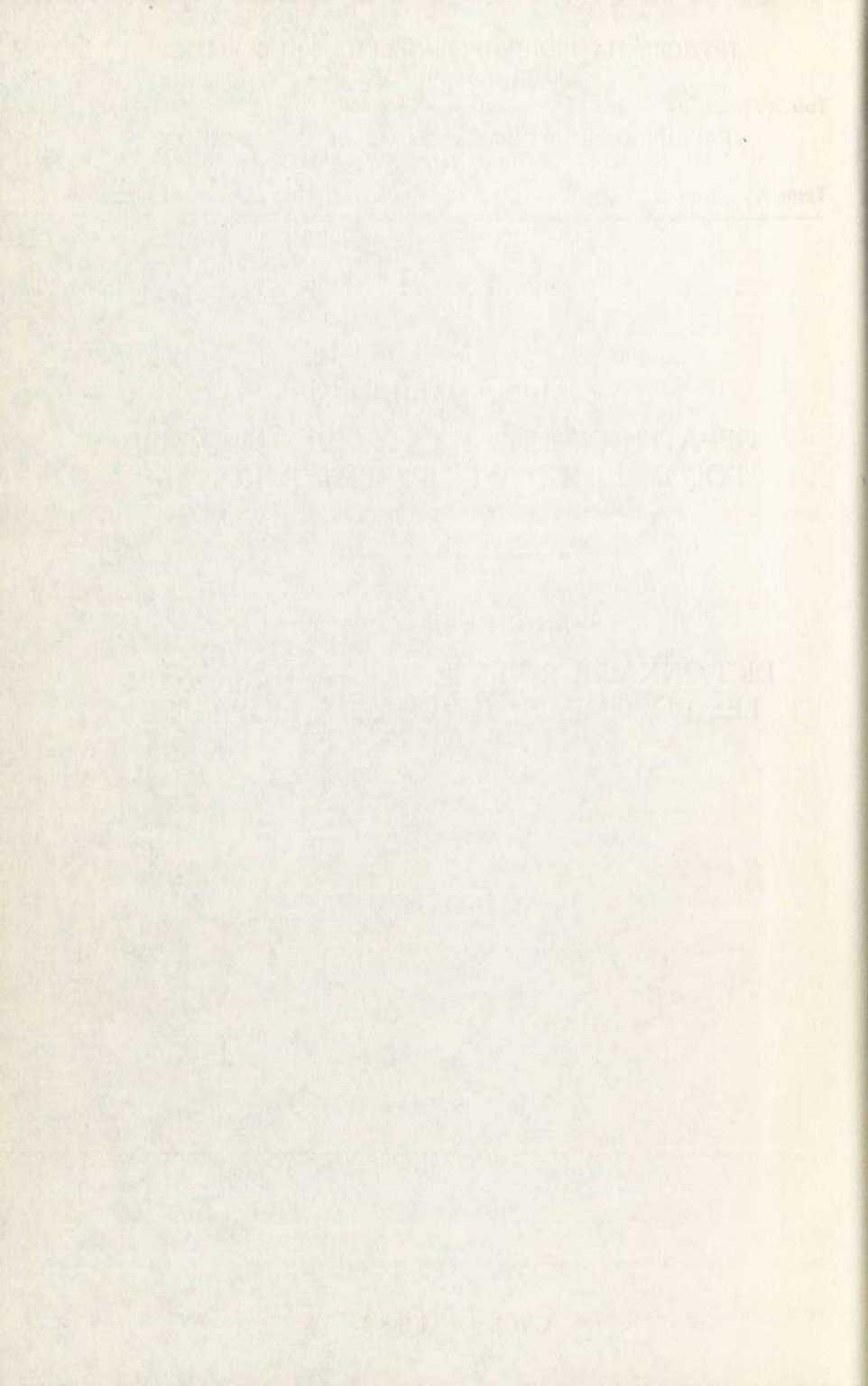
АНГЕЛ ДАВИДОВ

ОБРАТЕН РЕЧНИК НА „БЕСЕДА ПРОТИВ
БОГОМИЛИТЕ“ ОТ ПРЕЗВИТЕР КОЗМА

ANGUEL DAVIDOV

DICTIONNAIRE INVERSE DE „TRAITÉ CONTRE
LES BOGOMILES“ DE COSMAS LE PRÊTRE

София 1981

1. 0. Понятието „обратен речник“ е вече твърдо установено в нашата лингвистична теория и практика, но все още неговото съдържание не е достатъчно определено,¹ поради което се налага да се уточни неговият терминологически смисъл, да се посочи кое точно е „обратно“ в сравнение с обикновения, „прав“ речник. Повечето речници-справочници на лингвистическите термини не отделят място за обяснение на това понятие.² Д. Э. Розентал и М. А. Теленкова³ дават следното определение на „обратен речник“: „Словарь, в котором сохраняется алфавитное расположение материала, но не по началу слов, а по концу их, т. е. справа налево“. По такъв начин от две думи по-напред ще бъде поставена тази дума, чиято последна буква е по-близо до началото на азбуката.⁴ На този принцип в последно време са публикувани към 50 обратни речници на различни езици, а има сведения за още няколко десетки изготвени, но не публикувани. В същност на филологическата наука са познати опити за „обратни речници“ твърде отдавна, още от средновековието — например в XIII—XIV в. арабските речници, римните речници в Европа от XVIII в.⁵ В истинския смисъл на думата обратни речници, предназначени за езиковедски проучвания, се появяват в края на XIX и началото на XX век. Това са речници главно за класическите древни езици⁶. Забележителен размах получи работата по съставяне на обратни речници през последните двадесетина години. Издадени бяха обратни индекси на редица древни езици като хетски⁷, тохарски⁸, староегипетски⁹, тракийски¹⁰, микенско-гръцки¹¹ и, което е особено важно за нас — на старобългарския език (в състава на Речника на Садник-Айцетмюлер¹²) и на староруски¹³ („обърнат“ по речника на И. И. Срезневски — Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, СПб, 1893—1912). Бяха издадени обратни речници на редица съвременни езици като руски, италиански, английски, френски, немски, португалски, румънски, български, украински, унгарски, монголски и др.¹⁴

1. 1. За славистиката, и по-специално за старобългаристиката са от изключителна важност обратните речници на старобългарския език. През 1955 г. специалистите вече имаха в ръцете си такъв речник — като втора част от речника на Садник-Айцетмюлер. Известно е обаче, че този речник се базира само

на 20 паметника, на т. нар. „старобългарски канон“. Затова въпреки своята огромна ценност той не може да даде цялостна представа за старобългарската лексика, която е представена още в редица други старобългарски съчинения, известни по по-късни преписи. В това отношение речникът на Срезневски има много по-широк обхват на паметници с характерна старобългарска лексика и затова изработеният по него обратен речник има твърде важно значение. Естествено необходимо е да се отчита, че Срезневски включва редица типично староруски паметници, поради което трябва да се подхожда твърде внимателно, когато се правят изводи за старобългарската лексика. Речникът на Фр. Миклошич¹⁵ — един фундаментален труд, необходимо пособие за всеки специалист по старобългарска лексикология, включва около 40 700 думи, ексцерпирани от също твърде голям кръг паметници. Макар че тези паметници Миклошич взема в доста широки хронологически граници, неговият изострен лексикален усет му е дал възможност да подбере и отрази в речника си именно старобългарското словно богатство. Това прави необходимостта от обратен речник, съставен по Миклошич, повече от очевидна. И днес вече този речник, макар и непубликуван, е изработен и е на разположение на специалистите.¹⁶ Разбира се, и при Миклошич трябва да се отчита винаги какъв е кръгът от паметници, от които той извлича своя материал, неговите принципи за подбора на този материал. Така че задачата за съставяне на речник на старобългарския език (тълковен и обратен), основан върху материал от всички произведения и автори на старобългарската литература (макар и запазени по по-късни преписи), е все още нерешена. За да стане това, е необходимо да се изследва и представи всестранно лексиката на всички старобългарски паметници: чрез пълни тълковно-преводни речници-индекси, фреквентни речници и обратни речници. Такива речници в бъдеще ще служат за основа на различни лексикални проучвания.

1. 2. Обратния речник на „Беседа против богомилите“ от Презвитер Козма съставих на основата на пълния речник-индекс на това съчинение¹⁷. Засега като речник само на едно произведение от старобългарската литература това е пръв опит в нашата лексикография. Какво може да ни даде този обратен речник (по-нататък съкратено: ОР)?

2. 0. Преди всичко ОР ще ни предложи систематизиран материал за проучвания в областта на морфологията и словообразуването — както на самата „Беседа против богомилите“, така и изобщо на старобългарския език. (Трябва да се има пред вид, че речникът на Садник-Айцетмюлер не включва лексиката на „Беседата“).

2. 1. ОР позволява да се правят наблюдения върху вътрешните съотношения в словообразователната система на про-

изведението, върху разпространението и предпочитанието на определени суфикси, върху техните съчетателни възможности и тенденции, върху отношението между производящата основа и производната дума и т. н. Да вземем за пример съотношението между двата суфикса за притежателни прилагателни в „Беседата“ на Козма **-овъ** и **-инъ**. Първият е употребен 10 пъти — с него са образувани прилагателните **адовъ**, **давидовъ**, **кореовъ**, и **сеовъ**, **павъловъ**, **валаамовъ**, **каиновъ**, **христовъ**, **антихристовъ**, **моисъовъ** (вземам само притежателни прилагателни). Със суфикса **-инъ** са образувани 8 притежателни прилагателни: **азаринъ**, **моисинъ**, **ионинъ**, **мамонинъ**, **сотонинъ**, **моисинъ**, **богородичинъ**, **моисъинъ**. По-високата продуктивност на суфикса **-овъ** в „Беседата“ личи не само от посоченото количествено съотношение, но и от способността му да участва в образуването на сложния суфикс **-овъскъ**, например **бъсовъскъ**, **поповъскъ**. Суфиксът **-инъ** не участва в комбинации с друг суфикс.

Интересни са количествените и семантичните отношения между суфиксите **-ъскъ** и **-ънъ**, които в някои случаи могат да се конкурират¹⁸, например в прилагателните **женъскъ** и **женънъ** — и двете имат значение 'женски, на жена'; **плътъскъ** и **плътънъ** — и двете със значение 'плътски'. Естествено по-детайлно нюансировката в значението на двата суфикса може да се види от контекста.

При изследвания с помощта на ОР може да се определи лесно от какви основи са получени отделните словообразователни модели, доколкото тези основи са продуктивни. Така в „Беседа“ против богомилите“ на Презвитер Козма от всички съществителни на **-ъникъ** (34 на брой) само за 6 има съответни изходни прилагателни на **-ънъ** — **безаконъникъ**, **грѣшьникъ**, **длъжъникъ**, **праздъникъ**, **ратъникъ**, **странъникъ** (от **безаконънъ**, **грѣшьнъ** и т. н.).

Да хвърлим поглед и върху примерите на **-ъскъ** — те са общо 31 на брой. Почти всички са образувани от субстантивни основи¹⁹, само едно прилагателно е от местоименна основа (**въсѣчьскъ**) и едно — от прилагателно (**мръзьскъ**). Останалите прилагателни (с изходна основа съществителни) имат значение 'принадлежащ на, свойствен на'.²⁰ Интересно би било да се види при това пълно надмощие на субстантивните основи като строителен материал за образуване на прилагателните на **-ъскъ** какво е разпределението на изходните съществителни по стари склонитбени основи. У Презвитер Козма положението е следното: прилагателни, образувани от *o* — основи — 16 (**поповъскъ**, **бъсовъскъ**, **ангельскъ**, **апостольскъ**, **елеонъскъ**, **селонъскъ**, **христиѣнъскъ**, **епискоупъскъ**, **българъскъ**, **миръскъ**, **коумиръскъ**, **мъченичъскъ**, **еретичъскъ**, **пророчъскъ**, **чловѣчьскъ**, **пастоушьскъ**); от *o* — основи 8 (**никеискъ**, **иерейскъ**, **галилѣискъ**, **цѣсаръскъ**, **манастиръскъ**, **чръньчъскъ**, **евангельскъ**); от *a* — ос-

нови — **женьскъ**; от *ja* — основи — **земьскъ**; от *ĭ* — основи — **господьскъ**, **плътьскъ**, **дѣтьскъ**. Тези данни се посрещат с данните на Н. П. Зверковская²¹ за Супрасълския сборник²², където от 80 прилагателни на **-ьскъ** 79 са образувани от съществителни²³, при което разпределението по стари основи е следното: *o*-основи — 55, *a*-основи — 13, *ĭ*-основи — 7, съгласни основи — 4. И тук решително доминират старите *o*-основи като изходен материал за образуване на прилагателни на **-ьскъ** — 55 = 69%, или повече от две трети.

2. 2. Биха могли да се направят количествени наблюдения — до каква степен са застъпени различните словообразователни модели — по брой на лексемите в Беседата на Козма в сравнение с ОР на Садник-Айцетмюлер (СА). Като се види съотношението спрямо СА, могат да се направят изводи за предпочитанията на Презвитер Козма към определени образци и евентуални различия от старобългарския „канон“. Ако пък ОР е на паметник, включен в речника на СА, ще може да се види отношението му към старобългарските канонични паметници, участието му в изграждането на морфологичната и словообразователната система на старобългарския език. Могат да се проследят пропорционално количествените съотношения между различните словообразователни модели в едно произведение спрямо целия ОР на Садник-Айцетмюлер. Например за един от най-разпространените модели **-ица** (**-ъница**, **-еница**) и **-ина**: у Презвитер Козма има 21 лексеми от първия тип и 11 — от втория. В речника на СА съотношението е 105 към 34, или суфиксът **-ица** е застъпен у Козма приблизително два пъти повече от суфикса **-ина**, докато в речника на СА същият суфикс е съставна част на три пъти повече лексеми. Явно е, че различните суфикси в различните произведения на старобългарската литература са застъпени в различно съотношение; не можем следователно да пренасяме механически съотношението между словообразователните модели общо за старобългарския речник към отделните произведения или паметник.

2. 3. За паметник като „Беседа против богомилите“ на Презвитер Козма, която не е включена в речника на СА, групирането на думите с еднакви суфикси заедно позволява веднага да се посочат различията в двата ОР, например, кои лексеми от даден модел липсват в речника на СА. Така от думите на **-ица**, срещани в „Беседата“, у СА не са зафиксирани **домодръжица**, **застъпница**, **мъжатица**, **мъжелюбица**, **чъдолюбица** — и то като се има пред вид, че СА включва 5 пъти повече лексеми от този модел.

2. 4. Като сравняваме ОР на едно старобългарско произведение (или паметник) с ОР на старобългарския език (засега с ОР на СА), можем да видим използват ли се в това произведение някои суфикси, различни от употребените в други про-

изведения (зафиксирани в речника на СА). Относно Презвитер Козма трябва да отбележим, че за неговото словотворчество не са характерни нови, неизвестни другаде суфикси (изключение прави суфиксът **-оуна**, например **кощоуна** — дума със суфикс **-оуна** не е отбелязана от СА). Лексемите, употребени в „Беседата“, споделят общите словообразователни тенденции на старобългарския език. Богатството на речника се обуславя не от нови модели, от неизвестни суфикси, а от нови, неизвестни съчетания на употребявани корени и суфикси.

2. 5. Чрез ОР може нагледно да се види какви словообразователни типове са застъпени в различните склонения и в какво количество, каква е тяхната честотност в рамките на цялото произведение. (Разбира се, тук трябва да се отчита, че различните склонитбени типове могат в изходната форма, дадена в ОР — именителен падеж единствено число, — да имат еднакви окончания, като **село/слово, конь/пътъ, рабъ/сынъ**). Същото може да се каже и за прилагателните и глаголите. Наблюденията могат да се усложнят поради обстоятелството, че всички части на речта в ОР са дадени смесено, но и това затруднение лесно може да се отстрани чрез проверка в обикновения речник.

Това са само част от разнообразните задачи в областта на словообразуването, които могат да се решат с помощта на ОР.

3. 0. ОР^{*} може с успех да намери приложение в текстологията при разчитане на неясен или повреден ръкопис — за разшифровка на нечетливи места, при които са изтрили началото или края на думата (или думите). В първия случай (при запазен завършек на думата) ОР, който има всички думи с определен завършък, ще позволи да се намери най-подходящата дума с търсеното начало. Във втория случай (при запазено начало на думата) за възстановяването на неясната дума ще е полезен както обикновеният словник (по азбучен ред), така и ОР. Така, когато има известна ориентация каква част на речта би могла да бъде думата, ОР разполага с пълен списък на думите с различни суфикси.

ОР може да послужи също така и при трудни за разчленяване части от текста при *scriptura continua* — към всеки суфикс (или по-общо: завършък) са дадени всички възможни начала.

4. 0. ОР може да намери приложение при изследване фONOлогичната структура на думата — когато трябва да се анализират крайните съчетания на фонемите.

5. 0. Строеж на ОР на „Беседа против богомилите“

5. 1. ОР съдържа всички заглавни думи от „Беседа против богомилите“, извлечени от Речник-индекс на Презвитер Козма като речник-источник, общо 2360.

5. 2. Думите са подредени по азбучен ред спрямо последната буква на думата, след това — спрямо предпоследната, после спрямо третата от края и т. н. до началото, например:

а
 оба
 зълба
 жтроба
 пагоуба
 рыба и т. н.

5. 3. Омонимите се вписват като една дума и в зависимост от това, в колко речникови статии влизат в Речника-индекс на Презвитер Козма, се означават с цифра в горната лява страна, например ²сила: 1. Сила; 2. Сила — собствено име; ²да: 1. съюз; 2. частица; ²язъкъ, ²и, ²ли и др.

5. 4. При глаголите се дава инфинитивът. Причастията не се отделят с изключение на някои сегашни деятелни причастия, поели функцията на прилагателни или образувани с отрицателната частица *не*.

5. 5. Глаголите със с[^] (употребявани само като „възвратни“) се отбелязват със звездичка, например *възвратити, *чистити, *облачити и др., което означава възвратити с[^], чистити с[^], облачити с[^] и т. н.

Ако глаголът се среща със с[^] и без с[^], той се отбелязва с две звездички, например **наоучити, **кръстити, **обратити и др., което означава наоучити и наоучити с[^], кръстити и кръстити с[^], обратити и обратити с[^] и т. н.

БЕЛЕЖКИ

¹ Това важи и за установените в другите езици термини, еквивалентни на това съчетание — *index a tergo*, рус. обратный словарь, нем. *rückläufiges Wörterbuch*, англ. *reverse dictionary*, фр. *dictionnaire inverse*, итал. *dizionario inverso*, *indice retrogrado* и др.

² Срв. напр. Ж. Марузо, Словарь лингвистических терминов, перевод с французского, М., 1960; П. Вахек, Лингвистический словарь пражской школы, перевод с французского, немецкого, английского и чешского, М., 1964; З. Хэмп, Словарь американской лингвистической терминологии, М., 1964; О. С. Ахманова, Словарь лингвистических терминов, М., 1966 и др.

³ Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова, Словарь справочник лингвистических терминов, издание второе, М., 1976, с. 398.

⁴ Срв. Обратный словарь русского языка, М., 1974, с. 5.

⁵ J. Walker, *The rhyming dictionary of the English language in which the whole language is arranged according to its terminations*. Revised and enlarged by L. H. Dawson, 1775; S. H. Schaffer, *Hochdeutsches Wörterbuch nach den Endsyblen geordnet*. Weisnfelds, 1800; X. Галфаян, Рифмовник, или словарь рифм армянского языка, Феодосия, 1862.

⁶ Grassmann, *Wörterbuch zur Rig-Veda*, Leipzig, 1875 (В състава на речника е включен обратен индекс); O. Gradenwitz, *Laterculi vocum latinarum: voces latinas et a fronte et a tergo ordinandas*. Leipzig, 1904; C. Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch*, Strassbourg, 1904, Berlin, 1961 (В състава на речника е включен обратен индекс).

⁷ P. Reichert, *Glossaire inverse de la langue hittite*. Paris, 1963. — „*Revue hittite et asianique*“, t. 21, fasc. 73, 1963;

⁸ P. Poucha, *Thésaurus linguae tocharicae. Dialecti A. Institutiones linguae tocharicae, pars I*, Praha, 1955 (Обратният индекс е в състава на речника).

⁹ W. F. Reineke, *Rückläufiges Wörterverzeichnis des Ägyptischen*. — A. Erman, H. Grapow, *Wörterbuch der Ägyptischen Sprache*, VII, Berlin, 1963.

¹⁰ К. Влахов, Допълнения и поправки към тракийските езикови остатъци и обратен речник. — Годишник на Софийския университет, филологически факултет, I, VII, 2, 1963.

¹¹ M. Lejeune, *Index inverse du grec mycénien*, Paris, 1964; M. Doria, *Indice retrogrado delle iscrizioni in lineare B di Pilo e, di Micene*. Trieste, 1964.

¹² L. Sadnik und R. Aitzetmüller, *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*, Heidelberg, 1955, Teil II, p. 171—207.

¹³ J. Dulewicz e a. *Indeks a tergo do Materiałów do słownika języka staroruskiego I. I. Srezniewskiego*. Pod. kier. A. Obrebskiej-Jabłońskiej, Warszawa, 1968.

¹⁴ Вж. напр. R. Greve, B. Kroesche, *Russisches rückläufiges Wörterbuch*. Unter der Leitung von M. Vasmer, Berlin — Wiesbaden, 1958—1959; *Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart*. Unter der Leitung und Redaktion von H. H. Bielfeldt, Berlin, 1958; E. Mater, *Rückläufiges Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*, Leipzig, 1965, второ издание с участието на B. Mater, Leipzig, 1970; A. Juilland, *Dictionnaire inverse*

de la langue française, London — The Hague — Paris, 1965; M. L. Alinei, Dizionario inverso italiano. Con indicie liste di frequenza delle terminazioni. The Hague, 1962; Normal and reverse English word list. In 8 volumes. Compiled under the direction of A. F. Brown, Philadelphia, 1963; Dictionar invers. Editura Academiei Republici Populare Romine, București, 1957; Indeks a tergo do Słownika języka polskiego S. B. Lindego. Red. W. Doroczewskiego, elab. R. Grzegorzyszka, Z. Kurzowa a J. Puzyńska, Warszawa, 1965; I. Matešič, Rückläufiges Wörterbuch des Serbokroatischen, Wiesbaden, 1966; F. Papp, A magyar nyelv szövégműtató szótára, Budapest, 1969; H. Vietze, E. Mater, H. Zeuner, Rückläufiges Wörterbuch zu „Manghol un Niuca Tobca'an“ (Geheime Geschichte der Mongolen), Leipzig, 1969; E. M. Вольф, Б. П. Нарумов, А. С. Вайсборд, М. А. Косарик, Обратный словарь португальского языка, М., 1971; Обратный словарь русского языка М., 1975; Е. Георгиева, К. Иванова, И. Пенчев, В. Станков, Обратен речник на съвременния български език, С., 1975.

¹⁵ Fr. Miklosich, Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, Vindobonae, 1862—1865.

¹⁶ През април 1977 г. В. Маджарова защити като дипломна работа под мое ръководство изготвянето с помощта на кръжочниците по старобългарски език при Великотърновския университет Обратен речник на старобългарския език по речника на Миклошич.

¹⁷ А. Давидов, Речник-индекс на Презвитер Козма, С., 1976.

¹⁸ За колебанието между суфиксите *-ъскъ* и *-ънь* вж. у А. Vaillant, Manuel du vieux slave, t. I. Grammaire, Paris, 1948, p. 200.

¹⁹ Според изследванията на М. Бродовска-Хоновска в старобългарски този суфикс се свързва почти изключително със субстантивни основи — 90 от 94 (вж. М. Brodowska-Honowska, Słowotwórstwo przymiotnika w języku staro-cerkiewno-słowiańskim (PAN, Komitet Słowianoznawstwa, Monografie sławistyczne, 2/, Kraków, 1960, с. 62).

²⁰ Както посочва А. Ваян, „la distinction n'est pas toujours nette entre la valeur possessive... et celle de dérivé ordinaire“ (op. cit., p. 128). В съвременния български език суфикс *-ски* образува „прилагателни за родова принадлежност“ (вж. Л. Андрейчин, Основни българска граматика, С., 1942, с. 324).

²¹ Н. П. Зверковская, Прилагательные с суффиксом *-ъск-* в древнерусских памятниках XI—XV вв. — Сб. Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка, М., 1969, с. 86—89.

²² Изчислено по К. Meyer, Altkirchenslawisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis, Hamburg, 1935.

²³ Н. П. Зверковская, цит. съч., с. 87.

ОБРАТЕН РЕЧНИК
НА „БЕСЕДА ПРОТИВ БОГОМИЛИТЕ“ ОТ ПРЕЗВИТЕР КОЗМА

а	неправда	хлвина
оба	вражда	дружина
зълоба	бѣда	храмина
жтроба	побѣда	кѣпина
пагоуба	чрѣда	блвотина
рыба	июда	истина
слоужба	ѣда	июстина
татѣба	ѣда	мрѣтвѣчина
вльшьба	лъжа	пѣчина
трѣба	за	бещина
потрѣба	исказа	старѣшина
глава	трапеза	геона
слава	риза	икона
варнава	польза	мамона
трава	сльза	вариона
сава	ѡза	сотона
понева	дѣска	манѣна
нива	лоука	кощоуна
въдова	вльна	скврѣна
молитва	владыка	оустѣна
женитва	рѣчька	стопа
паства	лъжа	игра
жрѣтва	мѣка	пещера
клатва	рѣка	гора
дѣва	хвала	вѣра
млъва	жила	мѣра
съпрѣва	² сила	плата
дѣва	хоула	врата
евга	стрѣла	клевета
кънига	козма	нищета
нога	зима	свита
слоуга	бѣхѣма	работа
котыга	больма	велелѣпота
² да	кольма	доброта
всьегда	тольма	сирота
когда	ѣльма	пѣстрота
тъгда	тъма	высота
ѣгда	на	чистота
одежда	кана	нечистота
ноужда	страна	простота
жажда	жена	оуста
мъзда	блазна	врѣста
свѣзда	таина	пища
обида	гльбина	свѣща
вода	вина	сърѣща
правда		тысѣща

мжжелоубица	тоуже	мънии
чА доубица	тѣмъже	арии
въдовица	никѣдѣже	гории
лѣствица	донкѣлѣже	григории
дѣвица	кѣже	ефесии
богородица	веле	монсии
домодръжица	оле	филиписии
оубница	не	третии
палица	зане	корентии
поущеница	тоуне	чин
тъмъница	гор'е	прочии
застѣпъница	четыре	² ли
помощница	се	нежели
пиАница	те	или
непиАница	галате	коли
троица	² аще	гѣсли
старица	съкровище	вельми
царица	сѣдалище	кольми
мжжатица	сырище	тольми
пѣтица	вътъще	кѣлми
любодѣица	люще	² ни
овъца	кѣще	беспрѣстани
издалеча	аице	искони
прѣдѣтеча	лице	грѣдыни
притѣча	сице	благостыни
чаша	сръдъце	милостыни
доуша	чА дѣце	поуетыни
	слъныце	свАтыни
себе	обаче	свои
тѣжде	кѣдиначе	твои
прѣжде	паче	разбои
кѣде	далече	обои
инѣде	выше	оубои
мъногажѣде	съвышъ	покои
сѣде	болъше	мои
въсѣде	без	трои
² же	из	оустрои
никогдаже		при
таже	² и	ти
идеже	раи	подобати
донѣдеже	ходатаи	озобати
неже	обычан	погыбати
понеже	зади	погрѣбати
иже	ради	подавати
николиже	еи	плавати
ниже	и керен	позивати
никыиже	фарисен	*обѣшвати
оже	тимоѳеи	завѣшвати
такоже	дивин	отвѣщавати
ложе	божи	*вънѣшвати
Аможе	лѣжи	огорѣшвати
тоже	велии	непѣшвати
никѣтоже	савелии	отвѣщевати
ничѣтоже	василии	оубивати
Акоже	болии	изливати
оуже	змии	сѣливати
откѣдоуже	македонии	*оупивати
отънѣдоуже	анѣтони	почивати
Аждоуже	далънии	опочивати

пособовати	прибѣгати	*двизати
трѣбовати	отѣбѣгати	*остризати
*радовати	*рѣгати	дрѣзати
обрадовати	**дати	в▲зати
*въздратовати	обладати	**прив▲зати
*порадовати	прѣобладати	сѣв▲зати
жродовати	падати	*вѣст▲зати
повѣдовати	нападати	скакати
послѣдовати	припадати	*плакати
бесѣдовати	страдати	хракати
вѣслѣдовати	пострадати	искати
*оплазовати	обоуздати	вѣзискати
ковати	въздати	поискати
*поковати	прѣпровождати	сѣмыкати
тлъковати	*ограждати	рыкати
миловати	прѣпровождати	посѣкати
помиловати	**раждати	закалати
цѣловати	*рождати	желати
*обиновати	*троуждати	глаголати
*повиновати	осѣждати	изглаголати
основати	подати	сѣлати
лжкавьновати	вѣдати	посѣлати
праздъновати	оправѣдати	вѣсѣлати
жировати	зѣдати	посѣлати
вѣровати	сѣзѣдати	дѣлати
*красовати	повѣдати	сѣдѣлати
дѣвѣствовати	заповѣдати	мати
цѣсарьствовати	проповѣдати	имати
бещѣствовати	исповѣдати	*заимати
пророчѣствовати	сѣповѣдати	вѣзимати
чрьньчѣствовати	сѣнѣдати	принимати
оуготовати	**прѣдати	вѣнимати
**зѣвати	**сѣблюдати	поимати
призѣвати	гл▲дати	богомати
позѣвати	*обѣдати	*надѣмати
прозѣвати	раздражати	знати
оупѣвати	подражати	знаменати
бывати	посмражати	познати
забывати	бѣжати	рознати
*сѣбывати	**оубѣжати	*проклинати
прѣбывати	лежати	распинати
призѣвати	прилежати	начинати
прозѣвати	прѣдлежати	изгнати
накѣвати	*приближати	рѣвньновати
оумѣвати	оумъножати	капати
покрѣвати	продлѣжати	клепати
*отѣкрѣвати	**дрѣжати	сѣпати
пльвати	**въздрѣжати	сыпати
разоумѣвати	**оудрѣжати	*расѣпати
прогнѣвати	сѣдрѣжати	*възгарати
порѣвати	прѣдрѣжати	сѣбирати
воѣвати	сѣт▲жати	зазирати
**прилагати	казати	назирати
полагати	няказати	вѣзирати
прѣлагати	показати	измирати
посагати	оуказати	оумирати
лъгати	сѣказати	попирати
бѣгати	помазати	бѣрати
избѣгати	ищезати	избѣрати

** събърати	обличати	** погоубити
попърати	* величати	истръбити
* прикасати	въскричати	любити
съпасати	от ђгчати	възлюбити
написати	млъчати	** заградити
* описати	оумлъчати	възградити
въписати	помлъчати	пригвоздити
съписати	** вѣнчати	ѲЗДИТИ
пѣсати	** въпрѣчати	водити
въметати	** разлъчати	въводити
съметати	** отлъчати	годити
** отъметати	* поръчати	оугодити
съчетати	въпрашати	плодити
напитати	** лишати	** родити
почитати	* покоушати	ходити
работати	** искоушати	приходити
поработати	въкоушати	проходити
стати	* ослоушати	исходити
настати	** послоушати	въсходити
пристати	* гноушати	въходити
** остати	слышати	** съсходити
въстати	оуслышати	отъсходити
прѣстати	** съврѣшати	прѣходити
поръпѣтати	* примѣшати	гоудити
* скытати	* съмѣшати	* прокоудити
пытати	съгрѣшати	* ноудити
просвѣтати	раздрѣшати	* поноудити
въмѣтати	въскрѣшати	* троудити
** обрѣтати	** оутѣшати	* потроудити
дыхати	погрети	* грѣдити
въздыхати	ити	оутврѣдити
* обрѣщати	* съподобити	бѣдити
развращати	** избавити	наслѣдити
* възвращати	славити	блѣдити
* съвращати	** прославити	заблѣдити
** отъвращати	* правити	съблѣдити
попоущати	направити	распѣдити
въспоущати	исправити	сѣдити
* насыщати	ставити	** осадити
въсхыщати	наставити	жити
блъщати	** оставити	оублажити
прѣлъщати	поставити	подражити
** обѣщати	оуставити	* подвижити
вѣщати	искривити	* приближити
извѣщати	* противити	прижити
* просвѣщати	ловити	възложити
отъвѣщати	благословити	** приложити
прѣщати	готовити	положити
запрѣщати	* неистовити	въложити
въспрѣщати	благословествити	мѣножити
присѣщати	* стрѣвити	** оумѣножити
** св ђ щати	гнѣвити	пожити
осв ђ щати	** Ѳввити	слоужити
* въсп ђ щати	бити	послоужити
* прич ђ щати	грабити	тѣжити
** нарицати	похабити	сътѣжити
клицати	обити	излзити
въницати	** оуподобити	вълзити
прорицати	оубити	прѣлзити

въздразити	**сквърнити	*свъртити
поразити	**осквърнити	отвъртити
изити	*лъннити	отити
въззити	мъннити	*поработити
пръввзити	доити	растити
в▲зити	поити	благословистити
приити	строити	*чистити
**хвалити	оустроити	*очистити
похвалити	състроити	*постити
*оудалити	пити	простити
*палити	потапити	напоустити
*опечалити	потопити	попоустити
*веселити	*истопити	*отъпоустити
**възвеселити	*съвъкоупити	**лъстити
*въселити	въпнити	пръльстити
**изволити	възъпнити	**кръстити
въдолити	*прилъпнити	извъстити
**молити	пристъпнити	възвъстити
*помолити	отъстъпнити	провъзвъстити
оумолити	пръстъпнити	благовъстити
мыслити	оударити	*оцъстити
высокомыслити	*мъдрити	*прич▲стити
помыслити	*съмирити	насытити
съмыслити	оборити	въсхътити
**хоулити	**творити	чътити
похоулити	**затворити	*свѣтити
оубълити	животворити	освѣтити
раздълити	благотворити	**просвѣтити
прострѣлити	потворити	прѣтити
цѣлити	**сътворити	въспрѣтити
ицѣлити	разорити	присѣтити
ломити	*покорити	посътити
*изломити	оукорити	*св▲тити
прѣломити	оуморити	**осв▲тити
**томити	съмотрити	*облачити
**кръмнити	расъмотрити	омрачити
браннити	пръхътрити	обличити
възбраннити	осырити	отъскочити
*храннити	**оувѣрити	омочити
съхраннити	*съмѣрити	расточити
*женнити	оугасити	**оучити
*оженнити	носити	оучинити
**блазнити	износити	**наоучити
**съблазнити	*възносити	*лоучити
расчиннити	приносити	оулоучити
изгоннити	просити	*сълоучити
прогоннити	въспросити	*пооучити
отъгоннити	въпросити	*въчловѣчити
възаконнити	*искоусити	заклучити
*поклоннити	въкоусити	**отължчити
*оуклоннити	*высити	мжчити
прѣклоннити	повѣсити	поржчити
оуцъснити	съмѣсити	въсрашити
въннити	въскрѣсити	лишнити
наплъннити	*богатити	раздроушити
исплъннити	*обогатити	съклъшнити
съннити	**обратити	съвършнити
*равъннити	развратити	рѣшнити
*мъннити	*възвратити	съгрѣшнити

*раздрѣшати	ненавидѣти	*каиати
² пасти	възненавидѣти	*покаиати
напасти	приходѣти	лаиати
**въпасти	бѣдѣти	въстаиати
**съпасти	набѣдѣти	чаиати
отъпасти	сънабѣдѣти	*отъчаиати
възрасти	*стыдѣти	налииати
красти	вѣдѣти	*пролииати
вести	повѣдѣти	въсиати
извести	проповѣдѣти	*оудалиати
привести	исповѣдѣти	оумалиати
въвести	съповѣдѣти	*распалиати
съвести	провѣдѣти	погоублиати
**съплести	**оувѣдѣти	*избавляти
нести	съвѣдѣти	оулавляти
**възнести	сѣдѣти	ставляти
**прѣвъзнести	щадѣти	оставляти
принести	мръзѣти	съставляти
чисти	велѣти	*противляти
*дочисти	повелѣти	явлѣти
почисти	болѣти	*срамляти
вълѣсти	сѣдолѣти	ослѣпляти
сънѣсти	**имѣти	*потоуляти
**обрѣсти	оумѣти	охоуляти
приобрѣсти	разоумѣти	похоуляти
отъврѣсти	съмѣти	примышляти
сѣсти	окаменѣти	помышляти
**блюсти	**мънѣти	съмышляти
*съблюсти	помънѣти	раздѣляти
ясти	*оусъмнѣти	стрѣляти
поиати	пѣти	ицѣляти
оуиати	оуспѣти	**кланяти
блѣсти	прѣспѣти	*покланяти
*мѣсти	кыпѣти	*оукланяти
*помѣсти	трьпѣти	*отъкланяти
грѣсти	жрѣти	прѣкланяти
истрасти	пожрѣти	възбраняти
наплоути	горѣти	съблажняти
слоути	съгорѣти	възаконяти
быти	върѣти	**въмѣняти
забыти	зьрѣти	*боиати
избыти	зазьрѣти	*оубоиати
*събыти	позьрѣти	стоиати
прѣбыти	прозьрѣти	настоиати
прослыти	оузьрѣти	постоиати
*измыти	възьрѣти	прѣдъстоиати
оумыти	прѣзьрѣти	*състоиати
крыти	оумърѣти	*покарѣти
закрыти	прѣпърѣти	оукарѣти
покрыти	богатѣти	*съмирѣти
съкрыти	обогатѣти	затворѣти
бесъмърѣти	хотѣти	оуморѣти
дѣти	въсхотѣти	расъматрѣти
владѣти	баиати	дѣиати
въздѣти	**даиати	*надѣиати
обидѣти	раздаиати	прѣлюбодѣиати
прѣобидѣти	**подаиати	зьлодѣиати
**видѣти	отъдаиати	*смѣиати
завидѣти	**прѣдаиати	сѣиати

въсѣѣти	излещи	лицемѣръство
жѣти	*пещи	богатѣство
пожѣти	*полещи	късѣство
възѣти	рещи	величѣство
клѣти	**нарещи	еретичѣство
**проклѣти	прорещи	пророчѣство
распѣти	тещи	чрънѣчѣство
начѣти	² мощи	дрѣво
погыбнѣти	възмощи	чрѣво
прозѣбнѣти	дѣщи	² благо
посагнѣти	**облѣщи	мъного
въздвигнѣти	**влѣщи	до
*подвигнѣти	извлѣщи	стадо
постигнѣти	тлѣщи	гнѣздо
истръгнѣти	брѣщи	чоудо
повръгнѣти	небрѣщи	книжѣдо
прибѣгнѣти	изврѣщи	къжѣдо
отбѣгнѣти	възврѣщи	чѣдо
ищезнѣти	поврѣщи	дрѣво
дръзнѣти	въврѣщи	како
оувѣзнѣти	**отврѣщи	инако
*повинѣти	отѣѣщи	тако
отъринѣти		селико
въскликнѣти	² о	колико
приникнѣти	бо	толико
поникнѣти	небо	кълико
подѣкнѣти	ибо	око
съмѣкнѣти	либо	мръзѣко
натыкнѣти	оубо	млѣко
ослѣпнѣти	² любо	² яко
въздѣхнѣти	право	мало
въдѣхнѣти	кладиво	прагло
оусѣхнѣти	слово	село
помѣнѣти	соуѣ слово	обило
**въспомѣнѣти	любодѣство	правило
въспрѣнѣти	прѣлюбодѣство	свѣтило
ѣти	лѣкавѣство	масло
**приѣти	зѣлонравѣство	зѣло
вѣстоприѣти	поповѣство	грѣло
въсприѣти	дѣвѣство	мотыло
поѣти	гладѣство	дѣло
обѣѣти	рождѣство	сѣло
подѣѣти	жродѣство	тѣло
боуи	бестоудѣство	начѣло
соуи	божѣство	рамо
евхи	хѣдожѣство	тамо
*неоженивыи	мъножѣство	въсѣмо
кыи	оплазѣство	любѣзѣно
нѣкыи	свѣтителѣство	вино
высокооумыи	самовольѣство	лоно
которыи	лихоимѣство	присно
нѣкоторыи	высокооумѣство	ясно
прѣлюбодѣи	малѣженѣство	дѣно
матѣѣи	пиѣнѣство	неподобѣно
непрѣходѣи	епискоупѣство	равѣно
пожещи	цѣсарѣство	брѣвѣно
въжещи	прѣзорѣство	оугодѣно
съжещи	пронырѣство	разѣно
лещи	невѣръство	пользѣно

обильно	нелюбивъ	подвигъ
незаконно	ч ⁴ адолюбивъ	богъ
коупно	небратолюбивъ	оубогъ
велегласно	христолюбивъ	хъдогъ
напрасно	правдивъ	мъногъ
чьстно	живъ	² дроугъ
мощно	лъживъ	² длъгъ
немощно	млъчаливъ	тръгъ
брашно	гнѣвливъ	снѣгъ
колѣно	несварливъ	ржгъ
по	сѣмотрливъ	адъ
лѣпо	непакостливъ	гладъ
сребро	трѣпливъ	младъ
² добро	лѣнивъ	надъ
оутро	прѣзоривъ	радъ
масо	непокоривъ	градъ
² то	прониривъ	внѣсградъ
злато	богоносивъ	срадъ
жито	необонтивъ	плодъ
просто	милостивъ	подъ
мѣсто	немилостивъ	родъ
ч ⁴ асто	лъстивъ	народъ
кѣто	нечьстивъ	мимоходъ
нѣкѣто	прѣкорѣчивъ	оудъ
чьто	непрѣкорѣчивъ	троудъ
почѣто	златорѣчивъ	стоудъ
нѣчьто	страшивъ	хоудъ
лѣто	овъ	грѣдъ
оухо	адовъ	давидъ
	давидовъ	тврѣдъ
	кореовъ	милосрѣдъ
оу	инсеовъ	прадѣдъ
отъкъдоу	таковъ	блѣдъ
инкъдоу	инкъковъ	слѣдъ
вькъдоу	богословъ	врѣдъ
долоу	павъловъ	прѣдъ
бещиноу	валаамовъ	нѣдъ
извъноу	новъ	юдиноч ⁴ дъ
тоу	каиновъ	блѣдъ
	ровъ	спждъ
рабъ	готовъ	сждъ
гробъ	истовъ	сѣсждъ
соугоубъ	неистовъ	азъ
тръгоубъ	христовъ	образъ
хлѣбъ	антихристовъ	хызъ
любъ	монстовъ	сѣвжзъ
гржбъ	мрътвъ	къ
въ	влѣхвъ	исаакъ
лжкавъ	лъвъ	какъ
скврѣнавъ	прѣвъ	никакъ
сѣдравъ	чрѣвъ	нѣкакъ
несѣдравъ	гнѣвъ	облакъ
нравъ	нѣвъ	хлакъ
правъ	цѣсарѣвъ	инакъ
ставъ	благъ	бракъ
оуставъ	нагъ	мракъ
сѣставъ	врагъ	² такъ
величавъ	драгъ	великъ
трѣзвъ	ковъчегъ	селикъ
любивъ	мозгъ	коликъ

толикъ	елеоньскъ	помысль
кликъ	селоуньскъ	съмысль
поганикъ	христианьскъ	несъмысль
оученикъ	епискоупьскъ	зълъ
мъченикъ	българьскъ	павълъ
разбойникъ	цѣсарьскъ	свѣтъль
приставникъ	мирьскъ	бѣль
противникъ	коумирьскъ	цѣль
праздникъ	морьскъ	валаамъ
оугодникъ	манастирьскъ	авраамъ
чловѣкооугодникъ	плтьскъ	адамъ
правдникъ	дѣтскъ	срамъ
наслѣдникъ	мъченичьскъ	храмъ
блждникъ	еретичьскъ	самъ
длжъникъ	пророчьскъ	любимъ
свѣтильникъ	чрънчьскъ	невидимъ
настольникъ	чловѣчьскъ	иѣроусалимъ
начальникъ	всьмачьскъ	римъ
страннопримьникъ	пастоушскъ	неключимъ
наимьникъ	сладкъ	неразлжчимъ
страньникъ	мръзкъ	домъ
свщеньникъ	богомръзкъ	содомъ
оукоризньникъ	влкъ	икономъ
поустыньникъ	плтъкъ	хромъ
сърбрьникъ	крѣпкъ	осмъ
прѣстѣпникъ	приткъ	оумъ
коньникъ	кроткъ	разоумъ
безаконьникъ	запрѣтъкъ	дымъ
затворникъ	избытъкъ	нъ
квасьникъ	прибытъкъ	иванъ
лъжесловесьникъ	ѡзыкъ	поганъ
ратьникъ	камыкъ	сгоданъ
причастникъ	тажкъ	ноанъ
клеветьникъ	горькъ	вранъ
шепетникъ	вѣкъ	санъ
помощникъ	чловѣкъ	недоконьчанъ
хыщникъ	селтъкъ	неоутврждень
общьникъ	диакъ	блаженъ
свщъникъ	высѣкъ	трѣблаженъ
грѣшьникъ	каль	прѣблаженъ
еретикъ	малъ	игоумень
глубокъ	плѣвелъ	оброщенъ
пророкъ	ангелъ	свщень
порокъ	тетроевангелъ	неиздречень
прокъ	архангелъ	неоучень
высокъ	жъзль	неискоушень
маркъ	данииль	свършень
никеискъ	гаврииль	сѣблазнъ
иѣреискъ	милъ	инъ
галильискъ	богоумиль	жидовинъ
поповьскъ	гниль	господинъ
бѣсовьскъ	воль	ѣдинъ
господьскъ	диаволь	азаринъ
мръзъскъ	глаголь	моисийнъ
ангелъскъ	расколь	елинъ
евангелъскъ	поль	властелинъ
апостольскъ	столь	нионинъ
земьскъ	апостоль	мамонинъ
женьскъ	прѣстоль	сотонинъ

христианинъ	сильнъ	кръстьнъ
римлянинъ	больнъ	чьстьнъ
содомлянинъ	вольнъ	плътнъ
нестроиъ	довольнъ	сѣмъртънъ
достоинъ	сѣмыслнъ	бесѣмъртънъ
недостойнъ	несѣмыслнъ	завѣтънъ
боляринъ	хоульнъ	бесѣвѣтънъ
моисинъ	погибѣльнъ	примѣтънъ
константинъ	земьнъ	мощѣнъ
чинъ	зимьнъ	немощѣнъ
богородичинъ	оумьнъ	брачьнъ
моисѣинъ	разоумьнъ	различьнъ
онъ	неразоумьнъ	очѣнъ
небонъ	безоумьнъ	нарочѣнъ
законъ	хоудооумьнъ	непорочѣнъ
симонъ	высокооумьнъ	альчѣнъ
соломонъ	нецѣлооумьнъ	тъчѣнъ
деснъ	доброоумьнъ	владычѣнъ
приснъ	тъмьнъ	срьдчѣнъ
вънъ	страньнъ	бесконьчѣнъ
плѣнъ	огньнъ	вѣчѣнъ
сѣнъ	безвѣременьнъ	мъноговѣчѣнъ
сынъ	жизньнъ	рѣчьнъ
подобьнъ	виньнъ	страшьнъ
неподобьнъ	глиньнъ	бѣздоушьнъ
пагоубьнъ	истиньнъ	сѣдоушьнъ
потрѣбьнъ	законьнъ	грѣшьнъ
прѣславьнъ	безаконьнъ	безгрѣшьнъ
равьнъ	иконьнъ	дрѣвѣнъ
травьнъ	приклоньнъ	камѣнъ
доушевьнъ	клосньнъ	юнъ
дивьнъ	бескварьнънъ	оканьнъ
прѣдивьнъ	бецѣньнъ	киприанъ
доуховьнъ	свѣтолъпньнъ	христианъ
врѣховьнъ	сѣребрьнъ	сѣмиркѣнъ
грѣховьнъ	скварьнъ	сѣмѣркѣнъ
молитвьнъ	мирьнъ	попъ
дѣиствьнъ	ззорьнъ	коупъ
божѣствьнъ	которьнъ	прикоупъ
цркъвьнъ	вѣрьнъ	искоупъ
безмлъвьнъ	невѣрьнъ	епискоупъ
ноуждѣнъ	правовѣрьнъ	вѣкоупъ
праздѣнъ	лицемѣрьнъ	нелѣпъ
водьнъ	нелицемѣрьнъ	слѣпъ
безводьнъ	сѣпасьнъ	сверѣпъ
нагодьнъ	красьнъ	сваръ
неплодѣнъ	небесьнъ	варъваръ
проходьнъ	подънебесьнъ	даръ
бестоудьнъ	словесьнъ	старъ
правѣдѣнъ	бесловесьнъ	шаръ
неправѣдѣнъ	тѣлесьнъ	храбръ
бѣдѣнъ	гноусьнъ	добръ
сѣдѣнъ	ратьнъ	недобръ
кѣнижьнъ	отѣметьнъ	щедръ
некѣнижьнъ	работьнъ	одръ
безбожьнъ	животьнъ	мѣдръ
длѣжьнъ	постьнъ	прѣмѣдръ
прѣвообразьнъ	лъстьнъ	презвитерь
свильнъ	прѣлъстьнъ	пѣтеръ

²миръ	антихръсть	господь
коумиръ	часть	стрѣдь
пиръ	рѣть	заповѣдь
съборъ	оцьть	исповѣдь
дворъ	завѣть	иадь
затворъ	извѣть	бладь
взоръ	свѣть	чадь
мраморъ	цвѣть	стражь
гоморъ	съвѣть	лъжь
вѣторъ	отвѣть	мажь
петръ	лють	кѣнась
остръ	сватъ	оусеразь
обождоустръ	прѣсватъ	печаль
хытръ	патъ	добль
зѣлохытръ	философъ	наковль
вѣтръ	прахъ	сель
бисъръ	страхъ	датель
иаръ	лихъ	законодатель
съ	тихъ	прѣдатель
гласъ	еѣ архъ	дѣлатель
розгласъ	глоухъ	обрѣтатель
съпасъ	пастоухъ	родитель
часъ	доухъ	житель
пракъ	въздоухъ	сквърнителъ
христосъ	слоухъ	строителъ
гноусъ	послоухъ	мьстителъ
оуброусъ	оукроухъ	крѣстителъ
исоусъ	ветѣхъ	оучителъ
опракъсъ	смѣхъ	свѣрьшителъ
псъ	оупѣхъ	оутѣшителъ
бѣсъ	грѣхъ	дѣтелъ
лѣсъ		издраилъ
чрѣсъ	любы	налаамль
поиасъ	вы	авраамль
тъ	дѣважды	дѣнаволь
богатъ	мъногажды	толь
златъ	нѣлижды	мысль
платъ	четырижды	павль
братъ	мъногышьды	погыбѣль
сжпостатъ	невѣды	обитѣль
трепетъ	²акы	крѣгомъ
критъ	пакы	потомъ
упокритъ	смокы	тѣмъ
титъ	црѣкы	огнь
талантъ	камы	казнь
отъ	пламы	жизнь
животъ	жрѣны	болѣзнь
искариотъ	вьсьдесы	приазнь
скотъ	ты	боиазнь
потъ		аминь
грохотъ	оудобъ	конь
ангелистъ	неоудобъ	баснь
чистъ	скрѣбъ	клоснь
вечистъ	изгрѣбъ	плѣснь
прѣчистъ	крѣвь	пѣснь
простъ	вождъ	исплънь
постъ	щоуждъ	дѣнь
златоустъ	невѣждъ	прѣисподѣнь
крѣсть	напрѣждъ	господѣнь
прѣсть		последѣнь

срѣднь	мьсть	развѣ
ближнь	прѣсть	ѡ вѣ
мѣжнь	чьсть	годѣ
дальнь	извѣсть	срѣдѣ
древльнь	повѣсть	посрѣдѣ
женьнь	сѣвѣсть	многѣ
горьнь	ч асть	льсѣ
жътьрь	плѣть	сквозѣ
братьнь	ногѣть	нельзѣ
вышьнь	сѣмръть	лѣ
вѣнѣшьнь	сѣть	доселѣ
нынѣшьнь	памѣть	отъселѣ
стѣнь	могѣть	доколѣ
застѣпъ	пѣть	зѣлѣ
тварь	вещь	кромѣ
лазарь	пещь	гостройнѣ
цѣсарь	нищь	недостойнѣ
олъгарь	пѣтищь	понѣ
вепрь	дѣтищь	вѣнѣ
жъть	дѣволичищь	нынѣ
изжъть	мамонищь	подобьнѣ
Шалтырь	богатищь	неподобьнѣ
манастырь	маломощь	противьнѣ
пастырь	помощь	доуховьнѣ
двѣрь	нощь	мьнѣ
звѣрь	тѣщь	мирьнѣ
сь	сищь	чьстьнѣ
ересь	христовлюбьщь	вѣкоупѣ
вьсь	богословьщь	крѣпѣ
благодать	боговидьщь	добрѣ
рать	самовидьщь	лютѣ
татъ	пришьльщь	
похоть	бѣльщь	исаиѡ
область	мьздоимьщь	литоургиѡ
власть	агньщь	кападокиѡ
сласть	младеньщь	келиѡ
напасть	коньщь	епистолиѡ
пропасть	чрьньщь	свиниѡ
страсть	вѣньщь	мариѡ
Тажьсть	коупьщь	братиѡ
зависть	страстотрьпьщь	землѡ
ненависть	слѣпьщь	волаѡ
грѣбость	творьщь	каплѡ
радость	хытьщь	дѣлѡ
грѣдость	жърьщь	наковальнѡ
кость	платьщь	зарѡ
пакость	отьщь	выѡ
милость	богоотьщь	
рвьньность	льстьщь	
лѣньность	сжчьщь	мръзча кѣ
крѣпость	мѣсѡщь	подобикѣ
скѣпость	плачь	нищелюбикѣ
мѣдрость	мечь	братолобикѣ
прѣмѣдрость	пророчь	сѣдрави кѣ
хытьность	овьчь	господьстви кѣ
жърьность	рѣчь	цѣсарьстви кѣ
кротость	ключь	владычьстви кѣ
тихость	вашь	нашьстви кѣ
льсть	нашь	нишьстви кѣ
прѣльсть	кокошь	пришьстви кѣ

ошьствиѣ	идение	объовление
въшьствиѣ	изидение	явление
гроздиѣ	маслоидение	посрамление
милосърдиѣ	възложение	изволение
людиѣ	въложениѣ	ослъплениѣ
оръдиѣ	иждъжениѣ	хоуленіѣ
подружиѣ	небръжениѣ	размышлениѣ
оръжиѣ	похвалениѣ	помышлениѣ
евангелиѣ	знамениѣ	оумылъдениѣ
веселиѣ	окаменениѣ	раздълъдениѣ
насилиѣ	съпасениѣ	исцълъдениѣ
оусилиѣ	въскръсениѣ	јединиѣ
былиѣ	плетениѣ	съмирениѣ
безоумиѣ	възвращениѣ	расъмотрениѣ
высокооумиѣ	пошениѣ	съмърениѣ
јдинооумиѣ	прощениѣ	любомъдриѣ
цълваниѣ	кръчениѣ	триѣ
основаниѣ	извъщениѣ	благовъриѣ
оупъваниѣ	пръщениѣ	лицемъриѣ
облъганиѣ	присъщениѣ	третиѣ
даниѣ	освълщениѣ	житиѣ
отъданиѣ	обличениѣ	питуѣ
исповъданиѣ	оучениѣ	винопитуѣ
пръданиѣ	пооучениѣ	бещестиѣ
дръжаниѣ	облъчениѣ	благочестиѣ
въдръжаниѣ	посъчениѣ	причлстиѣ
оудръжаниѣ	дръчениѣ	забытиѣ
сътължаниѣ	прошениѣ	идоложрѣтиѣ
наказаниѣ	въздъшениѣ	възлтиѣ
ненаказаниѣ	съвршениѣ	расплатиѣ
съказаниѣ	раздръшениѣ	расплатиѣ
плесканиѣ	грозник	приатиѣ
алъканиѣ	тръниѣ	обличиѣ
комъканиѣ	говъниѣ	наръчиѣ
пръръканиѣ	ненавидъниѣ	мъногоръчиѣ
мъногоглаголаниѣ	невѣдъниѣ	отишиѣ
дъланиѣ	повелъниѣ	поустошиѣ
стенаниѣ	истълъниѣ	древлѣ
въспоминаниѣ	имъниѣ	болѣ
прогънаниѣ	лихоимъниѣ	оунѣ
котораниѣ	разоумъниѣ	пръвоѣ
писаниѣ	съмънъниѣ	вътороѣ
трепетаниѣ	тръръниѣ	въсоуѣ
питаниѣ	съгоръниѣ	тлснѣ
почитаниѣ	прозъръниѣ	оусильнѣ
непочитаниѣ	пръръниѣ	ненавистънѣ
рълътаниѣ	хотъниѣ	горѣ
объщаниѣ	бадниѣ	скорѣ
запръщаниѣ	раздаданиѣ	осълл
прорицаниѣ	покаданиѣ	племл
млъчаниѣ	отъчадниѣ	имл
съконъчаниѣ	строаниѣ	връмл
дръзновениѣ	достоаниѣ	съмл
въспомановениѣ	вечерданиѣ	агил
приведениѣ	дълданиѣ	противл
наслаждениѣ	любодълданиѣ	неоувлдам
възнаграждениѣ	прълубодълданиѣ	правовъроумл
оутврждениѣ	благодълданиѣ	тъчнлж
блждениѣ	избавлениѣ	лдинолж
съблждениѣ	оставлениѣ	въсклж
осждениѣ	благословлениѣ	

ОБРАТНЫЙ СЛОВАРЬ
„БЕСЕДЫ ПРОТИВ БОГОМИЛОВ“ КОЗМЫ ПРЕСВИТЕРА

Ангел Давидов

(Резюме)

„Беседа против богомилов“ — одно из самых значительных произведений древнеболгарской литературы — отличается богатой и разнообразной лексикой. Ее полное исследование требует составления и обратного словаря. В теоретическом введении А. Давыдов разрабатывает принципы его создания и указывает на его практическое применение: при исследованиях в области древнеболгарской морфологии и словообразования, в текстологии, при исследовании фонологической структуры слов.

Обратный словарь А. Давидова — первый опыт в этом отношении над отдельным древнеболгарским памятником. Он является самостоятельным лексическим исследованием и может служить для дальнейших наблюдений как над лексикой Беседы Козмы, так и для сравнения с другими древнеболгарскими памятниками, а также и как материал вообще для изучения древнеболгарской лексики.

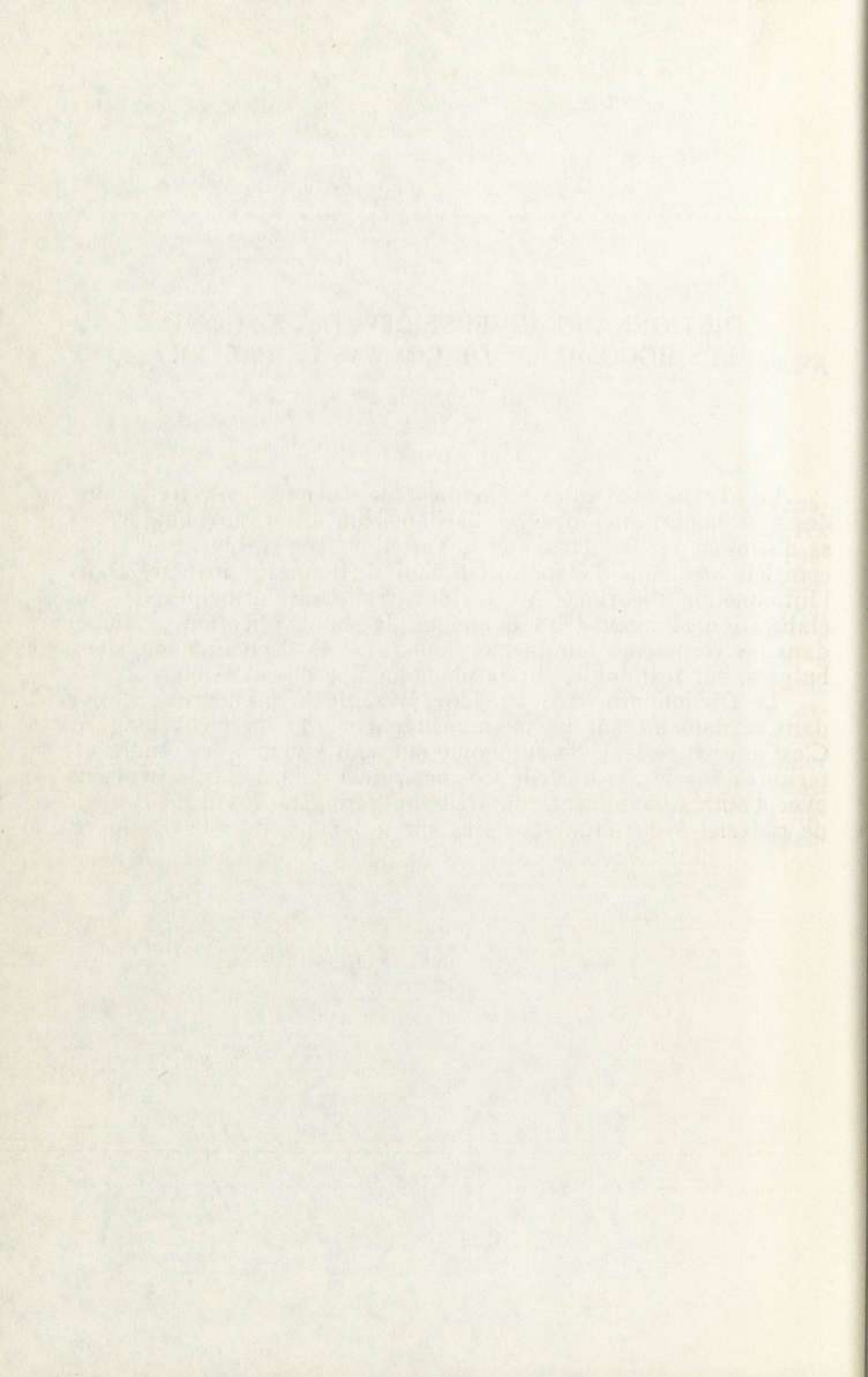
DICTIONNAIRE INVERSE DE „TRAITÉ CONTRE
LES BOGOMILES“ DE COSMAS LE PRÊTRE

Anguel Davidov

(R é s u m e)

Le „Traité contre les bogomiles“ de Cosmas le Prêtre — une des plus importantes oeuvres de l'ancienne littérature bulgare — se distingue par la richesse et la variété de son lexique. Son étude complète demande l'élaboration d'un dictionnaire inverse. Dans l'introduction théorique A. Davidov traite des principes de son élaboration et montre les domaines de son application pratique: dans les recherches sur la morphologie et la dérivation du vieux bulgare, sur textologie, sur la phonologie des mots etc.

Le Dictionnaire d'A. Davidov présente la première tentative dans ce domaine sur un monument particulier du vieux bulgare. C'est une étude lexicale autonome qui peut servir à des études ultérieures sur le „Traité“ de Cosmas, ainsi qu'à des comparaisons avec d'autres monuments du vieux bulgare. En plus il peut servir de matériel à des études variées sur le lexique du vieux bulgare.

ТРУДОВЕ НА ВЕЛИКОТЪРНОВСКИЯ УНИВЕРСИТЕТ
„КИРИЛ И МЕТОДИЙ“

Том XVI, кн. 2

Филологически факултет

1979/1980

TRAVAUX DE L'UNIVERSITÉ „CYRILLE ET METHODE“
DE V. TIRNOVO

Tome XVI, livre 2

Faculté philologique

1979/1980

ЙОРДАН ЕЛЕНСКИ

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ СОЧЕТАНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ
ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
НА РУБЕЖЕ XVII—XVIII ВВ.

(на материалe „Ведомостей Петра Великого“ и „Писем
и бумаг Петра Великого“)

JORDAN ELENSKI

SYNTAGMES QUANTITATIFS EXPRIMANT
L'APPROXIMATION DANS LA LANGUE RUSSE
DE LA FIN DE 17^e ET DU DEBUT DU 18^e SIECLES

(A la base des „Lettres et papiers de Pierre le Grand“
et des „Vedomosti de Pierre le Grand“)

София 1981

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF EAST ASIAN STUDIES
1100 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILLINOIS 60637
TEL: 773-936-3300

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF EAST ASIAN STUDIES
1100 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILLINOIS 60637
TEL: 773-936-3300

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF EAST ASIAN STUDIES
1100 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILLINOIS 60637
TEL: 773-936-3300

А. Выбор темы. Цель и задачи исследования

В русской языковедческой литературе „приблизительность“ не выделяется в самостоятельную грамматическую категорию, независимо от возможности ее выражения чисто грамматическим способом. Ср. *Пришло двадцать человек* (точное количество) — *Пришло человек двадцать* (приблизительное количество). В одних учебниках об этом способе выражения приблизительности нет никаких сведений, в других о нем упоминается мимоходом. В последнем случае одни авторы рассматривают его в разделе „Морфология“ (видимо, как морфологическую особенность числительных),¹ другие — в разделе „Синтаксис“, следовательно, как явление синтаксическое.²

Не будем здесь углубляться в теорию о сущности категории „приблизительности“.³ Из дальнейшего изложения будет видно, что мы ее рассматриваем как явление одновременно и морфологическое, и синтаксическое, и лексико-грамматическое. Обратим лишь внимание на то, что порядок „существительное + числительное“ неправильно рассматривается как „инверсия наименований чисел“ (Булаховский). Для количественных сочетаний со значением приблизительности этот порядок является „естественным“, так как другой порядок — „числительное + существительное“ не имеет отношения к этому значению.

Наличающиеся в современном русском языке конструкции со значением приблизительности все еще не были предме-

¹ См., например, „Современный русский язык. Морфология“, МГУ, 1952, с. 226 (автор раздела — проф. А. И. Ефимов).

² См. „Грамматика русского языка“, т. II, ч. I, АН СССР, М., 1954, с. 661; Л. А. Булаховский, Курс русского литер. языка, т. I, Киев, 1952, с. 399 и др.

³ Мы убеждены, что в грамматике следует выделять самостоятельную категорию „приблизительности“, несмотря на то, что ее грамматичность проявляется лишь в словорасположении. А. В. Исаченко, например выделяет категорию „отчуждаемости-неотчуждаемости“ в русском языке только на том основании, что существуют особые предикативные притяжательные конструкции, ср. *У него есть велосипед*, но *У него светлые волосы* — *У него нет велосипеда*, но *У него волосы не светлые* („Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, Братислава, 1954, с. 142 и сл.).

том специального исследования, а между тем с ними связаны многие проблемы как описательного, так и диахронического порядка. На настоящую работу следует смотреть как на первую попытку описания способов выражения значения приблизительности определенного хронологического отрезка в развитии русского литературного языка⁴. Позволяем себе думать, что наши выводы помогут выяснению целого ряда вопросов становления грамматической категории приблизительности, как и других проблем исторического развития синтаксических единиц.

Характерной особенностью количественных числительных (Чс) является то, что они выражают субъективно воспринимаемые количественные отношения материального мира в точных величинах. Следовательно, приблизительность, как качественный признак предметов, не может быть выражена одним только Чс. Нужны еще дополнительные средства, чтобы маркировать „отклонения“ от точного количества. Такими средствами являются:

а) особый порядок в количественно-именных сочетаниях (КС), где существительное (Сщ) предшествует Чс. Этот способ нами называется **грамматическим**;

б) грамматический способ в сочетании с лексическими средствами (обычно предлогами) см. ниже. Этот способ назван нами **лексико-грамматическим**;

в) разнообразные лексемы (или сочетания лексем) — *около, почти, приблизительно, примерно, до, за, под, к, с, с лишком, с лишним, с (большим, небольшим) хвостиком, с гаком, с чем-то, больше (более), меньше (менее), без мала, без чего-то* и мн. др., которыми выражаются тончайшие оттенки приблизительности количества, выраженного Чс. Этот способ назван нами **лексическим**.

В русском языке приблизительность может быть выражена также одним только Сщ, обычно образованным от количественных Чс типа *десяток, сотня* (ср. *Машина остановилась в сотне шагов от пропасти*). Подобные структуры существовали и в Петровскую эпоху, но они нами не рассматриваются. Объектом исследования являются только те КС, которые содержат определенно-количественные Чс.

Б. Источники — характер, содержание, язык

Мы проводили наше исследование на материале документов, теснейшим образом связанных с именем и деятельностью Петра I, а именно:

⁴ Специальные исследования, посвященные отдельным вопросам приблизительности, единичны. См., например, работу А. Супрун, *Обозначение неточных (приблизительных) количеств при помощи неопределенно-количественных числительных*, Уч. зап. фил. фак. Киргизского университета, вып. 8, 1962. К сожалению, для нас она осталась недоступной.

„Письма и бумаги Петра Великого“, тома: I (1688—1701), СПб, 1887; II (1702—1703), СПб, 1889; III (1704—1705), СПб, 1893; IV (1706), СПб, 1900; V (январь—июнь 1707), 1907; VI (июль—декабрь 1707), 1918; VII, вып. I (январь—июнь 1708), 1919; VIII, вып. I (июль—декабрь 1708), 1948; вып. 2 1952; IX, вып. I (январь—декабрь 1709), 1950; вып. 2 (примечания), 1952; X (январь—декабрь 1710), 1956; XI, вып. I (январь—12 июля 1711), 1962; вып. 2 (июль—декабрь 1711), 1964; XII, вып. I (январь—июль 1712), 1975 (все тома дальше цитируется сокращенно БП с обозначением тома и года).

„Ведомости времени Петра Великого“, вып. I, 1703—1707 гг., М., 1903; вып. 2, 1708—1719 гг., М., 1906 (сокращенно — Вед. I, Вед. 2 с обозначением года составления текста).

Так как язык памятника (а в нашем случае КС со значением приближительности) зависит целиком от содержания, степени грамотности, социального положения автора, то приходится кратко охарактеризовать документы именно с этой стороны.

В изданных пока только 12 томах собраны бумагу разного характера. По содержанию и авторству они четко делятся на две группы.

Особую группу составляют царские указы, распоряжения и манифесты, обширная переписка с Польшей и другими государствами по вопросам дипломатической стратегии и тактики, официальные донесения и разного рода сообщения о внутренних и внешних событиях — опубликованные, предназначенные для публикации или же рабочие варианты официального документа. Авторами этих документов были выдающиеся дипломаты, разного ранга государственные деятели, администраторы, возглавлявшие приказы, палаты, дворы, канцелярии, высшие духовные лица, князья, графы, ученые, писатели, переводчики, помещики или же родственники и приближенные Петра I. Все они принадлежали к культурным слоям тогдашнего русского общества, владели литературным языком книжного, церковно-славянского типа. Они усваивали грамоту по церковно-религиозной литературе (жития, хождения, сказания и пр.). Известно, что до появления „Русской грамматики“ М. В. Ломоносова, официальным учебником русского языка была составленная на основе именно этой литературы грамматика М. Смотрицкого. Этим объясняется тот факт, что на фоне „делового, приказного“ изложения выступают многие фонетические, грамматические, лексические и семантические элементы книжно-славянского языка.

Ко второй группе мы относим материалы, которые представляют собой тайные донесения о ходе военных операций, о выполнении специальных задач (т. наз. „реляций“), как и корреспонденции о победах русского флота и армии, всякого рода сообщения — официальные и неофициальные, касающиеся стро-

ительства верфей, судов, заводов, производства пушек, заготовки сырья и запасов, рекрутирования офицерского состава и солдат, набора рабочих для строительства нового города Петербурга и т. д. Эти бумаги не предназначались для печати. Авторами их были офицеры разных чинов (даже простые солдаты), организаторы и непосредственные исполнители распоряжений высшей власти — инженеры, крупные и мелкие предприниматели, торговые люди, обыкновенные дьяки. Деловое содержание этих бумаг исключало всякую напыщенность и образную метафоричность. В них отсутствуют устаревшие фонетические, грамматические и лексические элементы. Так как основная цель этих бумаг была не достижение какого-либо эффекта эмоционального характера, а известие о совершенно конкретных делах, и фактах, то поэтому и их язык максимально близок к живому.

В двух книгах, помещающих „Ведомости времени Петра Великого“ собраны В. Погореловым и изданы Московской синодальной типографией „в память 200-летия русской газеты“ все номера, вышедшие за первые 17 лет под разными названиями — „Ведомости“, „Ведомости московские“, „Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окресных странах“ и др.

„Ведомости“ — совершенно новое явление в истории русской культуры. По целям и задачам, как и по роли, которую суждено было ей в дальнейшем сыграть, первая печатная газета коренным образом отличалась от своих предшественников⁵. Прежде всего она должна пропагандировать, популяризировать и утверждать реформы и мероприятия центральной власти в лице Петра I. Характер содержания определяли известия о внутренней экономической жизни — постройка судов, производство оружия, развитие торговли и промышленности, сообщения о событиях, прежде всего военных и дипломатических за рубежом. Однако центральное место занимали „реляции“ о победах русской армии и флота на различных фронтах России и Европы. Наряду с этим печатались и всякого рода курьезы (ср., например, сообщение о ребенке с двумя головами, сердцами и желудками), сообщения о природных явлениях (затмениях, землетря-

⁵ До 1703 г. роль газеты выполняли особые служебные, сначала строго секретные сводки, составлявшиеся с 1600 г. при дворе, главным образом, для дипломатов. Называли их „Вести“, „Вестовые листы“, позднее „Лвизии“ или „Куранты“.

Первая русская печатная газета начала издаваться по указу Петра I от 16. XII. 1702 г. на Московском печатном дворе церковным шрифтом (до 1710 г.), а затем попеременно в Санктпетербурге и Москве гражданским шрифтом. Однако, вплоть до 1715 г. отдельные номера, в которых публиковались материалы особой важности, о победах над шведами, указы и манифесты — издавались одновременно и церковным, и гражданским шрифтом.

Под названием „Санктпетербургские ведомости“ газета выходила, как известно, до 1917 г., т. е. целых 215 лет.

сениях). Все это увеличивало интерес к газете и ее популярность (некоторые номера достигали 4000-ого тиража). Таким образом, „Ведомости“ кладут основу совершенно нового вида литературной деятельности — журналистики.

В редактировании „Ведомостей“ принимали участие самые образованные люди своего времени. Кроме самого Петра I, которому принадлежала чуть ли не последняя редакция каждого номера (он сам был автором многих „реляций“), решающим было участие выдающегося государственного деятеля — дипломата, администратора, генерала-фельдмаршала Ф. И. Голловина. Первыми журналистами и непосредственными издателями были: до 1711 г. справщик Московского печатного двора, известный ученый (автор грамматики и словаря) и переводчик Ф. Поликарпов; до 1719 г. директор петербургской типографии М. П. Аврамов, а после него — выдающийся литератор и переводчик Б. Волков.

Характер и содержание газеты при жизни Петра I почти не менялись. Но почерк каждого редактора можно ясно разграничить. Деловой характер газеты, конечно, во многом ограничивал первого редактора Ф. Поликарпова в использовании архаической лексики, сложных синтаксических конструкций, церковнославянских союзов, витиеватости манеры изложения и других средств и приемов „славянского“ арсенала, большим поклонником которых он был и к которым охотно прибегал как только появлялась такая возможность. Но с каждым годом язык очищался от церковной традиции и приближался, хотя и медленно, к письменным образцам „посольского приказу“, чего усердно добивался Петр I. При М. Аврамове процесс демократизации языка усиливался все больше и больше, а при Б. Волкове газета почти свободна от архаических элементов. Иными словами, в „Ведомостях“, как в зеркале, отражается процесс мучительного прощания с древними традициями литературного языка и решительного вторжения московского просторечия в письменность разных жанров, включая и художественную литературу.

II

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОСТИ

Материал, относящийся к КС со значением прилизительности, выписан из исследованных нами памятников исчерпывающе (пропущена только часть повторяющихся типов). Его мы распределили по трем основным группам в зависимости от трех вышеуказанных способов выражения рассматриваемого значения (см. с. 4).

А. Грамматический способ

В русском литературном языке единственным грамматическим способом выражения приблизительности является **особый порядок слов**, при котором существительное (Сщ) предшествует Чс. В наших памятниках этот способ представлен многочисленными примерами, ср.:

из БП: Если ани дадут мне на лицо денег тысячь сорок, и я у них мышлю взять (I, 1698);⁶ изготовить... самопалов... хотя б тысячи три (IV, 1700); вели на Москве исподволь собрать тысячь сто воловьих пузырей сухих (VIII, 1708); дабы калмыки... прикачевали... б хотя тысячь десять (X, 1710); побито человек шездесят (I, 1695); наших убито человек шесть (там же); возможно... полкам пяти свободно борониться (VIII, 1708); и когда бы я ведал, что изволишь в Амстрадаме недели две промешкать (I, 1698); судна четыре таких зделать (II, 1702); не доехав устья версты три (III, 1705); пистолей пар сто двадцать зделать (IV, 1706); приши ренскова ведра три (там же); приши маленьких колмыченков, мальчиков и девок, пар десять (IX, 1709); дабы... выписали пуда два добрых табачных семен (там же).

в Вед. 2: и в том месте разов пять и больши... помыкали (1709).

Сюда же следует отнести и те предложные КС, в которых предлоги употреблены в пространственном, временном, распределительном и пр. значении и как бы не участвуют в выражении приблизительности (это значение выражается единственно препозицией Сщ), ср.: *за пять дней — дней за пять, на пять дней — дней на пять, в пяти километрах — километрах в пяти, по пяти рублей — рублей по пяти* и пр. Эти случаи следует отличать от КС, в которых предлоги сами являются носителями приблизительности, ср.: *с пять километров — километров с пять* (оба сочетания с одинаковым значением). Здесь препозиция Сщ является как бы дублирующим средством выражения приблизительности. Случаи последнего типа рассматриваются в следующем пункте (с. 20 и след.).

В предложных сочетаниях типа *Версты за две от обоза белели амбары* значение предлога *за* в словарях совершенно оправданно не связывается с приблизительностью (ср. выражение точного количества при ином порядке: *За две версты белели амбары*). Почти все примеры, которые приводятся ниже, относятся именно к этому типу, ср.:

⁶ Текст приводится со значительным упрощением графики: буквы ъ, ѧ, Ѣ, ѣ, ѡу, ѡ, ѣ передаются современными е, я, у, о, и. Устранены конечный ъ, всякие надстрочные знаки и ударения. Слово под титлом, как правило, сохраняется без изменения, но буквы, вынесенные над строку, вставляются. Обычно приводится только текст интересующих нас сочетаний (в редких случаях полные предложения).

из БП: верст за десять от Азова (I, 1695); не доходя до Риги, стать верст за двадцать (IX, 1709); Мы сегодня приехали... часа за два в город (VI, 1707); ваше царское величество имеет сюда к Москве дни за три быть (VII, 1708); они Тулу проехали... до ево приезде дней за шесть (IX, 1709); изволить приезжать в консилиум часа за два в город (VI, 1707).

Такую „пустую“ по отношению выражения приблизительности функцию предлога *за* находим и в древнейших памятниках, ср.:

Не дошьдѣше Переяславля за .м. верст (I Новг. лтпсь под 6688 г.);⁷ *от Ярославля верст за петнацать* (1615 г.); *а преже нынешния... росписи лет за десять* (1621 г.)⁸ и пр.

В КС со значением приблизительности мог входить и предлог *в* в пространственном или временном значении. В современном русском языке в КС такого рода *в* занимает место после Сщ перед Чс. Этот порядок в Петровскую эпоху не был твердо установленной нормой, ср.:

в БП: ты стань от того войска в милях десети (IX, 1709).

Но чаще встречается современный порядок, ср.:

в БП: длиною ручных сажан в дватцать (I, 1695); полки идут верстах в десяти (I, 1700); наберите... кругом Москвы верстах во сте робят молодых в матрозы (X, 1710); чтоб сюды дней в десять стало (VII, 1708); недели в четыре в готовности будет (там же); смолы пуда в три нечистой (IX, 1709);

в Вед. 2: с союзной стороны хотят дни в четыре... батареи в готовности привесть (1715).

Не имея значение приблизительности, в КС с таким значением могли входить и другие предлоги. Ср. употребление предлога *на*:

в БП: У меня будет дней на десять (III, 1704); погода еще дни на три продолжитца (IX, 1709); будет... видеть сажени на полтора (II, 1702); город... сделать... человек на шестсот (IV, 1706); провиант месеца на три имеете (там же); толщиной пальца на два (VII, 1708); пошел... с провиантом бударах на сте и больши (там же); перстней алмазов рублев на сто (там же); в циркумференции мили на три и болши... мертвые неприятельские телеса обреталися (IX, 1709).

⁷ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, СПб, 1893, с. 891 (далее сокращенно **Срезн.** с указанием тома и страницы).

⁸ Примеры цитированы по другому поводу в монографии. A Boguślawski, *Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia w języku rosyjskim*, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, с. 149. Дальше эта работа в сносках не цитируется. В тексте указывается в скобках только страница.

Употребление предлога *по*:

в БП: 300 бомбов великих пудов по пяти (I, 1696); с человека тарелей по сту (I, 1698); один от другога футов по пяти (V, 1707); принуждены больши недели по две... быть одетыми (VIII, 1708); волов по три на роту (X, 1710); верст по полтора (II, 1703); шел я... на день верст по сороку и болши (VIII, 1708); повесить человека по три (там же); изготовить тысячь по десяти бердышей и пик (VI, 1706); дав ему ефимков по пятидесят на караул (X, 1710);

в Вед. 2: Разов по 20 под водою застрелены (1715); Неприятели в такой страх пришли, что человек по десяти и по дватцати врознь по лесу разбежались (1712).

* * *

Своеобразные КС со значением приблизительности образовывали числительные, выражающие сотни. Современное русское языковое сознание воспринимает названия Чс от 200 до 900 в формах им. и вин. п. как сложные, а в остальных падежах — как составные, что во втором случае отражается в склонении обеих частей. Но в начале XVIII в. они все еще продолжали восприниматься как составные во всех формах. Об этом свидетельствует факт, что при грамматическом выражении приблизительности вторая часть — формы *ста*, *сот*, *стами*, *стах* предшествует первой — формы *два*, *три*, *четыре* и пр., т. е. вторая часть употребляется как бы в функции счетного Сц со значением *сотня*. Вот несколько примеров из БП:

придать черкас ста два (VIII, 1708); напечатать их ста два (IX, 1709); ста два для наваждения моста... надобно (X, 1710); оставь... для караулов... ста два (там же).

Употребление формы *два* (а не *две*), согласуемой в роде со *сто* еще раз доказывает, что Чс этого типа функционировали как составные. О КС с Чс 300 и выше ср. в БП:

Прибавить еще ста три (II, 1703); прислать... портишь ста три или болши (VII, 1708); собрать добрых плотников ста три (там же); зделать манету золотую... ценою ста в три (IX, 1709); прислали... подвод ста четыре (II, 1703); пошлите... человек сот пять (VII, 1708); дабы вы... еще сот пять прибавили (VIII, 1708); сот пять водою отправить (IX, 1709); оставить сот шесть (там же); Чтoб он послал... полку своего сот семь (V, 1707).

Что в Петровскую эпоху Чс от 200 до 900 функционировали как составные, свидетельствует и то, что на письме они почти постоянно передавались двумя отдельными словами, причем каждое слово получало самостоятельное ударение — *три ста́*, *тремя ста́ми*, *четы́ре ста́*, *четы́рми сты́*, *шестью сты́*, *осмы́ю сты́*,

девять сот и пр. (все примеры из Вед. I, 1704). Показательными являются и те случаи, в которых в рассматриваемые конструкции входят два Чс, связанных союзом *или* (об его функции сказано ниже). Ср. в БП:

разве ста три или четыре утеклецов... спаслось (VIII, 1708).

А. Богуславский утверждает, что для конца XVII — первой половины XVIII в. „случаи инверсии в названиях сотен редки“ (149). Правда, эта констатация относится к КС с предлогом *с* типа *поляков ста с четыре*, 1649 г. (о беспредложных КС вообще ничего не говорится). Данные наших памятников, однако, свидетельствуют, что „инверсия“ типа *ста два* на рубеже XVII—XVIII вв., была явлением обычным.

Составными оставались и Чс *полтора*, *полтретья* и т. д., о чем можно судить на основании таких примеров, как: *на каждой было подвод ста по полтора* (БП, XI, 1711).

Однако переход Чс от 200 до 900 в разряд сложных в это время уже начался, что отражено в примерах вроде: *приписать... человек триста из недорослей* (БП, IX, 1709); *при оном толко драгун триста полских* (там же).

Как видно, изучение развития способов выражения приблизительности помогает проследить путь семантического „сращения“ бывших составных Чс.

Грамматический способ выражения приблизительности — одна из специфических особенностей русского языка. Эта особенность свойственна и остальным восточнославянским языкам. Этот факт как будто свидетельствует об ее древнем происхождении. Однако, А. Богуславский, анализируя большое количество примеров, приходит к выводу, что возможность выражения приблизительности при помощи „инверсии“ была использована „в минимальной степени“ (151). Отсюда можно было бы заключить, что „инверсия“, как специфический способ выражения приблизительности, не была достаточно развита в XVII в., что она была чертой сравнительно новой. Приведенный нами материал недвусмысленно говорит о том, что на рубеже XVII—XVIII вв. так наз. „инверсия“ была вполне сложившимся и употреблявшимся безо всяких ограничений способом выражения приблизительности. Таким образом, если констатация А. Богуславского верна, то следует считать, что рассматриваемое явление получило полное развитие именно в эпоху Петра I. Для более точного установления времени окончательного формирования необходимы дополнительные данные.

Исследованный нами материал не дает основания окончательно решить вопрос об условиях, приведших к превращению препозиции Сщ в рассматриваемых КС в самостоятельное средство выражения приблизительности. Тем не менее предостав-

ляет возможности наметить некоторые перспективы. По нашему мнению, при решении этой сложной проблемы следует иметь в виду следующие существенные обстоятельства:

а) В древнерусском языке порядок „Сщ + Чс“ не выражал приблизительности. По частотности, правда, он значительно уступал „прямому“ порядку „Чс + Сщ“, но был вполне естественным. Вспомним всеизвестные примеры из древнейших русских памятников: *перегънъвъ листа дъва* (Остромирово ев., л. 265 в календаре. Речь идет ровно о двух листах); *пагы ли будет что татебно купиль в тѣргу... то выведеть свободна мужа два или мытника* (Русская правда, изд. Е. Ф. Карского, с. 35—36).

Такой порядок засвидетельствован в самых разнообразных по стиглевой характеристике памятниках. Не имея возможности здесь аргументировать все это в подробностях, приведем лишь единичные примеры из памятников, отдаленных друг от друга и по времени, и по языку: *Ярославичи же трие идоша на Всеслава* (Лавр. лтпсь, Полное собрание русских летописей, т. I, изд. 2, Л., 1926, с. 162); *Столли трие стояще от земля до небеси* (Ипат. лтпсь, там же, т. II, с. 18); *с сыномь с Федкою да зѣ дочерьми зѣ двема* (Писцовые книги Ряз. края XVI и XVII вв., т. I, вып. 1—3, с. 367, пример относится к 1534—1640 гг.).

Структуры такого рода все еще употреблялись, притом довольно широко (может быть, в памятниках только определенно-го стиля) и в эпоху Петра I. Об этом можно судить на основании многочисленных примеров из наших памятников. Приведем некоторые из них:

в БП: *писма ваши государския три... мне отданы* (I, 1697); *и казармы две... камнем выведены* (IV, 1706); *хотя учинить компании три, чтобы они торговали* (VI, 1707); *а амбара два... я занял* (там же); *палубов два мазепиных... отбили* (IX, 1709); *Погреба два лдом набили* (XI, 1711).

Заслуживает внимание пример *Они же реша, се меча zde два* (Вед. 2, 1719) из корреспонденции о праздновании дня именин Петра I, где торжественность события подчеркнута сознательной архаизацией языка. На основании этого можно думать, что порядок „Сщ + Чс“, не выражающий приблизительности, вне деловых памятников в начале XVIII в. приобрел уже архаический характер.

б) Во многих случаях препозиция Сщ получается как бы после дополнительного присоединения Чс. Это хорошо видно в случаях, где Сщ употреблено в форме „независимой“ от Чс („независимой“, конечно, с точки зрения современных синтаксических отношений), ср. в БП:

только те листы три, которые ты изволил... подписать (II, 1703); *полки низовые два, Каров и Толбухин, обретаются на*

назначенном месте (там же); прамы два зело нужны (дважды III, 1705); листы 3 подписал (IV, 1706); полковники два, от него посланные... победу... получили (VII, 1708); мосты два... учинены (VIII, 1708) и др.

Разумеется, эта „независимость“ формы Сщ от Чс является продолжением древнего согласования Чс *три* и *четыре* с Сщ, охватившего по аналогии и числительное *два*. Но такое древнее согласование в XVIII в. было обусловлено отчасти именно препозицией Сщ, где функция Чс близка к присоединению. Яснее это чувствуется в предложных КС с повторенным предлогом. Ср. в БП:

писал... о сталярах о одиннацети человеках (I, 1700); *зусары с пятью сот человек* (II, 1702).

в) Порядок „Сщ + Чс“ был характерен издавна (как и в современном языке) в отчетах, перечислениях, росписях, реестрах и пр., с основным значением констатации наличных подсчитываемых предметов, независимо от того, идет ли речь о точном, или же о приближительном количестве, ср.:

в Вед. I: живых взято конных... прапорщиков трое, рейтаров пятнатцать, салдат и всяких чинов людей .ке. (=25, И. Ел., 1704);

в Вед. 2: вылиты пушек... шти фунтовых двенатцать, трех фунтовых четыре, дву фунтовых четыре и того дватцать (1719);

в БП: пушек во оной (крепости, И. Ел.) железных и медных 21 (VIII, 1708).

г) Древней была особенность, характерная не только для исследованных нами памятников, но и для современного языка, состоящаяся в препозиции Сщ, являющихся носителями основного предметного значения. В таких КС подсчет осуществляется существительными (почти всегда в постпозиции по отношению к Чс) с ослабленным собственным лексическим значением типа *человек*, *штука*, *голова* и пр. В такого рода КС правилам, согласно которым после 2, 3, 4 употребляется род. п. ед. ч. Сщ, а после 5 и выше — род. мн., подчиняются только те Сщ, при помощи которых производится счет. Ср. в БП:

иметь ему... при себе денщиков два человека (XI, 1711); *явились у меня салдат три человека* (там же).

Особенно часто используется препозиция Сщ в разного рода описях имущества, оружия, товаров, людей и пр., встречающихся почти в каждом сообщении о боевых действиях.

Итак, препозиция Сщ в КС в Петровскую эпоху использовалась как грамматическое средство выражения приближительности, но вместе с тем она не была связана столь тесно с этим 9 Труды на ВТУ, т. XVI, кн. 2

значением, как в современном языке, потому что все еще были живыми старые „инверсированные“ конструкции вне этого значения. Поэтому не исключена возможность, что сочетания типа наших *убито человек шесть* (см. выше с. 8), *еще человек двух... получить* или же *пришци... человек тринадцать... для огородной науки* (БП, X, 1710) и пр. не выражали приближенности. Ведь *Чс два, шесть, тринадцать* при подсчете людей не являются круглыми, „узловыми“ числами, которые обычно используются при выражении рассматриваемого значения (на пример, 5, 10, 20 и пр.).

Таким образом, наши материалы подтверждают мнение А. Богуславского о том, что лишь „позднее в XVII в. непосредственным показателем числа предметов, о которых говорится, было не просто числительное, а числительное в *препозиции* по отношению к имени или хотя бы по отношению к обобщающей его части (не относится это только к предложениям, в которых речь идет о собственно цифровой констатации, типа баранов было 15“ (150—151). Не можем однако согласиться с тем, что „инверсия стала самостоятельной, семантически релевантной чертой в результате того, что сопровождалась предлогом *с* в огромном количестве случаев его употребления“. КС с предлогом *с* „употреблялись в значении цифровой констатации“, в них *Чс* стояли в конце, так как являлись ремой предложения. В дальнейшем предлог *с* „статистически срастался с инверсией и образовывал с ней застывший комплекс“ (152). Следовательно, по мнению А. Богуславского, КС типа *человек сто* возникли и укрепились по образцу *человек со сто*, а эти последние — по образцу *человек было со сто*. Однако, как мы показали выше, КС со значением „цифровой констатации“ с древних времен выражали (выражают и теперь) одинаково как приближительное, так и точное количество. Как в таких случаях они могли послужить образцом для „инверсионного“ типа КС со значением приближенности при заложенных обеих возможностях? По нашему убеждению, прямой связи между „инверсией“ и КС с предлогом *с* не было.

К сожалению, мы все еще не в состоянии указать конкретные основания для семантической дифференциации существующих издавна двух типов сочетаний, бывших когда-то синонимичными по значению — *человек сто* и *сто человек*. Решение этого вопроса требует дополнительных исследований. Единственное, что можем утверждать, это то, что дифференциация окончательно осуществилась на рубеже XVII—XVIII вв.

Б. Лексико-грамматический способ

Лексико-грамматическим способом выражения приближенности мы называли такой, в котором, кроме наличия препозиции *Сщ*, имеется и другое, лексическое средство — предлог,

союз, наречие, предложное сочетание — дублирующее это значение.

В современном русском литературном языке существует сильно развитая лексико-грамматическая система выражения приблизительности, в которой порядок следования компонентов отдельных структур во многих случаях фиксирован и стилистически дифференцирован. Но эта система оформилась в таком виде сравнительно недавно (после Петровской эпохи, вероятно, во второй половине XVIII в.). Состав дублирующих значение приблизительности средств на рубеже XVII—XVIII вв. отличался от лексического состава в современном языке лишь меньшим количеством (конечно, были и такие, которые позже исчезли). Что касается порядка следования компонентов внутри КС, то существенная разница была только в использовании их как самостоятельных (недублирующих) средств, о чем подробнее см. ниже.

В наших выписках всего одним примером представлена конструкция с предлогом **под**: **изволь** (прислать, И. Ел.) *деревь бязу и лигуструма сажен подо сто* (БП, VI, 1707). Автор письма, из которого взят пример, — Петр I. Ввиду единичности употребления этой конструкции нет возможности сделать вывод об ее стилистической принадлежности. Судя по тексту, можем квалифицировать ее как разговорную. В таком случае с Петровских времен до наших дней она не подвергалась особому развитию, ибо такой стилистической характеристикой она обладает и в современном языке, ср.: *Тут уже было их человек под сто*⁹. У И. И. Срезневского примеров на эти сочетания нет. Если это не простая случайность, то следует предположить, что они появились после XIV в., или же, виду их яркой просторечности, древнерусские авторы их избегали.

На рубеже XVII—XVIII вв. были распространены и КС со значением приблизительности с дублирующим средством предлог *до*. Такие конструкции известны в памятниках XVI в., ср.: *а немецкия полки вышли, были конные и пешие тысячь до дватцати*, 1588—1593 гг.; *послать... немногих людей, человек до дватцати*, 1590—1595 гг. (по Богуславскому, 147). Они продолжают существовать и в наше время, ср. у Маяковского: *лет до ста расти нам без старости*. В наших выписках, к сожалению их не оказалось. Нет сомнения в том, что это случайно.

Среди наиболее распространенных КС с рассматриваемым значением были и конструкции с предлогом *с*, определяющие приблизительную меру времени, расстояния, веса и пр. Из огромного количества примеров, которыми мы располагаем, приведем лишь некоторые.

⁹ Словарь современного русского литер. яз. в 17-ти томах, т. 10, с. 211.

Вед. 1: и неприятель узким и трудным путем версты с две бегучи ушел (1703);

Вед. 2: шел через реку часа с два (1706); А в том месте было дворов с триста (1708); мили с 4 в длину было (1712);

в БП: дал ему деревню дворов со ста (III, 1705); пришли фрегатов с 8-мь (I, 1697); изготовить... лошадей ста с два (VI, 1707); А бочка русской меры четвериков з десять (IX, 1709); назад будет недели с три (там же); часа з два спустя (III, 1704); в солдатах служит лет с шестнатцеть (VIII, 1708); отошет версты с три (I, 1695); и путь только верст з 50 (I, 1697); татарова пришли... тысяч з десять (там же); выкинул... человек с полтараста, а в остатке... человек с полтараста жь (I, 1700).

Этот тип представлен и в сочетании с дополнительными лексическими средствами в значении 'сверх', 'свыше' определенной меры, ср.:

в БП: конницы тысячи з две с небольшим (II, 1702); збирать положено тому лет с пять и боле (IX, 1709); А выдет тое соли... милиона с четыря и болши (XI, 1711); ренского... есть бочек з десять и болши (II, 1703); меди... пудов со сто или болши (III, 1704); пошли... тику... аршин со сто или болши (VII, 1708).

Широкое употребление этого типа КС в исследованных нами памятниках свидетельствует о том, что они с древнейшей поры¹⁰ и до наших дней не подвергались существенным изменениям.

Очень характерной, и притом обладающей высокой частотностью, в Петровское время была лексико-грамматическая конструкция с союзом *или*. В таких примерах, как *нареди гренадироф и салдат сот 6 или 7 из своей брегады* (БП, IX, 1709), союз *или*, не имея ни разделительного, ни присоединительного значения, оформляет особую модель выражающую приближительность. Впрочем, это значение во многих случаях подчеркнуто дополнительным средством — специальной лексемой, ср.:

в БП: Левенгопт с Тауманом *около* 1000 или 1100 человек... имеют (V, 1707); высота сажень близь 5, а ширина близь 6 или 7 сажень (I, 1696); хотя *несколько* баталионов, имянно 3 или 4, зблизить к Могилену (IV, 1706); Заповетрело, люди помирают и *больши*... не лежат что день или два дни (IX, 1709);

в Вед. 2: считают, что с обонх сторон пропало *около* 8000 или 10 000 человек (1710);

из более древних памятников: и сынъ бы ево... даль ему... рати тысячъ *до* дватцати или до тритцати тысячъ (1590—1595 гг., по А. Богуславскому, с. 147); пудъ *с* трицать или *с* сорок меду (1650 г., там же, с. 148); фитилю куска *с* три или *с* четыре длиною шти или седми пядей, с. 46; и толко в три или

¹⁰ Примеры из древнейших памятников см. у Срезн., т. III, с. 638, а из памятников XVI—XVII вв. у А. Богуславского, сс. 148, 149 и др.

четыре мса с три или с четыре золотых не собрати, с. 19; А придут на тебя с четыреста или с пять сот человек конных людей, с. 129 — примеры из „Книги учения хитрости ратного строения пехотных людей“ 1647 г.

В примерах подобного рода приблизительность выражена, можно сказать, трояким средством — специальной лексемой (*около, близь, несколько, до, с* и пр.), грамматически (Сщ стоит перед Чс) и союзом *или*. Таким образом, значение приблизительности в конструкциях с этим союзом не подлежит сомнению. Приведем несколько характерных примеров из БП:

верстах в 30 или 40 от Амура (I, 1696); И пива вели изготовить... местах в двух или трех (там же); хорошо бы человек сот пять или шесть прислать (I, 1698); указал дня на три или четыре задержатца (I, 1701); прислать... мастера или двух (III, 1704); о присылке... пушкарей 15-ти или 20-ти человек (там же); прискать... сот пять или шесть дубовых кривуль (X, 1710).

Конструкции с союзом *или* могут выражать указанное значение и не посредством комбинации с препозицией Сщ по отношению к Чс. Из всего материала, которым мы располагаем, приведем отдельные примеры:

Вед. I: пять или шесть тысячь члк... стоит (1703); во время дву или трех дней (там же); десять или двенатцеть полков... пошли (1704); с двумя или тремя члк хочет... итти (там же); сорок или пятьдесят пушек... повезли (1705);

Вед. 2. принесено убытку... тысячь три ста или четыре ста ефимков (1708);

в БП: имяна их двух или трех или болши записать (I, 1697); емуж выучить... одного или дву человек (там же); зделать два или три люга (II, 1702); приговорить с сабой два или три человека катаржъных мастеров (III, 1705); выпиши три или четыре буера простых (IV, 1706); чтоб двум или трем человекам салдатом была одна подвода (там же); ему вручить два или три гранадирские батальоны (V, 1707); на всякой четьрех или пяти верстах... по одной... крепости (там же); буде... не дороже трех или четьрех тысячь рублеф станет (там же); Чтоб взял рабина и двух или трех человек жидов лутчих (VI, 1707); слышел пять раз великой гром, всякой раз десять или двенатцать минут друг от друга (X, 1710); привези... две или три карманных першпектиф добрых (XI, 1711); готовить кривуль семь или десять тысячь (X, 1710).

К структурным особенностям рассматриваемых конструкций следует отнести то, что Сщ может быть повторено после каждого Чс или употреблено однажды, но после первого Чс. Ср.:

в Вед. I: семь тысячь или осмь тысячь члк идут (1703); состоят в шести полках пехоты и конницы пять тысячь или шесть тысячь члк (там же);

в БП: изготовить две тысячи или полтретьи тысячи сажен канатов (IX, 1709); затопить 4 судна или 5 (X, 1710).

Эти конструкции широко употреблялись и с предложениями (по традиции предлог мог повторяться перед каждым Чс), ср.:

в Вед. I: с двумя или тремя тысячами члк... итти (1704); в БП: чтоб... в 8 или 9 дней на воде были (II, 1703); в три или четыре дни (дважды, IV, 1706); в двух или трех местах (дважды, V, 1707); в трех или четырех шнавах... состоящую (X, 1710); гаван в десять или одиннадцать футов... выглубить (VIII, 1708); по двух или трех днех (трижды, IX, 1709); на двух или на трех человеках явились язвы (X, 1710); чтоб он... вырубил... лесу на шесть или на семь кораблей, а на берег вывозить... на три или на четыре корабля (там же); с 6-ю или 7 стами... ушли (там же).

И в предложных конструкциях подсчитываемое Сщ может быть повторено или употреблено только после первого Чс, ср. в БП:

в полуторе миле или в дву милях (VIII, 1708); чаем... в три дни или четыре дни быть в столицу (IV, 1704).

Употребление союза *или* в рассматриваемых КС было известно русскому языку, видимо, с древнейших времен (ср. пример из „Жития Ф. Печерского“, ниже, с. 19). Такая функция улавливается и в следующем примере из I Новг. лтпси: *Отяша полон всь, а княжиць исече или боле .н.* (под 6753 г.)¹¹ Из наших выписок можем привести еще примеры из других поздних памятников:

А будет лодка с набои, а на ней человека три или четыре (1496 г.)¹²; останется им двум или трем в Азове (1521 г.)¹³; как ты шестью или осмью выстрелишь и тебе так плечо досадить („Книга учения хитрости...“, 1647, с. 49); Вишневецкой стоял в собранье в пяти или во шти тысячах (1649 г.)¹⁴.

Среди примеров, приводимых А. Богуславским по другому поводу, можно найти:

поставити перед собою крестьян человека два или три (1599 г.); а с ним старцев два или три, да слуг... человек девять или десять (1631, см. сс. 81, 147, 152, 158 и др.).

¹¹ У Срезн. этот пример выделен для иллюстрации отдельного значения союза *или*, но оно не раскрыто (см. I, с. 1090).

¹² Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства, изд. Археографической комиссией, СПб, 1838, 1425—1705 гг.

¹³ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией, т. II, СПб, 1895, с. 667.

¹⁴ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. 3, СПб, 1861, с. 249.

Как видно, конструкции с союзом *или* выражают значение допустимости выбора любого количества из ограниченного с двух сторон ряда возможных. Очерченная таким образом количественная последовательность в современном русском (и вообще в славянском) сознании „развертывается“ с нижней границы, т. е. от меньшего к большему, от „низа“ к „верху“. В древнюю эпоху, однако, последовательность ограниченного „слева и справа“ количества в языке могла развертываться и в обратном направлении, ср. в БП:

Хотя бы версты три или две по ту сторону (III, 1704); будет... глубины десять или полдесята фута (III, 1705); дабы он, Аюка, прислал... мурыз с пятнадцатую или десятую тысячу калмых добрых (V, 1707); Да пришли сюды... лошадей цуков десять или семь (VIII, 1708); в обеих гварнизонах (запасов) число малое, месяцев на пять или на четыре (там же); будет... на море карабелей... шесть или пять по дватцати по шти пушек (X, 1710); поставить в запас лошадей по пятидесят или по сороку (XI, 1711); те денги ныне в три или в два года заплачены будут (IX, 1709); только пропала 5 или 4 судна провантских (X, 1710);

В других древних памятниках: тьгда распустяше (Изяслав, П. Ел.) вся боляры в дома своя, нъ тькмо с шестию или пятаю отрок прихожааше к нему (Житие Феод. Печерского по сп. XII в.).

Независимо оттого, что в некоторых из приведенных примеров проскальзывает значение 'хотя бы, по крайней мере'¹⁵, это не опровергает наличия КС с союзом *или* со значением приблизительности, построенных в „обратном“ порядке.

Следует специально обратить внимание на тот факт, что эта модель в ее „обратном“ варианте не встретилась ни разу в „Ведомостях“. Если ее отсутствие не случайно, то, может быть, этот факт имеет связь с ее стилистической характеристикой?

Много общего как по структуре, так и по значению с КС с союзом *или* имели сочетания с союзом *и*, ср.:

в БП: не в дальном разстоянии, верстах в восьмидесяти и во сте дватцати (II, 1703); посылают... апельсины весом пуд по пяти и по шти (там же); было всегда конных по осмисот и по тысяче для охранения (V, 1707); стоят... в розных местах мила по три и по четыре (там же); а в нынешние годы собираетца ста по четыре и по пяти пруских злотых (XI, 1711);

в Вед. 2: неприятели в такой страх пришли, что человек по десяти и по дватцати врознь по лесу розбежались (1712).

КС с *и* могли выражать приблизительность и вне сочетания с препозицией Сщ по отношению к Чс, ср.:

¹⁵ Такое значение, однако, выражалось, как видно, конструкциями с наречием *конечно*, ср.: *Автамон Михайлович с четырьмя или конечно с тремя полками... пойдет* (БП, I, 1700).

в Вед. I: Весом по $\bar{д}$ и по $\bar{е}$ пуд (1703); В Кольвани на всякую неделю по шестидесят и по семидесят члк мрут (1704); на всякую неделю по тысяче по двести и по триста члк помирает (1705);

в БП: ставить ящик от ящика по пяти и по шти сажен (VIII, 1708); сбиралось в прошлых годах по осми и по десяти сот золотных прусских на год (XI, 1711);

в Вед. I: нашли горшок наполнен с языческою монетою, которая по писму за тысячу за триста и за тысячу за пять сот лет деланы (1703).

Во всех подобных примерах привлекают внимание два обстоятельства: во-первых, все они являются предложными, и, во-вторых, предлог чаще повторяется. Без повторения предлогов нами встречено ограниченное число примеров, ср.:

в Вед. I: которую на море за шестьдесят и семьдесят миль мочно видеть (1705);

в БП: А Ревель был в пятидесят и шестидесят верстах (X, 1710); а буде по двум и трем словам далее не поедет, стрелять по нем (там же).

В КС с союзом *и* мог включаться и предлог *до*, ср.: *Наем дворов так здесь дорог стал, что платят за некоторые дома по 3 и до 400 талеров на месяц* (Вед. 2, 1719).¹⁶

Весьма интересен следующий пример: *чтобы не двенатцать и не пятнатцать французов конных и пеших... приходили* (Вед. I, 1703). Если действительно здесь союз *и* употреблен в значении приблизительности, а не в каком-нибудь другом, то оказывается, что рассматриваемые конструкции могли быть и отрицательными.

Общей структурной чертой КС с союзом *и* и КС с союзом *или* является строение „в обратном порядке“, ср. в Вед. I: *иные в девяти и в семи милях отсюда стоят* (1705). Ср. еще у Гр. Котошихина: *И на другой день приехал царь к Москве, и тех воров, которые грабили дома, велел повесить по всей Москве у ворот, человек по $\bar{е}$ и по $\bar{д}$* . Ту же конструкцию, наверно, следует видеть и в примере: *а стрелцом и людем боярским дано по киндюку, по верху шапошному суконному, денег по 2 по в рубли* (О России в царствование Ал. Михайловича, гл. 7).

Семантическая тождественность КС с союзом *и* с КС с союзом *или* не подлежит сомнению. Структурную же специфичность — употребление только с предлогами¹⁷, притом преимуще-

¹⁶ Цифру „3“ здесь следует понимать как „300“. Это лишний раз показывает, что сложные Чс в Петровскую эпоху воспринимались как составные.

¹⁷ В наших выписках мы обнаружили лишь один пример без предлога: *Которые карабли имеют на себе пятдесят пушак абыкновенно в ваде ходят пятнадцати и шеснацати футов, а наши толко десять* (БП, I, 1698).

шественно с повторением — следует объяснить тем, что повторение предлогов при союзе *или* создавало довольно громоздкие конструкции, по причине чего они и избегались.

Будучи семантически тождественными, обе конструкции осознавались как равноправные варианты одних и тех же КС и могли переходить одна в другую.

Что касается распространения КС с *и* со значением приблизительности в более раннее время, то, вероятно, оно мало чем отличалось от распространения КС с *или* с тем же значением (см. выше, сс. 18—19). Примеры из памятников XVII в. можно найти у А. Богуславского:

шол перед послом в верстах в пятнатцати и в двацати и в больши, (1600—1601 г.); мурзы... ездят на конях... сот по пяти и по шти (1614 г.); те лошади... держат... дней по пяти и по шти (1627 г.); лет по 3 и по 4 годы (1636 г.); сот по семи и по тысяче рублев и больши (1665 г.) и др., см. сс. 91, 110, 150, 156 и др.

Из собственных выписок приведем еще:

город Гданеск... осадили а стоят около ево мили по четыре и по пяти и все дороги отняли (1626 г.)¹⁸; длиною по осмнатцати и дватцати ступеней („Книга Учения хитрости...“, 1647, г., с. 210).

В современном русском литературном языке среди различных функций союза *и* (объединительной, соединительной, присоединительной, перечислительной, результативной, уступательной) функция приблизительности отсутствует.

Самостоятельную лексико-грамматическую модель представляла конструкция типа „*пять-шесть*“, сохранившаяся до наших дней, ср.:

в БП: изволь писать, сыскав... способа два-три, а мы так же на те способы дадим совет (II, 1703); прислать сюда тысечь пять-шесть конницы (III, 1704); которых мочно... сыскачь ста три-четыре или болши (III, 1705); надобны человека два-три для посылок (VIII, 1708); взять... рекрут сот пять-шесть... для караулу (IX, 1709).

Рассматриваемая модель по значению мало чем отличалась от конструкций с союзами *или* и *и*, как и от конструкций типа „от... до“, о которых будет речь ниже. Близость к первым в особенности хорошо видна в случаях совмещения в одном и том же предложении одновременно обоих видов, ср.:

в БП: вывезть в его места 2 или 3 человека с учениками... рядовых плотников человек пять-шесть (II, 1703).

¹⁸ Вести-Куранты 1600—1639 гг., М., 1972, с. 83 (лист 21).

проблем (=эмблем?, И. Ел.) (IV, 1707); и трожды понесет скоряе нежели иная пушка блиско 4000 шагов (там же); в шка-тулке блиско 200-х рублей в мешке (VIII, 1708); надобно денег... блиско осми тысячь (IX, 1709); может исчислятися блиско ста миль (там же); близ дватцати отписей надлежит взять (там же).

К очень редким относились КС с предлогом *около*. Мы нашли всего несколько примеров:

в Вед. I: около дватцати дву тысячь члк (1705); получил... около десяти тысячь члк помощных войск (1706); побитых считают около осми тысячь (там же);

в БП: около дву сот (I, 1700); около двух часов по полудни (там же).

Предлог *около* мог входить в сочетание с предлогом *до* и союзом *или* и таким образом образовать модели „около + Чс + до + Чс“ и „около + Чс + или + Чс“, правда, очень редкие, ср.:

в Вед. I: войска около седми или осми тысячь шляхты (1704);

в Вед. 2: около двух до трех тысячь конницы (1719).

Мы не располагаем конкретными данными об употреблении предлогов *близ(ко)* и *около* в КС в более древних памятниках. Нет таких данных и у Срезневского. Поэтому вопрос о времени оформления рассматриваемых КС здесь не может быть решен без дополнительных исследований.

Наибольшей частотой обладали КС с предлогом *с*. Так как на протяжении всей письменно зафиксированной истории русского языка они не претерпели серьезных изменений (см. выше также употребление *с* в комбинации с препозицией *Сщ*, с. 16—17), то мы приведем лишь отдельные примеры:

в Вед. I: крепят... переправу... с десять тысяць члк (1703); меж которыми со сто члк начальников (там же); ставив... с $\frac{д}{+}$ члвек (там же); кроме побитых [которых с $\frac{в}{+}$] салдат изрядных с $\frac{г}{+}$ вышло (1704);

в Вед. 2: с полтара часа ждать принужден был (1715); с полчетверти мили... отошел (1719);

в БП: которые были в нетех зь дватцеть тысець (I, 1697); с 8000 конных и с 10 000 пехотных быть в Пьскове (I, 1700); другие з день как пошли отсель (III, 1704); не дошел... от реки с полверсты (VIII, 1708).

В КС рассматриваемого типа могли входить слова и сочетания *с небольшим*, *слишком* и некоторые другие, ср.:

в БП: и копейщиков с тысячу человек с небольшим (II, 1702); явилось... только с небольшим с 1000 (X, 1710); и ска-

зались... слишком со сто (там же); пришли... с лишком со ста человек (XI, 1711); которых воров с восемь сот человек слишком разбили (VII, 1708); зборов со сто тысяч рублив с лишком (X, 1710).

Как видно из примеров, слова *с небольшим*, *слишком* (*с лишком*) могли стоять в начале или в конце, но не и внутри КС. В этой организации и состоит главное синтаксическое отличие их от соответствующих современных КС (об этой особенности см. еще ниже).

Разумеется, значение 'около' выражали и КС, образованные по модели „от... до“. Однако не во всех случаях эти конструкции выражали приблизительность. Например, *и взять... со ста дворов по человеку от осмнатцати и до дватцати дву лет* (БП, III, 1705), *на гвардию от четырех до пети тысячь состоящей, особливая плата* (БП, VI, 1707) и пр. выражено значение, характерное и для современного литературного языка, а именно один из пределов при определении колебания какого-либо количества, т. е. 'любое количество, находящееся в границах, обозначенных двумя Чс'. Такие примеры нами не рассматриваются. Приблизительность выражена в следующих случаях:

Вед. 2: На месте щитают побитых от 20 до 28 000 турков (1716);

в БП: чтоб от петнатцети до дватцати лучших пушкарей присланы были (III, 1704); могут от 14 до 15 человек вдруг посажены быть (VI, 1707); оной болше от 8 до 10 тысячь не имеет (VIII, 1708); конницу и пехоту... от десяти до двенатцати тысячь состоящих, нагнали (IX, 1709); оных от осми до десяти тысячь побито (там же); я ему обещал... от двух до трех тысячь матросов (там же); от четырех до пяти тысячь инфантерии... пошлетца (X, 1710).

Характерной особенностью рассматриваемых конструкций являлась возможность отсутствия в них предлога *от*, ср.:

в Вед. I: не могла болши $\overline{\quad}$ до в $\overline{\quad}$ члком противится (1703);

в Вед. 2: а с ними еще 10 до 12 тысячи человекам соединится впредь (1711);

в БП: итить ему в 50-ти до 60 хоронгвей полских в случение (III, 1705).

К существенной структурной характеристике модели „от... до“ следует отнести и то, что она могла строиться и в „обратном порядке“, т. е. начиная с большего, кончая меньшим, ср.:

в БП: Оставить от тритцети до 25 тысячь человек добрых и весма конных (III, 1705); столко муки и ржи скупить, сколько возможно, а имянно от дватцати до десяти тысячь четвертей (XI, 1711).

проблем (=эмблем?, И. Ел.) (IV, 1707); и трожды понесет скорые нежели иная пушка блиско 4000 шагов (там же); в шка-тулке блиско 200-х рублей в мешке (VIII, 1708); надобно де-нег... блиско осми тысяч (IX, 1709); может исчислятися блиско ста миль (там же); близ дватцати отписей надлежит взять (там же).

К очень редким относились КС с предлогом *около*. Мы нашли всего несколько примеров:

в Вед. 1: около дватцати дву тысяч члк (1705); полу-чил... около десяти тысяч члк помощных войск (1706); по-битых считают около осми тысяч (там же);

в БП: около дву сот (I, 1700); около двух часов по полу-дни (там же).

Предлог *около* мог входить в сочетание с предлогом *до* и союзом *или* и таким образом образовать модели „около + Чс + до + Чс“ и „около + Чс + или + Чс“, правда, очень редкие, ср.:

в Вед. 1: войска около седми или осми тысяч шляхты (1704);

в Вед. 2: около двух до трех тысяч конницы (1719).

Мы не располагаем конкретными данными об употреблении предлогов *близ(ко)* и *около* в КС в более древних памятниках. Нет таких данных и у Срезневского. Поэтому вопрос о времени оформления рассматриваемых КС здесь не может быть решен без дополнительных исследований.

Наибольшей частотой обладали КС с предлогом *с*. Так как на протяжении всей письменной зафиксированной истории русского языка они не претерпели серьезных изменений (см. выше также употребление *с* в комбинации с препозицией Сщ, с. 16—17), то мы приведем лишь отдельные примеры:

в Вед. 1: крепят... переправу... с десять тысяч члвк (1703); меж которыми со сто члк начальников (там же); оста-

вив... с $\frac{д}{+}$ члвек (там же); кроме побитых [которых с $\frac{в}{+}$] сал-дат изрядных с $\frac{г}{+}$ вышло (1704);

в Вед. 2: с полтара часа ждять принужден был (1715); с полчетверти мили... отошел (1719);

в БП: которые были в нетех зь дватцеть тысець (I, 1697); с 8000 конных и с 10 000 пехотных быть в Пьскове (I, 1700); другие з день как пошли отсель (III, 1704); не дошел... от реки с полверсты (VIII, 1708).

В КС рассматриваемого типа могли входить слова и сочетания *с небольшим*, *слишком* и некоторые другие, ср.:

в БП: и копейщиков с тысецю человек с небольшим (II, 1702); явилось... только с небольшим с 1000 (X, 1710); и ска-

зались... слишком со сто (там же); пришли... с лишком со ста человек (XI, 1711); которых воров с восемь сот человек слишком разбили (VII, 1708); зборов со сто тысяч рублей с лишком (X, 1710).

Как видно из примеров, слова *с небольшим, слишком (с лишком)* могли стоять в начале или в конце, но не и внутри КС. В этой организации и состоит главное синтаксическое отличие их от соответствующих современных КС (об этой особенности см. еще ниже).

Разумеется, значение 'около' выражали и КС, образованные по модели „от... до“. Однако не во всех случаях эти конструкции выражали приближенность. Например, *и взять... со ста дворов по человеку от осмнатцати и до дватцати дву лет* (БП, III, 1705), *на гвардию от четырех до пети тысяч состоящей, особливая плата* (БП, VI, 1707) и пр. выражено значение, характерное и для современного литературного языка, а именно один из пределов при определении колебания какого-либо количества, т. е. 'любое количество, находящееся в границах, обозначенных двумя Чс'. Такие примеры нами не рассматриваются. Приближенность выражена в следующих случаях:

Вед. 2: На месте считают побитых от 20 до 28 000 турков (1716);

в БП: чтоб от петнатцети до дватцати лучших пушкарей присланы были (III, 1704); могут от 14 до 15 человек вдруг посажены быть (VI, 1707); оной болше от 8 до 10 тысяч не имеет (VIII, 1708); конницу и пехоту... от десяти до двенатцати тысяч состоящих, нагнали (IX, 1709); оных от осми до десяти тысяч побито (там же); я ему обещал... от двух до трех тысяч матросов (там же); от четырех до пяти тысяч инфантерии... пошлетца (X, 1710).

Характерной особенностью рассматриваемых конструкций являлась возможность отсутствия в них предлога *от*, ср.:

в Вед. I: не могла болши $\overline{\quad}$ до в $\overline{\quad}$ члком противится (1703);

в Вед. 2: а с ними еще 10 до 12 тысячи человекам соединится впредь (1711);

в БП: итить ему в 50-ти до 60 хоронгвей полских в случение (III, 1705).

К существенной структурной характеристике модели „от... до“ следует отнести и то, что она могла строиться и в „обратном порядке“, т. е. начиная с большего, кончая меньшим, ср.:

в БП: Оставить от тритцети до 25 тысяч человек добрых и весма конных (III, 1705); столко муки и ржи скупить, сколко возможно, а имянно от дватцати до десяти тысяч четвертей (XI, 1711).

Что такие КС ничем не отличались по значению от построенных по порядку „от меньшего к большему“, свидетельствует то, что они могли включать сочетание (*или*) и *больше*, ср.:

в БП: можем от дватцати до пятнатцати тысяч или и болши пехоты десант учинить (X, 1710).

Если бы в этих примерах имелся в виду порядок „от большего к меньшему“, то следовало бы ожидать включение сочетания (*или*) и *меньше*. Таких конструкций, однако, нами не отмечено.

На рубеже XVII—XVIII вв., как и в наше время, приближительность со значением 'около' могла быть выражена и достаточно развернутым сочетанием, ср. в БП: *извольте им дать... по грошу или малым чем больше или менши* (III, 1704). Естественно, существовали и многие другие подобного рода, но так как в нашу задачу не входит полное описание абсолютно всех возможных способов передачи значения приблительности, а лишь описание сочетаний с количественными Чс, то мы их не рассматриваем.

2. Приблизительность в значении 'меньше' названного в Чс количества лексически выражалось при помощи предлога *до*, наречий *меньше* (в сочетании с союзами *и*, *или*, как и без них), *неполно*, сочетаниями *без мала*, *малым чем больше*, *мало что не*, *без невелика* и некоторыми другими. Надо сказать, что частотность моделей с этим значением значительно уступает частотности моделей со значением 'около' и 'сверх'.

Из всех перечисленных типов рассматриваемого значения наиболее часто встречаются КС с предлогом *до*, ср.:

в Вед. 1: до тритцати тысячь челоуек (1703);
в Вед. 2: есть до 60 домов, которые ею заражены (1719);
в БП: толко до двухсот тысячь обещали (III, 1704); мы оную до семи дней... жестокою пушечною стрелбою... отаковали (там же); дать... на поупку до шти тысяч денег (XI, 1711).

Пример *а ему... ставитца... от Соли Камской до девяти денег не з большим всякой пуд* (XI, 1711) интересен тем, что предлог *до* употреблен не в значении 'количественного предела', а в значении 'около', так как включена в конструкцию и допустимость значения 'сверх'. Не является ли это значение основным во всех приведенных примерах? Впрочем, в предлоге *до* в сочетании с Чс значение 'сверх' просвечивает и в современном русском языке.

Остальные из перечисленных выше лексических средств выражения приблительности со значением 'меньше' в наших памятниках представлены единичными примерами:

в Вед. 2: красного флага спускать, когда менши четверти часа... корабли к нему пришли (1714);

в БП: изготовить... по шездесят или менши на человека (VI, 1707); было прибыл... без мала пол-3 милиона (XI, 1711); всего у меня драгун... семсот человек неполна (II, 1702); всего... здоровых неполна з две тысьчи (там же); берут за всякой пуд мало что не вдвоа (XI, 1711); приказал... один размер малым чем менши листа... сделать (VIII, 1708); отдать денег 300 тысьчь без невелика (IV, 1706).

Несомненно, модели выражающие рассматриваемое значение, были распространены и в более раннее время. Однако, мы не будем приводить соответствующих данных не только из-за отсутствия места, но и потому, что история этих КС во многом является историей входящих в них лексем.

3. Приблизительность в значении 'сверх' указанного в Чс количества лексически выражалось словами и сочетаниями *больше, более, и малым больше, малым чем больше, более нежели, более... или... , вяще, вяще... или... , с малым, с лишком (слишком), с небольшим* и некоторыми другими. Как видно, состав лексем и сочетаний, вносящих в КС это значение, довольно разнообразен. Если к этому добавить еще и то, что порядок слов как внутри самого сочетания, являющегося носителем значения приблизительности, так и во всем КС, был довольно свободным, то окажется, что средств выражения этого вида приблизительности в Петровскую эпоху было, если не больше, то во всяком случае не меньше, чем в современном языке.

Наибольшей частотой обладали конструкции с входящим в них наречием *больше* и сочетанием с ним, стоящим в начале всего КС, ср.:

в Вед. I: болши пятнадесяти тысьчь члк погнбло (1703); болши аф. члк французов пало (там же); А меди... болши м пуд лежит (там же); шляхта болши г-х золотых червонных добыли (там же); болши р судов... пришло (там же); В математической штурманской болше т члвек учатся (там же);

в Вед. 2: Датчане у шведов... болши 400 бочек разног жита... взяли (1710);

в БП: побрано... болши дву тысьчь возов (II, 1703); отколь уже болше пети курнироф имеем (IV, 1706); партия более нежели в тысьчи конных состояла (IX, 1709); х казне более тысьчи пятисот или тысьчи шестисот недостае (там же); болши дву ден или трех (VIII, 1708); болши дву или трех миль... не надлежит иттить.

Отступление от этого порядка наблюдается лишь в тех случаях, когда *больше* сочетается с союзами *и* и *или*. Ср.:

в Вед. I: Даетя им по шездесят ефимков и болши (1705);

в БП: в каждой (бочке) по пяти и малым болши пуд (I,

1700); соединясь в 7000-м числе или более (III, 1705); по 5 или больше сажен ручьных (IV, 1706).

В КС с рассматриваемым значением могло входить (правда, редко) и церковнославянское наречие *вяще* (обычно в сочетании с другими церковнославянизмами, как *понеже, да бы* и др.). Как и наречие *больше*, оно стояло чаще перед Чс (в сочетании с союзами *и, или* могло находиться и после них), ср.:

в БП: потребен есть флот... в 40 или вяще судов состоящей (I, 1696); да бы вяще 40 или 50 миль... не отдалятся (IV, 1706); вяще (sic!) пяти тысяч ч. пехоты будем (там же); понеже вяще 2-х месяцев ни единой ведомости... не имеем (там же); которой будет вяще 20 000 (там же).

Сравнительно большей частотностью обладали конструкции с наречием *слишком* (на письме иногда *с лишком*). Оно могло занимать различные позиции по отношению ко всему КС — *перед* Чс или *в конце всего КС*, т. е. с него могла начинаться или им кончатся конструкция. Ср. в препозиции:

в БП: село и землю слишком семь фунтов (II, 1702); счисляют неприятелей... слишком 5000 человек (III, 1705); послали слишком шездесят человек (там же); А надобно им слишком 1000 рублей (IV, 1706); с которым слишком 2000 человек (там же); которых будет... слишком 20 000 (там же); разстоянием отсюды слишком 3 мили (VIII, 1708); Я от полтавской игрушки здесь с лишком две недели был болен (IX, 1709); обоз ваш с лишком год после вас мешкает (XI, 1711).

Ту же позицию это наречие могло занимать и в предложениях КС:

в БП: а он слишком в две недели... приехал (IX, 1709); неприятели... слишком в 15 000 вооруженных... здались (там же); с полком с лишком во сте бударех (VIII, 1708); было слишком по 100 человек офицеров и салдат (IV, 1706); провианту будет с лишком на месяц (IX, 1709); в даче было денгами... слишком на четыре тысячи рублей (VII, 1708).

Зафиксирована и возможность вставки между наречием и Чс других слов, ср.: *слишком с ним с полтретья тысячи подвод* (БП, I, 1701).

В постпозиции:

в БП: довелось взять из Большие Казны... на 204 и на 205-й годы семь тысяч слишком (I, 1697); итого будет... на человека по 60 выстрелов слишком (III, 1705); сукон синих надобна семнатдать тысяч аршин слишком (там же); два месяца слишком великие жары и суша... настояла (там же); Шереметев... в 10 тысячах слишком конницы... пойдет (там же); оставил гарнизон, в 200-х человеках слишком состоящей

(IX, 1709); мерою в ширину и вышину по 3 сажени слишком (там же).

Препозиция наречия *слишком* в рассматриваемых КС сохранилась и до сих пор, однако, такая структура получила разговорный, просторечный характер. Статус литературности приобрел иной порядок, представленный в двух основных вариантах, в которых наречное сочетание *с лишком* (как и *с лишним*) занимает:

а) позицию *между Чс и Сщ*, ср. *двадцать с лишком чело-век*. Однако в КС с составным Чс, в которых последним членом является слово, по своим морфологическим признакам относящееся к Сщ (*тысяча, миллион, миллиард*), реализуются две возможности — после всего составного Чс (ср. *255 тысяч с лишком кубометров*) и перед последним членом (ср. *255 с лишком тысяч кубометров*). Оба места можно назвать интерпозицией;

б) позицию после всего КС, ср. *255 тысяч кубометров с лишком*.

Таким образом, использование рассматриваемого наречного сочетания в препозиции, с одной стороны, и в остальных — двух — интерпозиции и постпозиции, с другой, связано со стилистическим расслоением современного литературного языка. Петровская же эпоха является периодом параллельного, неустановленного, стилистически недифференцированного употребления препозиции и постпозиции. Что касается интерпозиции, то на основании показаний исследованных нами памятников можно утверждать, что ее тогда еще не было.

КС, в которые входит сочетание *с небольшим*, обладали некоторыми синтаксическими особенностями, относящимися к месту частицы *не*, как и к месту всего сочетания по отношению к другим членам КС.

На рубеже XVII—XVIII вв. префикс *не* все еще функционировал как свободная частица. Она могла стоять как после предлога *с*, так и перед ним, так что сочетание звучало *с небольшим* и *не с большим*, ср., с одной стороны:

в БП: (полки) зело малы... у князь Андрея Шеховского с небольшим с четьреста, у Бильса с небольшим шестьсот (III, 1704), с друго стороны:

в Вед. 2: А наших не с болшим 2000 человек (1708);

в БП: не с болшим по тридцати рублей каждый (ящик) станет (VI, 1707); и в три недели не з болшим десять миль... отшел (VII, 1708).

Невозможно определить, какой порядок из двух был основным — примеров того и другого в наших выписках оказалось немного и почти в одинаковом количестве. Думаем, что оба варианта были равноправными.

Современное сочетание *с небольшим* связано с возникнове-

нием самого прилагательного *небольшой*, а последнее — с возникновением в литературном языке огромного количества имен и наречий с отрицанием²⁰.

Свободным было место не только отрицания по отношению к прилагательному, но и всего сочетания по отношению к другим членам всей конструкции: *с небольшим* могло находиться и в препозиции, и в постпозиции, т. е. могло начинать или кончать КС, образуя, таким образом, своеобразную „рамочную“ структуру, ср., с одной стороны:

в БП: А лестниц... всего сделано с небольшим сто (I, 1701); их на работе... с небольшим 500 человек (II, 1703); людей... с небольшим две тысячи (там же); прочие (корабли) с небольшим по 50 пушек (IX, 1709);

а с другой стороны:

в БП: а остали только 4000 не с болшим (I, 1696); от той дачи останетца... 5000 не з болшим (VII, 1708); Бью лечом о 200 дворех не з болшим (II, 1703).

Древнейшие возможности сочетания *с небольшим* занимать различные позиции по отношению к другим словам КС не только сохранились до настоящего времени (ср. *с небольшим в три года — в три года с небольшим — года в три с небольшим*), но даже увеличились. Возникла и третья возможность — находиться между Чс и Сщ, а в составных Чс с последним членом *тысяча, миллион, миллиард* — перед последним членом. Ср. *Затрачено 150 тысяч с небольшим рублей // 150 с небольшим тысяч рублей*. Это новое место следует назвать интерпозицией. Ее возникновение относится к более позднему времени.

Другие лексические средства, входящие в состав КС и придающие ему значение приблизительности, в наших памятниках засвидетельствованы единичными примерами, ср.:

в БП: Войско... осталось их с малым тысяча (X, 1710); Неприятель... сильнее 8000 не обретаецца (IX, 1709).

На основании приведенного в этом разделе материала можно сделать следующие краткие выводы:

²⁰ Префикс *не-* как словообразовательный элемент имен (и глаголов) известен славянским языкам с древнейших времен, но продуктивность его в различные периоды (как и в различных частях речи одного периода) была различна. В самом начале XVIII в. в русском языке существовало огромное количество прилагательных с префиксом *не-*, но, видимо, прилагательного *небольшой* вне КС со значением приблизительности отсутствовало. Оно появилось позже и не во всех восточнославянских языках (в украинском и белорусском его нет), в связи с новой вспышкой продуктивности префикса *не-*. Словари начали отмечать его только с 30-х годов XVIII в. (впервые в Вейсмановом „Немецко-латинском и русском лексиконе“, СПб, 1731).

1. Если оставим в стороне исчезнувшие типы (например КС с союзами **или, и** и др.), все существующие модели со значением приближенности в современном русском литературном языке были оформлены еще на заре его возникновения. Отличия между современными и существовавшими 300 лет назад моделями касаются деталей — **лексического состава**, оформляющего отдельный тип, **порядка слов** во всем КС или некоторых его компонентов и т. д. Лексический и лексико-грамматический арсенал некоторых моделей был беднее (иначе не могло и быть), чем в современном литературном языке²¹. Но частично это восполнялось тем, что все компоненты внутри КС в известных случаях располагались свободнее, чем теперь. В отличие от современного литературного языка это расположение не было связано со стилистическими функциями КС, со стилистическим расслоением литературного языка того времени. Разумеется, эта „свобода“ была не абсолютной, а допускалась в определенных рамках.

2. Сравнивая данные исследованных памятников с данными современного литературного языка, можно судить об общих тенденциях, обусловивших развитие КС со значением приближенности на протяжении последних 300 лет. Эти тенденции развивались в двух направлениях:

а) Происходило **обогащение только лексических средств**, но не моделей, типов КС. Все имеющиеся в современном литературном языке модели КС в эпоху Петра I, в основном, уже сложились.

б) Развитие шло также по пути **упорядочения места слов** во всем КС или его отдельных компонентах. С одной стороны, оно выражалось в **закреплении места** некоторых компонентов КС (ср. единственно возможный теперь порядок словосочетания *с небольшим*), а, с другой, в **ликвидации ограничения свободы места**, занимаемого лексическим средством по отношению к остальным компонентам всего КС (ликвидируется, например, „рамочная“ структура, появляется возможность использования интерпозиции и пр.). Свобода эта относится, естественно, только к определенному кругу лексических средств. С третьей стороны, усиленная стилистическая дифференциация русского литературного языка Петровской и послепетровской эпохи привела к **закреплению в части случаев определенного порядка** за определенным стилем (ср., например, судьбу наречия *слишком*).

²¹ Впрочем, нельзя упускать из виду, что не все существовавшие тогда лексические и лексико-грамматические средства и модели нашли отражение в исследованных нами памятниках.

* * *

Подводя окончательный итог, следует сказать, что:

1) независимо от того, что развитие КС со значением при-
близительности имеет свою собственную историю, ее можно и
нужно изучать в непосредственной связи с развитием лексико-
грамматического строя в целом;

2) изучение рассматриваемых КС бросает свет на многие
вопросы, связанные с формированием и функционированием
сравнительно новой категории числительных. Полагаем, что на-
стоящее исследование подтверждает это.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. И. И. Багрянский, Имя числительное в русском языке XI—XVII вв., М., 1960; Он же, Сложные и составные количественные числительные в русском языке XI—XVII вв., Труды Узб. у-та, Новая серия, вып. 73, 1957.
2. А. П. Боголепов, Пропавшая часть речи (Имя числительное), Русский язык в советской школе, 1930, 2.
3. Р. Брандт, О двоичных формах и об ограниченном числе, Новый сборник статей по славяноведению, составл. и изданный учениками В. И. Ламанского, СПб, 1905.
4. Л. А. Булаховский, Курс русского лит. яз., т. I, Киев, 1952, т. II (Исторический комментарий), Киев, 1953; Он же, Русский литер. яз. первой половины XIX в., М., 1954.
5. Ф. М. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, М., 1959.
6. Н. Ван-Вейк, Об ударении русских числительных *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят*, Slavia, XIII, 1934—1935.
7. П. В. Верхов, Числительные в белорусском языке (в сравнении с русским и украинским языками), Минск, 1961.
8. В. В. Виноградов, Русский язык, М.-Л., 1947.
9. С. М. Глушкина, Сложные числительные в истории русского языка. Уч. зап. Псковского пед. ин-та, вып. 7, 1961.
10. Грамматика русского языка, АН СССР, М., 1954.
11. Б. М. Гриншпун, О синтаксической роли имен числительных в сочетаниях с именами существительными, РЯШ, 1960, 2.
12. Л. Н. Дровникова, Из истории имен числительных в русском языке, М., 1959; Она же, История числительных *два, три, четыре* в русском языке, Вопросы истории русского языка, М., 1959; Она же, Сложные образования с *полъ* в русском языке XIV—XVII веков, Филолог. науки, 1959, 2.
13. В. Г. Егоров, Согласование числительных с существительными в великорусских юридических памятниках XIV—XVII вв., Филолог. записки, 1916.
14. А. М. Иорданский, История двойств. числа в русском языке, Владимир, 1960.
15. А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, Братислава, 1954.
16. Б. В. Кобилянський, Синтаксичний зв'язок кількісних числівників *два, три, чотири* з іменниками, Мовознавство, т. XII, Київ, 1953.
17. П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка. Морфология, М., 1953.
18. Л. Л. Кутина, Последний период славяно-русского двуязычия в России, VIII междунар. съезд славистов. Славянское языкознание, 1978.
19. Г. И. Матвеева, Числительные в русских говорах, М., 1954; Она же, Числительные *два, три, четыре* в русских говорах, Материалы и исследования по русской диалектологии, т. I, М., 1959.
20. С. П. Обнорский, Заметки по русским числительным, Сборник АН СССР акад. Н. Я. Марру, М.-Л., 1935.

21. П. Г. Стрелков, Числительные в русском языке, РЯШ, 1950, 4.
22. А. Е. Супрун, Имя числительное и его изучение в школе, М., 1964; Он же, Некоторые общие явления в историческом развитии числительных в славянских языках, Уч. зап. фил. фак. Киргизского у-та, вып. 5, 1958; Он же, О русских числительных, Фрунзе, 1959.
23. А. А. Шахматов, Историческая морфология русского языка, М., 1957.
24. A. Bogusławski, Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia w języku rosyjskim, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966.

КОЛИЧЕСТВЕНИ СЪЧЕТАНИЯ (КС) СЪС ЗНАЧЕНИЕ НА ПРИБЛИЗИТЕЛНОСТ В РУСКИЯ ЕЗИК ОТ КРАЯ НА XVII — НАЧАЛОТО НА XVIII в.

Йордан Еленски

(Резюме)

В студията са описани най-типичните КС с посоченото в заглавието значение върху материал, извлечен от 12-те тома „Письма и бумаги Петра Великого“ и двата тома „Ведомости времени Петра Великого“. В зависимост от начина на изразяването на приблизителността — граматически, лексико-граматически и лексикален — той е разпределен в три основни групи.

В разглеждания период граматическият начин — чрез словоред — е бил вече оформен както при безпредложните, така и при предложните КС (с известна разлика само в съчетанията с предлога за, вж. стр. 8, 9).

Такива примери като *прислали... подвод ста четыре или разве ста три или четыре утеклецов... спаслось* и др. показват, че числителните (Чс) от 200 до 900 все още са се възприемали като съставни, а не като сложни, както е в съвременния руски език.

Все още са били живи старите конструкции със съществителното (Сщ) пред Чс, т. е. „инверсията“, в които не се съдържа приблизителност. Ср.: *палубов два мазепиных... отбили*. Тук не става дума нито за допълнително присъединяване на Чс, нито за някакво изброяване, при което да се прави констатация на наличното количество предмети, в каквито случаи „инверсията“ без значение на приблизителност се използва и в съвременния руски език.

Като лексико-граматичен начин за изразяване на приблизително количество се разглеждат КС, в които освен „инверсията“ имаме и друго средство — предлог, съюз, наречие, предложно съчетание и пр. — което подчертава, допълня това значение, от типа на: *Изволь (прислать) дерефь бязу и лигуструма сажен подо сто, дал ему деревню дворов со ста* и т. н.

Много характерни за езика на изследваните паметници са случаите от типа на: *человек сот пять или шесть прислать*;

приговорить с сабою два или три человека катаржъных масте-роф и пр. (вж. стр. 16, 19). Смятам, че тук съюзът *или* няма нито разделително, нито присъединително значение, а оформя КС за приблизителност. Тук много е интересен фактът, че това значение може да бъде изразено и в обратна последователност — от по-голямото Чс към по-малкото, т. е. „отгоре надолу“, ср.: *только пропала 5 или 4 судна провиантских*. Оказва се, че този „обратен ред“ води началото си от стари времена (стр. 19, 20).

Почти същата структура и значение имат и КС със съюза *и*.

На изразяването на неточно количество от съчетания, образувани със съюзите *или* и *и*, за пръв път се обръща внимание в настоящата студия.

Изразите, в които неточното количество е оформено само с лексически средства, в разглеждания период малко се отличават от наличните в съвременния руски език модели (различията се отнасят до лексикалния състав, оформящ отделния тип, словоред и някои други детайли, ср. стр. 23—30).

В края са формулирани най-общите тенденции в развитието на КС със значение на приблизителност, които могат да се проследят въз основа на разглежданите писмени паметници:

SYNTAGMES QUANTITATIFS EXPRIMANT
L'APPROXIMATION DANS LA LANGUE RUSSE DE LA FIN
DU 17e ET DU DEBUT DU 18e SIECLES

Jordan Elenski

(R é s u m é)

L'étude traite des syntagmes quantitatifs exprimant l'approximation qui sont tirés des 12 volumes des „Lettres et papiers de Pierre le Grand“, et des 2 volumes des „Registres de l'époque de Pierre le Grand“. On distingue trois groupes de syntagme suivant le procédé grammatical, lexico-grammatical ou lexical dont s'exprime l'approximation.

Pendant la période en question le procédé grammatical, se basant sur l'ordre des termes, se voit déjà établi pour les syntagmes non prépositionnels ainsi que pour les syntagmes prépositionnels comme on les trouve en russe moderne.

Des exemples tels que прислали... повод ста четыре, разве ста три или четыре утеклецов... etc., démontrent que les numéraux de 200 à 900 étaient encore considérés comme consitués de deux éléments à la différence du russe moderne où ils sont considérés comme un seul mot.

Les anciennes constructions Substantif + Numéral, dans lesquelles l'inversion ne marque pas l'approximation, étaient toujours vivantes (cf.: палубов два мазепинных... отбили). Il n'y est pas question d'une adjonction supplémentaire de numéral, ni d'une énumération permettant de constater la quantité des objets présents — des cas où l'inversion ne possède pas de valeur d'approximation même en russe moderne.

Le procédé lexico-grammatical s'applique dans les cas où l'inversion se combine avec l'emploi d'un mot outil (préposition, conjonction, adverbe, locution prépositionnelle etc.) qui sert à souligner, à compléter la valeur d'approximation: Изволь (прислать) деревь бязу и лигиструма сажен подо сто; дал ему деревню дворов со ста.

Les constructions du type: человек сот пять или шесть прислать; приговорить с сабою два или три человека катаржъных мастеров, sont très caractéristiques de la langue des monuments

étudiés. Je trouve qu'ici la conjonction или n'exprime ni l'addition, ni l'opposition, mais sert à la formation d'une construction d'approximation. Il est important de souligner que l'approximation peut s'exprimer par un ordre descendant des numéraux (только пропала 5 или 4 судна провиантских): Il s'avère que cet „ordre inverse“ remonte à une époque plus ancienne.

Les syntagme avec и ont à peu près la même valeur et la même construction.

Le présent article est le premier à traiter de l'expression d'une quantité imprécise au moyen des conjonctions и et или.

Les syntagmes où la quantité approximative est indiquée uniquement par des moyens lexicaux se distinguent peu des modèles existant en russe moderne (les différences concernent la composition lexicale, l'ordre des termes etc.).

L'article s'achève sur l'établissement des tendances générales du développement des syntagmes exprimant l'approximation.

ТРУДОВЕ НА ВЕЛИКОТЪРНОВСКИЯ УНИВЕРСИТЕТ
„КИРИЛ И МЕТОДИЙ“

Том XVI, кн. 2

Филологически факултет

1979/1980

TRAVAUX DE L'UNIVERSITÉ „CYRILLE ET METHODE“
DE V. TIRNOVO

Tome XVI, livre 2

Faculté philologique

1979/1980

НИКОЛИНА ЕНЧЕВА
ВОПРОСЫ МЕТОНИМИИ
И СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОГО СТЯЖЕНИЯ
(На материале разговорной речи)

NICOLINA ENTCHÉVA
QUESTIONES SUR LA MÉTONYMIE
ET LE RETRECISSEMENT SEMANTICO-SYNTAXIQUE
DE GROUPES DES MOTS
(An niveau du lexique de la langue parlée)

София 1981

В языковедческой литературе нет еще единого мнения по вопросу о разграничении семантико-синтаксического стяжения и метонимии. У разных авторов по-разному освещаются вопросы взаимоотношения этих двух явлений, высказываются довольно противоречивые мнения о самой сущности метонимии. Большой разницей существует у авторов при определении того круга явлений, которые следует отнести к метонимии. Многие из них отождествляют все случаи метонимического переноса независимо от того, к какому результату он приводит. Не всегда четко проводится граница между метонимией как стилистическим приемом и метонимией как явлением собственно лингвистическим. Поскольку все различные случаи метонимического переноса рассматриваются обычно вместе, то не всегда оправдываются утверждения и замечания авторов при характеристике этого явления.

Под метонимией в широком значении этого слова следует понимать перенос названия с одного предмета на другой. Он происходит на основе смежности признаков. Метонимический перенос приводит или к новому значению, или к новому слову, а чаще всего к метонимическому употреблению слов, что не связано с изменением их значений. Именно в тех случаях, когда слово не приобретает нового значения, а лишь употребляется в переносном значении, метонимический перенос может быть использован как стилистический прием (троп). Вот почему поэты и прозаики неустанно творят метонимии, чье предназначение „украшать, делать более выразительным индивидуальный, личный язык“¹, придавать образность и экспрессивность речи. И сам термин „метонимия“ связывается в первую очередь со стилистикой, литературоведением, стремлением к выразительности речи. Это привело к тому, что во многих справочниках и словарях не только литературных, но даже и лингвистических терминов метонимия определяется только как троп.² Но, как справедливо замечает проф. Л. Андрейчин, метонимическое употребление слов далеко не всегда связано с экспрессией, не всегда служит и для создания образного представ-

¹ См.: Л. В. Успенский, Культура речи, Москва, 1976, с. 80.

² См., напр.: О. С. Ахманова, Словарь лингвистических терминов, М., 1966.

ления. Очень часто оно используется для технического облегчения мышления и говорения, в целях языковой экономии³, так как метонимии почти всегда ведут к сокращению наименования. Это происходит потому, что смежность предметов и явлений очень часто совпадает со смежностью слов, служащих для их выражения. Таким образом создаются устойчивые контексты, которые являются условием семантико-синтаксического стяжения, характеризующегося следующими существенными признаками:

- 1) одно слово поглощает значение другого слово без отдельного морфемного выражения этого значения в структуре слова;
- 2) не изменяется морфологическая структура сохранившегося слова;
- 3) допускается изменение формы слова;
- 4) сохраняется синтаксическая правильность предложения;
- 5) конструкция представляет собой живой, распространенный эллипсис, а не его результат, т. е. в результате семантического сдвига, возникшего на основе многократных эллиптических употреблений, слово не приобрело еще нового значения, зафиксированного тольковыми словарями соответствующего языка;
- 6) при восприятии восстановление пропущенного компонента определяется не контекстом или конкретной ситуацией, а общим для участников коммуникации значением о предметах и явлениях, связях вещей друг с другом, или всем тем, что Н. В. Глаголев называет „коинтенцией“⁴.

Итак, одно и то же явление можно рассматривать с различных точек зрения: как результат метонимии и как семантико-синтаксическое стяжение. Чтобы доказать и аргументировать эту мысль, мы приступим к характеристике семантической сущности метонимии, постараемся определить роль грамматических категорий в процессе метонимизации, установим характер синтаксических связей между компонентами исходных словосочетаний и на основании этого выясним, какие явления метонимии можно интерпретировать как семантико-синтаксическое стяжение. Предложенная классификация материала по грамматическим признакам должна подтвердить правильность нашего подхода к явлению семантико-синтаксического стяжения, подкрепляя результаты произведенного структурного анализа. В соответствии с этими задачами и построена настоящая статья. Она состоит из двух частей: теоретической (включая

³ Л. Андрейчин, За ролята на метонимията в структурата и развитието на лексиката, „ИИБЕ“, 1962, 8, с. 521—530.

⁴ Н. В. Глаголев, Лингвистическая основа экономии и избыточности в синтаксисе разговорной речи, УЗ I МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 37, М., 1967, с. 65.

обзор литературы по вопросу) и практической (структурный анализ и классификация).

Мы разделяем мнение К. А. Аллендорф, что основным фактором метонимического переноса является объективный фактор, т. е. мир объективной действительности вследствие наличия смежных признаков в явлениях и предметах объективного мира⁵. На основе отражения сознанием материальных объектов формируются понятия о них. Отношение между понятиями, отражающими смежные признаки предметов и явлений, тоже отличаются смежностью. Производит впечатление, что в некоторых формулировках метонимии делается упор на смежность понятий, а в других — на смежность самих предметов. В логическом словаре, например, дается следующее определение этого слова: „Замена одного слова другим, перенос слова с одного объекта на другой на основании смежности понятий, обозначаемых этим словом“⁶. В словарях и справочниках лингвистических терминов обычно подчеркивается смежность реальных предметов и явлений⁷. В сущности, речь идет об одном и том же, но поскольку объективная действительность является исходной точкой известного семантического треугольника — языковые формы, мышление, действительность, — а остальные являются производными от нее, то, думается, это должно найти отражение и в формулировках рассматриваемого явления. Они должны отражать смежность реальных объектов, а смежность понятий будет естественно вытекать из этого.

Исследуя семантическую структуру слова как компонента семантической структуры высказывания, В. Г. Гак на основе формально-логических отношений между понятиями определяет основные семантические процессы и типы трансформации наименования⁸. Он отмечает, что в логике выделяется пять основных отношений между понятиями: равнозначность (совпадение объемов двух понятий), внеположенность или исключение, контрадикторность, подчинение или включение, перекрещивание или пересечение. Отношение перекрещивания представляет собой логическую основу семантического переноса, который существует в двух разновидностях: перенос по сходству (метафора) и перенос по смежности (метонимия). Чтобы понять суть второго процесса, мы должны принять условные обозначения В. Г. Гака. Он исходит из предпосылки, что одна и та же ре-

⁵ К. А. Аллендорф, Значение и изменение значений слов, Докт. дисс., М., 1966, с. 201.

⁶ Н. И. Кондаков, Логический словарь-справочник, М., 1975.

⁷ О. С. Ахманова, Словарь лингвистических терминов; Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова, Справочник лингвистических терминов, М., 1972.

⁸ В. Г. Гак, Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания, „Семантическая структура слова“, М., 1971, с. 83.

альность (ситуация) может быть обозначена разными языковыми средствами, и, следовательно, нельзя говорить на языке, зная только его систему, — нужно знать нормы применения этой системы, согласно ситуациям и контекстам⁹. Таким образом, первостепенное значение приобретает анализ семантической структуры высказывания, описывающего данный отрезок ситуации, и слова как компонента высказывания. В основе лексико-семантической организации высказывания лежит отбор и наименование элементов ситуации (дискретно выделяемых говорящим при восприятии ситуации предметов, процессов, их признаков). Элемент ситуации характеризуется определенными свойствами (аспектами)¹⁰. Каждый аспект воспринимается по его различительной черте. На семантическом уровне аспекту соответствует семантическая категория, различительной черте — семантический компонент (сема). В целом же элементу ситуации соответствует совокупность сем — семантема. На лексическом уровне семантема представлена лексемой, тогда как сема может быть репрезентирована особой морфемой. Семантема обладает иерархической организацией, включая общие семы родового значения („архисемы“) и дифференциальные семы видового значения. „На семантическом уровне перенос принимает форму устранения или замены архисемы при сохранении дифференциальной семы, которая становится исходной семой наименования. Метафорический перенос может быть интерпретирован как симметрическое отношение двух наименований с заменой архисем: А. б *трус* (А — „человек“, б — „трусость“) — Б. в *заяц* (Б — „трусость“, в — „заяц“). При метонимическом переносе основная сема одного слова выступает как компонент другого слова. Семантические отношения имеют ассиметричный вид: А. б *флейтист* (А — „музыкант“, б — „флейта“) — Б *флейта*¹¹. Предложенная В. Г. Гаком формула метонимического переноса удобна тем, что может служить средством проверки при отнесении какого-нибудь явления к метонимии во избежание возможных ошибок. Так, например, если применить эту формулу к словесно-ассоциативной метонимии, вычлениваемой Е. А. Некрасовой „путем установления словесной ассоциативной связи между двумя словами, находящимися по какому-либо признаку (например, звуковому) в одном ряду“¹², обнаруживается, что это вовсе не метонимия. В примерах, которыми она иллюстрирует этот вид метонимии („*писать о феврале навзрыд*“, „*недоброй славой и доброй помянут*“ и др., образованные по

⁹ В. Г. Гак, Семантическая структура слова..., с. 79—80.

¹⁰ Там же, с. 80.

¹¹ В. Г. Гак, Семантическая структура слова..., с. 85.

¹² Е. А. Некрасова, Метонимический перенос в связи с некоторыми проблемами лингвистической поэтики, „Слово в русской советской поэзии“, М., 1975, с. 112—116.

аналогии с устойчивыми сочетаниями „плакать навзрыд“ и „помянуть добрым словом“), не существует никакой смежности между действиями, признаками и понятиями, основная сема одного слова не выступает как компонент другого слова. Правда, дальше она оговаривает, что подобные случаи не относятся к „чистой“ метонимии, но все равно этот термин, нам кажется, не следует применять по отношению к подобным явлениям.

Н. А. Янко-Триницкая придерживается другого мнения. Она исходит из правильной постановки, что смежность слов далеко не всегда совпадает со смежностью предметов и что перенос, основанный только на смежности слов, не следует считать метонимией. Эту свою в принципе верную мысль она однако иллюстрирует классическим примером метонимического переноса слов, а именно употреблением фамилий авторов вместо их произведений, не признавая здесь никакой ассоциативной связи между понятиями. Эти рассуждения приводятся ею в связи с отграничением явления „включения“ (семантико-синтаксического стяжения) от метонимии. Отграничивая включения „Читал охотно Апулея, а Цицерона не читал“, „У меня есть Бальзак“ и т. п.¹³ от метонимии, она допускает и вторую ошибку. Включение действительно предполагает непременно смежность слов, которая наличествует в приведенных примерах, но оно обязательно предполагает и ассоциативные связи между понятиями, выраженными этими словами, что не принято во внимание Н. А. Янко-Триницкой. Случайная смежность слов никогда не приводит к включению. Метонимические отношения потому и ведут к краткости, что отражают устойчивые связи между предметами. Эти связи обычно находят языковое выражение в устойчивых контекстах, обычно словосочетаниях. Там и происходит поглощение одного компонента другим, при котором сохранившийся компонент вбирает в себя значение всего словосочетания. Такие случаи метонимического употребления можно рассматривать и как явления семантико-синтаксического стяжения. Доказывая, что при метонимии стяжения может и не быть, Н. А. Янко-Триницкая совсем неудачно приводит примеры метонимического переноса, которые в диахронии привели уже к новым значениям слов и где действительно о включении не может быть и речи на современном этапе развития языка, например: *блюдо* 'посуда' и *блюдо* 'кушанье', *аудитория* 'помещение' и *аудитория* 'слушающие'. Но эти вторичные значения получены тоже в результате замещения словом всего словосочетания, а не словом слова, ср.: *блюдо* 'посуда' — *блюдо* 'содержимое блюда', *аудитория* 'помещение' — *аудитория* 'нахо-

¹³ Н. А. Янко-Триницкая, Процессы включения в лексике и словообразовании, „Развитие грамматики и лексики современного русского языка“, М., 1964, с. 23.

дящиеся в аудитории'. Таким образом, подобные примеры не могут служить иллюстрацией отсутствия включения при метонимии.

У других авторов метонимичность вышеуказанных употреблений (фамилия автора вместо его произведения) не вызывает никаких сомнений, но они в отличие от Н. А. Янко-Триницкой не признают их включениями, семантико-синтаксическим стяжением. Не совсем аргументированно, думается, Д. Н. Шмелев отграничивает такие метонимии от включений на том основании, что метонимии осуществляются в соответствии с определенными моделями, а при стяжении якобы обязательно „непосредственное сокращение конкретного словосочетания“¹⁴. Нам кажется, что такое понимание семантического стяжения неправомерно сужает тот круг явлений, которые совсем основательно можно интерпретировать как его продуктивные типы. В языке выработаны определенные правила, схемы, модели, по которым осуществляются все разновидности семантической конденсации, не только метонимии¹⁵. Д. Н. Шмелев прав, что при метонимии, где „слово, обозначающее какое-то смежное явление, становится заместителем другого“¹⁶, стяжение не происходит. Но он не последователен в оценке тех случаев метонимии, где слово сохраняет семантический объем развернутого словосочетания. В одних случаях отмечает, что там происходит сокращение словосочетания¹⁷, а в других утверждает, что это просто „видимость“ сокращения, семантического стяжения, потому что „здесь не только синтаксическое „отсечение“ одного из членов, но и преобразование формы другого“¹⁸. Этот свой аргумент он подкрепляет примером: „Наш рентген ушел в декрет“. Отчетливость примера удобна для общего рассуждения. Авторами монографии „Русская разговорная речь“, например, стяженное слово *декрет* дается как иллюстрация одного из продуктивных типов семантического стяжения способом устранения определяемого¹⁹. Для Н. А. Янко-Триницкой это тоже один из частных случаев процесса семантической конденсации. „Более редкий случай, но представляющий интерес как еще один из возможных случаев включения определяемого, представляет включение значения определяемого существительного без суффиксации, с усечением всех аффиксов прилагательного: *в законном браке — в законе* (старое, дореволюционное слово), *в декрет-*

¹⁴ См.: Д. Н. Шмелев, О семантических изменениях в современном русском языке, „Развитие грамматики и лексики современного русского языка“, М., 1964, с. 14.

¹⁵ См. в монографии „Русская разговорная речь“, М., 1973, с. 408.

¹⁶ Д. Н. Шмелев, Очерки по семасиологии русского языка, М., 1964, с. 65.

¹⁷ Там же, с. 65.

¹⁸ Д. Н. Шмелев, О семантических изменениях..., с. 14.

¹⁹ „Русская разговорная речь“, с. 417—418.

ном отпуске — в декрете²⁰. У других исследователей все виды семантического стяжения интерпретируются безотносительно к явлениям метонимии, может быть потому, что они относят к метонимическим отношениям более узкий круг явлений. Описывая случаи употребления названий ряда организаций, органов и т. д. для обозначения их заседаний, собраний или имени лица вместо его поступка и т. п., Н. Ю. Шведова вообще не упоминает о метонимии и рассматривает их только как результат упрощения более сложных конструкций. Она подчеркивает, что „такие ряды, члены которых, в основе своей обладая общей структурой и дублируя друг друга функционально и семантически, различаются — в пределах этой общей структуры — по степени сложности своего строения“²¹. Она отмечает, что по своим формальным признакам упрощенные конструкции очень разнообразны, но они объединяются тем, „что функция компонента, отсутствующего в них по сравнению с полным видом, как бы перекладывается на другие компоненты упрощенного построения, занимающие, таким образом, синтаксическое место этого отсутствующего члена. Например: *выдвинуть кого-нибудь на соискание премии — выдвинуть кого-нибудь на премию*; во втором члене этого ряда компонент *на премию* как бы вбирает в себя значение отсутствующего звена (соискание) и тем самым семантически и функционально осложняется...“²². А. А. Реформатский подобные примеры объясняет только как результат метонимии. Более того, он показывает на примере слова „бюро“, как создаются метонимические „цепочки“, при которых второе значение идет от первого, третье — от второго, четвертое — от третьего и т. д., „... слово „бюро“ во французском языке (откуда оно заимствовано) первоначально обозначало 'покрышку из верблюжьей шерсти', затем 'стол, ею покрытый' („конторское бюро“), далее — 'комнату, где такие столы стояли'² („машинописное бюро“), „бюро иностранной корреспонденции“, затем 'отдел' или 'учреждение' (которое может занимать и две комнаты и более и даже целый дом, примеры те же), наконец, 'людей, работающих в этом отделе или органе' („перезабрать бюро“) и 'заседание этих людей' („бюро бывает по пятницам“ и „на бюро постановили“) — здесь шесть последовательно включенных звеньев, из которых только первое (прямое значение) отсутствует в русском языке, остальные же пять (все метонимии) — налицо“²³.

Этот разнобой во мнениях авторов можно объяснить только

²⁰ Н. А. Янко—Триницкая, Процессы включения..., с. 32—3.

²¹ Н. Ю. Шведова, Активные процессы в современном русском синтаксисе, М., 1966, с. 74—94; то же самое у Н. Н. Прокоповича в его кн. „Вопросы синтаксиса русского языка“, М., 1974, с. 93—94.

²² Н. Ю. Шведова, Активные процессы..., с. 75.

²³ А. А. Реформатский, Введение в языкознание, М., 1947, с. 31.

тем, что разбираемое явление может рассматриваться с двух точек зрения: как результат метонимического переноса и как стяжение вследствие смежности двух слов. Некоторые видят в нем только метонимию, другие — только стяжение. В действительности верно и то и другое. Наиболее приемлемо представлены подобные случаи в монографии „Русская разговорная речь“ под редакцией Е. А. Земской. В главе „Номинация“, распределяя по группам семантические стяжения, авторы выделили в отдельную группу конденсаты, полученные в результате метонимического переноса²⁴.

Наши наблюдения ограничиваются функционированием предметной метонимии, связанной с переносом по смежности от существительного к существительному, в контексте художественной литературы и живой разговорной речи. Чтобы решить правильно вопрос о минимальном контексте, необходимом для выявления значения метонимического слова, нужно произвести анализ синтаксических связей между компонентами исходного словосочетания. При выявлении синтаксических зависимостей обнаруживается и связь между строением исходного словосочетания и тем, какой из именных компонентов выпадает и какой принимает на себя функцию утраченного²⁵. Чтобы подчеркнуть значительность этого вопроса для отнесения того или иного сокращения к семантико-синтаксическому стяжению, хочется привести и мнение А. А. Коротеева, который анализирует стяженные словосочетания с эллипсисом главного слова в своей кандидатской диссертации, называя их синтаксическими смещениями. Под синтаксическим смещением он подразумевает прежде всего простое подчинительное словосочетание, в котором отсутствует единство смысловых отношений и синтаксических связей между словами. Таким образом, он рассматривает очень разнотипные синтаксические смещения: словосочетания, в которых нет включения, стяжения („... усы торчали с такой пушистой наглостью, что Митька сразу же спросил о них“ *вм. пушистые усы*) и словосочетания с включением (Обязательно унизить надо *ржаные планы*“ *вм. планы посева ржи*; „Коля был на кружке юннатов“ *вм. на занятии кружка*)²⁶. Автор отмечает, что с точки зрения стилистики это метонимии (признака и предмета), но когда освещается с грамматической стороны, это уже синтаксические смещения. Он подчеркивает, что выпадение управляемого существительного из субстантивного

²⁴ „Русская разговорная речь“, с. 427—434.

²⁵ Этот вопрос поставлен в статье Г. Ходос, О некоторых типах глагольно-именных словосочетаний, образованных в результате опущения, „Доклады межвузовской научно-методической конференции аспирантов“, Ростов-на-Дону, 1973, с. 299, но ответа там не получил.

²⁶ А. А. Коротеев, Синтаксические смещения в современном русском языке, Канд. дисс., Саратов — Уссурийск, 1960—1963, с. 29, 43, 220.

словосочетания надо отличать от поглощения управляемым словом слова управляющего, считая, что именно поглощение зависимым словом стержневого слова следует понимать как „свертывание“ словосочетания. Представителем утраченного словосочетания в речи выступает „бывшее его зависимое слово“. Это слово входит в предложение в состав нового словосочетания, где нет единства между синтаксическими и смысловыми связями. Утрата стержневых слов некоторыми субстантивными словосочетаниями, пишет автор, представляет собой явление, противоположное синтаксическому распространению слов²⁷. Здесь термин „свертывание словосочетания“ употребляется как равнозначный термину „семантико-синтаксическое стяжение“. Таким образом, А. А. Коротеев, в отличие от Д. Н. Шмелева, считает стяженными только словосочетания с эллипсисом главного слова, включая метонимии. Перед нами две диаметрально противоположные точки зрения. Для Д. Н. Шмелева (см. выше) семантико-синтаксическое стяжение представляет собой „отсечение“ зависимого компонента от главного, который принимает на себя его семантическую функцию, и на этом основании он не признает метонимию стяжением. А. А. Коротеев тоже, однако, не приводит сколько-нибудь убедительных аргументов в подкрепление своего мнения. Для него это нечто само собой разумеющееся, и он не пытается доказывать его.

Мы считаем, что как и при остальных типах семантико-синтаксического стяжения, в одних случаях опускается определяющее, а в других — определяемое. Включение определяющего или определяемого зависит от того, какой компонент словосочетания обладает четко направленной обязательной сочетаемостью. Таким образом, проблема семантического стяжения имеет прямое отношение к явлениям обязательной и факультативной сочетаемости, с которыми связаны понятия сильного и слабого управления, неабсолютивного и абсолютивного употребления слова и его семантической емкости. „При наличии обязательной сочетаемости от соответствующей формы исходит такая ясная, отчетливая проекция синтаксического отношения, что в случае абсолютивного употребления данной формы эта проекция выходит за пределы предложения и неизбежно составляет мысль прodelать соответствующий путь и включить в свой состав нечто, не нашедшее прямого лексического выражения в данном предложении“²⁸. В случаях потенциальной сочетаемости изолированное употребление слова не приводит к опрощению словосочетания, потому что „значение второго компонента не входит обязательно в состав мысли, а является толь-

²⁷ А. А. Коротеев, Синтаксические смещения..., с. 221.

²⁸ В. Г. Адмони, Завершенность конструкции как явление синтаксической формы, „ВЯ“, 1958, I, с. 114.

ко факультативным²⁹. Например, в словосочетании „урегулирование отношений“ сочетаемость существительного с определением в форме родительного падежа является обязательной. А „при точно направленной обязательной сочетаемости в форме, которая этой сочетаемостью обладает, как бы уже содержится предвосхищение того, что должно быть в данной структуре восполнено, вследствие чего здесь можно обойтись без языкового выражения зависимого компонента отдельным словом“³⁰. Действие этой закономерности можно показать и на примере семантических стяжений, возникших в результате различного типа метонимических переносов. В метонимиях, где выражается, например, связь между автором и его произведением, типа *произведение Чехова — Чехов* сочетаемость существительного (в данном случае *произведения*) с определением, выраженным собственным именем в родительном падеже, является факультативной, а сочетаемость определительного родительного падежа с определяемым существительным является обязательной. Вот почему зависимый компонент от словосочетания может употребляться абсолютивно, концентрируя в себе значение всего словосочетания. Еще более наглядно иллюстрируют эту закономерность метонимии, выражающие связь между содержащим и содержимым типа *выпил два стакана, съел целую тарелку* и т. п. Остановимся более подробно на словосочетаниях *съел две тарелки — беру два супа*. Словосочетание *две тарелки* имеет значение *две тарелки супа* только как компонент сложного глагольного словосочетания *съел две тарелки*, в то время как словосочетание *два супа* не только в составе глагольного (*беру два супа*), но и само по себе включает в свой состав и значение отсутствующего, невыраженного компонента *тарелки, порции* и т. п. Это можно объяснить только тем, что существительное *тарелка* в словосочетании *тарелка супа* обладает факультативной сочетаемостью, так как выражены здесь определительные отношения, характеризующиеся слабой связью, в то время как сочетаемость зависимого компонента с главным является обязательной. Вот почему абсолюттивное употребление стержневого слова вполне возможно, но значение зависимого факультативно. Оно не входит в состав мысли. Но если скажем *два супа*, то мыслится обязательно *две порции супа, две тарелки супа* и т. п. В составе же комбинированного глагольного словосочетания семантико-синтаксические отношения меняются. Слово *тарелка* (соответственно словосочетание *целая тарелка* или *две тарелки*) становится семантически неполноценным в сочетании с глаголами определенной семантики и требует уточнителя своего значения в форме родительного

²⁹ Там же, с. 114.

³⁰ Там же, с. 113.

падсежа существительного. Возникают комплективные отношения, характеризующиеся сильной связью и, следовательно, обязательной сочетаемостью. Ср. предложения: *Он выпил два стакана воды.* — *Он поставил на стол два стакана воды.* Слово-сочетание *поставил два стакана* вполне возможно и не вбирает в себя значение другого слова, в то время как словосочетание *выпил два стакана* обязательно включает в свой состав и значение определяющего слова благодаря семантике глагола *выпить*, преобразовавшего определительные отношения в комплективные. Когда говорим *выпил два стакана*, всегда понимаем *содержимое двух стаканов*. Такого типа метонимии мы, однако, не относим к семантико-синтаксическому стяжению на том основании, что для правильного и точного восприятия требуется конкретная и полная информация сообщения. Эти сочетания такой информации не дают. Содержимое может быть разным: компот, чай, сок, сироп, молоко, кефир и т. п. Следовательно, здесь бытовой контекст или речевая ситуация являются решающими условиями для верного и точного восприятия такой метонимии. Ср.: *Полина Николаевна заварила чай...* Она выпила один стакан, потом другой, потом третий (А. Чехов). Такие сокращения считаются ситуационно-эллиптическими. Мы не будем включать их в классификацию стяжений, значения которых выявляются благодаря коинтенции в рамках словосочетания (*на кафедре решили*) или простого предложения (*сегодня кафедра*). Нужно отметить, что обязательная сочетаемость слова является неизменным, но далеко не единственным условием для абсолютного употребления слова. Более или менее устойчивое соседство двух слов во фразе есть важное для него условие. Только когда слово, обладающее обязательной сочетаемостью, часто или постоянно сочетается с определенным словом или словами, оно может употребляться абсолютно, сохраняя семантический объем всего словосочетания. Слово *гектар*, например, является обозначением меры только земельной площади, поэтому отпадает необходимость в употреблении рядом с ним формы „земли“: *Получили с гектара по 50 центнеров зерна.* Сравните также: *выражение (выражение лица)*: *Затем он сел в тарантас и со странным выражением, точно боясь погони, ударил по лошадям* (А. Чехов); *Не обратив внимания на скорбное выражение лица* Гландырина, Перелешин стал восторженно расхваливать свою жену (М. Левитин); *кусок (хлеба)*: *Пушай бы он, Алексей, божий человек, когда был богатый, помог бы людям куском и учением...* (Р.-Г., 19/1976); *выговор с занесением (в учетную карточку)*: *Объявили ему выговор с занесением (из ж. р. р.); Бюро Ульяновского райкома партии... сняло А. Кусанкова с работы и объявило ему строгий выговор с занесением в учетную карточку („Крокодил“, 3/1977).* Очень нередки подобные сокращения словосочетаний, находящихся

на пути к идиоматизации или признанных уже идиоматичными, например: быть *при исполнении (своих служебных обязанностей)*: А мне вчера Пантюхин в рабочее время, можно сказать, *при исполнении* и, между прочим, при дамах...: „Козел ты!“ — говорит (Л. Г., 1, XII. 1976); *в курсе (дела)*: Он даже *в курсе* насчет таких понятий, как материнство, любовь, душевная красота („Крокодил“, 22/1976); *наставить на путь (добродетели)*: — А тогда бы он понял — моя жена там всех *на путь* наставила... („Нева“, 12/1974); *органы (госбезопасности)*: Мы где работаем? Мы работаем *в органах*. В каких органах? В органах Советской власти (П. Нилин).

В вышеприведенных примерах главный компонент словосочетания, обладающий обязательной сочетаемостью, характеризуется устойчивыми связями с определенными словами. Но еще более интересны случаи, когда зависимому компоненту, а не главному свойственно употребление в устойчивых контекстах, например:

- заявление на получение дров
- заявление на получение квартиры
- заявление на получение жилплощади
- заявление на получение алиментов
- заявление на получение развода и т. п.

По этому образцу и шутливые сочетания: — Казусный случай, — сказал Крокодил. — Пусть товарищ Цевеин напишет нам заявление на получение вилами в бок („Крокодил“, 32/1976). Такие контексты ведут к эллипсису главного компонента двучленного именного словосочетания: Мать написала заявление *на дрова* в ЖКО строительного-монтажного поезда („Крокодил“, 32/1976); — Перво-наперво: подай на Мишку *на алименты* (В. Шукшин). Таким образом образуются стяжения в аналогичных примерах: — Решили не дожидаться, когда в исполкоме очередь *на квартиру* подойдет, построить кооперативную („Неделя“, 3/1976). Ср. эксплицитный вариант: В 1959 году он демобилизовался из армии, и его поставили *в очередь на получение квартиры* („Крокодил“, 21/1976). Сохранившийся компонент стяженных словосочетаний отличается большей конкретностью своего значения, чем эллиптированный. Ср. Дело в том, что мы уже копим деньги *на машину* (В. Карбовская); — Кто там сидит? — *Тресты* (вм. представители трестов); *За науки* я принялся поздно (вм. за изучение наук); — Ты пришел из школы; сразу — раз — *за уроки* (вм. за подготовку уроков) (В. Шукшин); *Статья* отняла много времени (вм. сочинение статьи) Он углубился *в газету* (вм. в чтение газеты) и т. д. Превращение зависимого компонента в стяженное слово связано с преобразованием его формы. Осложняясь семантически и функционально, оно уподобляется отсутствующему слову в падеже.

Говоря о метонимических отношениях в таком аспекте, не-

льзя не обратить внимания на синекдоху, которую обычно всегда рассматривают как частный случай от метонимии. В синекдохе находят выражение количественные отношения между предметами и явлениями: общее и отдельное, целое и часть и т. п. Эта разновидность переноса по смежности состоит в замене названия целого названием какой-либо его части, в названии частного вместо названия общего и наоборот. Для нашего исследования интересны только те случаи синекдохы, при которых происходит стяжение словосочетания в слово. Наблюдения показывают, что при названии **целого по его части** происходит замещение 1 (по схеме $\text{имя}^1 - \text{имя}^2$, например: стадо в 50 *голов* (вм. *животных*), эскадра из 5 *флагов* (вм. *кораблей*), первая *перчатка* (вм. *боксер*), вторая *ракетка* страны (вм. *теннисист*), в роте 30 *штыков* (вм. *солдат*); слова *рука*, *лицо*, *рот*, *голова* вм. *человек* уже в качестве самостоятельных значений, отмечающихся регулярно в толковых словарях; 2) по схеме словосочетание — имя, например: человек с *бородой* — *борода*, человек в *шапке* — *шапка* и т. п. При названии **части по целому** замещение происходит только по схеме словосочетание — **имя**, например: *говорю в телефон* (*в трубку телефона*), *нажать на звонок* (*на кнопку звонка*), *полез в стол* (*в ящик стола*) и т. п. Остальные случаи синекдохы (употребление единственного числа вместо множественного и наоборот, видового названия вместо родового и наоборот) не является предметом нашего наблюдения, потому что там замещение обычно осуществляется только по схеме $\text{имя}^1 - \text{имя}^2$, например: *светило* вм. *солнце*, *француз*, вм. *французы*, *копейка* вм. *деньги* и т. п. Художественная синекдоха, как разновидность метонимии, может быть одним из образных средств в речи, подчеркивая какую-то существенную деталь, специально подмеченную для создания образного представления, для раскрытия определенного образного содержания, например: „*Такая широченная спина* возвышалась перед ней, что никакой возможности увидеть перспективу! И только сбоку, над бледным пятном с мерцающими в полутьме глазами, — худое лицо Ник-Ника.

— Хочу потолковать, хочу понять, — глухо твердит он. — Хочу знать: почему не успел?...

Спина не шелохнулась. *Спина* как стена. Дождевыми каплями по ней упрямые, бесцеремонные слова Ник-Ника. „Опять лезет в драку, — думает Варя. Вот ведь характер! И чего к человеку пристал?... Неужели он не видит какая эта спина?“

— Объясню, — отвечает *спина* вязким, совестливым баритоном“ (Л. Беляева).

Особую силу воздействия метонимия и синекдохы приобретают также, когда на них держится юмор. В газетной рубрике „Нарочно не придумаешь“ печатают забавные заметки, объявления, справки и т. п., комический эффект которых иногда вы-

зывается необычными, неприемливыми стилистически, неуклюжими метонимиями, например: „Справка (Дана гр. Тимофеевой Ольге Павловне в том, что *ее год рождения сгорел* во время пожара сельсовета“) („Крокодил“, 33/1976); По пять капель перед сном *в оба носа*“ (из рецепта) („Крокодил“, 1/1977); „Отдел закрыт, папиросы *в хлебе* (Объявление в магазине) („Крокодил“, 4/1977); „В связи с ремонтом парикмахерской *укладка женщин* будет производится в мужском зале“ (Объявление в парикмахерской) („Крокодил“, 10/1977); „Издать приказ *о категорическом курении* в неотведенных местах“ (Из плана мероприятий по противопожарной безопасности) („Крокодил“, 14/1977); „При контрольной проверке 2 октября был установлен *недовес, который я жарил*. Почему был недовес, я не знаю, жарил от всей души, как положено“ (Из объяснительной повара) („Крокодил“, 18/1977).

Эмоционально-экспрессивно окрашенному стилю художественных произведений и живой разговорной речи свойственны очень свежие индивидуальные метонимии, способные вызывать улыбку на лицах, смех, служить средством иронии, юмора и сатиры, вносить живую струю в разговор и беседу. Приведем некоторые примеры:

„Одна дама из высшего общества рассказывает о своих влиятельных поклонниках:

— Если бы вы знали, *скольких королей* я держала в этих руках!

— Вы играете в карты, мадам?“ („Крокодил“, 13/1976).

Здесь комический эффект достигается путем использования сразу двух значений слова.

„В очереди на автобус Гене наступили на ногу *итальянской платформой*. Вышло больно, и он взвизгнул. Тогда *итальянская платформа* сказала возмущенным басом:

— Он еще ойкает!...

Автобус все не шел. *Итальянская платформа* решила заполнить паузу:

— Дошли мужики — на женщин ойкают!... Был бы ты моим мужем — вздохнуть боялся!

Гена осторожно взглянул на платформино лицо и понял, что она права. Разговор с женой насчет распределения обязанностей он решил отложить“ („Юность“, 10/1976). Здесь синекдоха *итальянская платформа* служит ярким средством осмеяния низкой культуры этой модницы.

„На картине изображен драматичный момент в жизни Ивана Грозного — он убивает своего сына! Такое случается не каждый день. Хотя, казалось бы, что может быть проще?! Но посмотрите как мастерски *делает это* Репин! *Это убийство* удалось Илье Ефимовичу, талантливому художнику, родившемуся в 1844 году в семье родителей“ (Л. Г., 14. VII. 1976). И в

этом примере метонимия употреблена в целях создания юмора и, главным образом, для осмеяния низкой культуры речи гида.

Как видно из приведенных примеров, употребление индивидуальной и общеязыковой метонимии связано с художественной экспрессией. Чем менее стандартен метонимический перенос в своем конкретном выражении, тем больше потенциальной художественной экспрессии он содержит³¹.

На основании всего сказанного до сих пор о метонимии и семантико-синтаксическом стяжении и в подтверждение его, в качестве дополнительного аргумента, дается классификация именных сочетаний с эллипсисом главного слова в русском языке. Она должна показать решающую роль основных факторов стяжения: обязательной сочетаемости и регулярности употребления. Вот почему словосочетания распределены, во-первых, по типу подчинительной связи и отношениям, порожденным этой связью³² и, во-вторых, по лексическим значениям входящих в словосочетание слов³³. Для рассматриваемого типа словосочетаний характерны три вида связи: сильное управление, слабое управление и именная промыкание. В классификации не выделяются особо конденсаты, полученные в результате метонимических переносов, так как было доказано, что они подчиняются общим закономерностям, по которым осуществляется семантико-синтаксическое стяжение всех разновидностей. Даются парадигмы зафиксированных метонимий.

1. СЛОВСОЧЕТАНИЯ С СИЛЬНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ

1. 1. Словосочетания с сильным беспредложным управлением

1. Словосочетания с объектными отношениями. Главный компонент словосочетания обозначает процесс, например: *уборка (прополка, погрузка) свеклы — свекла, извлечение репки-репка* и т. п. Конденсаты этого типа встречаются чаще всего в винительном и предложном падежах, реже в родительном и почти никогда в остальных падежах. Например:

РОД. П. — С учебниками, что ли, туго? — Да нет, все есть. — *От картошки освободить?* — Уже вернулся („Крокодил“, 2/1977).

ВИН. П. Нас, десять человек, послали в подшефный Рогачевский совхоз *на уборку картофеля* („Юность“, 2/1976); Я в это время ездил на практику. Или *на картошку* (Л. Г., 4. VIII.

³¹ См., например, Е. А. Некрасова, Указ. соч., с. 129.

³² Терминология и распределение типов связи и отношений даются по „Грамматике современного русского литературного языка“, изд. АН СССР, М., 1970.

³³ Грамматика русского языка, т. 2, ч. I, М., 1960, с. 232—239.

1976); Тут уж целая бригада *на репку* вышла (Л. Г., 21/1976).

ПР. П. Она вместе со своими студентами была в совхозе „Агроном“ *на уборке фруктов* („Крокодил“, 28/1976); Калькулятор в декрете, повар в запое, судомойки *на картошке* (Л. Г., 1. XI. 1975); — А *на свекле* наши ребятишки здорово помогли (Р.-Г., 5/1975).

РОД. П. — 20%, ВИН. П. — 35%, ПР. П. — 45%. Замена исходного словосочетания конденсатом невозможна в остальных падежах. Такое распределение конденсатов по падежам можно объяснить большей употребительностью исходных словосочетаний с винительным и предложным падежами в разговорной речи. Словосочетания с именительным падежом, например (*Закончена уборка свеклы*), свойственны нейтральному стилю. Как было подчеркнуто уже в введении, „кузницей“ всех конденсатов является разговорная речь, откуда они проникают в общелитературное употребление. Можно привести и другие типы этого стяжения, не менее распространенные в разговорной речи, например: *чтение газеты — газета, сочинение статьи — статья, приготовление уроков — уроки, строительство квартиры — квартира, объяснение причин — причины* и т. п.: — А что, *неважно с кадрами?* (Ю. Грибов) (вм. с подбором кадров); Потом уже советовали, чтобы *на алименты подавала...* („Огонек“, 15/1973) (вм. на получение алиментов); ... после этого возьмете номерки *на кроввь*, один *на сахар*, другой *на рою* (М. Левитин) (вм. на исследование крови, сахара...); — Ну что же, *на роль* вас утвердили (Л. Г., 12. XI. 1975) (вм. на исполнение роли); А как мы эти *деньги* оформим? (А. Адамов) (вм. выдачу этих денег); — Я хочу, чтобы ты сделал *эту книгу...* — *Рисунки*, — поправил он ее (Л. Варова); Как приятно *хорошее тело* делать (профессионализм) (вм. массаж хорошего тела); ... Стрельникова исключили из очереди *на жилплощадь...* („Крокодил“, 2/1976) (вм. на получение жилплощади); Известный детский писатель и специалист *по железобетону...* („Юность“, 1/1976) (вм. по обработке железобетона); Получала алименты *на девочек* (из устной речи) (вм. на содержание девочек); Я не намерен выслушивать *причины* (из устной речи) (вм. объяснение причин); И потом, чего ты тянешь *со справкой* по автобазе? (А. Адамов): (вм. получение (наведение справки)).

2. Словосочетания с комплетивными отношениями. Выражаются отношения меры, количества, напр.: *бутылка вина — вино, порция супа — суп, кусочек хлеба — хлеб* и т. п. Главным компонентам этих словосочетаний свойственна сочетаемость с количественными числительными: три порции супа, две бутылки кефира и т. д. При стяжении словосочетания сохраняется зависимый компонент, который, занимая синтаксическое место утраченного главного, сочетается с теми же самыми количественными определителями. Возникают несвойственные для

кодифицированного русского языка синтаксические сочетания, напр., *три пива, четыре кофе, два табака, одна капуста, два молока* и т. п. Такие деформирующие нормативную структуру стяжения в русской разговорной речи, однако, появляются с большой легкостью. В этом обнаруживается актуальность и мощь закона экономии речевых усилий. Например: *два рожка и один кофе* (заказ в кафетерии); *мне два молока* (в магазине); *Два табака, пожалуйста* (в ресторане) (вм. две порции цыплят-табака); *Девушка, пожалуйста, одну капусту* (в столовой) (вм. одну порцию капусты) и т. д.

Наряду со стяжениями этого типа в разговорной речи очень часто встречаются и простые эллипсисы. Например: *Один чай, пожалуйста!* (семантико-синтаксическое стяжение, так как сохраняется связь согласования) и — *Лиза, пять пива* („Юность“, 8/1976) (эллипсис, потому что нарушена связь управления). В случаях, когда и-главное, и зависимое слово полных вариантов сочетаются с определениями одинакового рода и числа, стяжение и эллипсис совпадают по форме, ср.: *два сока* (два стакана сока), *два хлеба* (два кусочка хлеба) и т. п. В устной разговорной речи встречаются и промежуточные ступени между эллипсисом и стяжением, напр.: *хлеб белого* (вм. один кусочек белого хлеба).

В художественную литературу стяжения рассматриваемого типа просачиваются очень трудно. Они являются достоянием главным образом устной разговорной речи. И в тех художественных текстах, где пересоздается живая разговорная речь, предпочитают полные варианты этих словосочетаний, например: *К ней подошли разные люди...*, *излагали свои повседневные мелкие нужды. — Два пакета молока. — Четыреста граммов вологодского. — Пачку сахара. — Десяток котлет. — Две баночки майонеза. — Детских сырков. Четыре штуки. — Пачку маргарина. — Российского, двести пятьдесят граммов („Крокодил“, 32/1976). Все это связано с особенностями письменной речи, которая позволяет взвесить и обдумать каждое слово, прежде чем его зафиксировать, художественно и наглядно оформить свою мысль, напр.: Папуля, заходя в кафе „Льдинка“, не в пример матери, не ограничивал Лешку единственным шариком сливочного мороженого, а щедро заказывал *двойную порцию черного кофе с пломбиром...* (М. Левитин). Тем не менее и в художественной литературе, хотя и очень редко, можно встретить разговорные синтаксические схемы. Например: *За обедом подают по два супа, по два холодных блюда, по четыре соуса...* (И. Гончаров); *Мистер Бард, не сносив Трой, заказал еще два мартини* (перевод с англ.). По этому образцу создаются изо дня в день профессионализмы, например: *Восемнадцать мочей и девятнадцать кровей* вчера было (Из разговора в лаборатории поликлиники).*

1. 2. Словосочетания с сильным предложным управлением

1. Словосочетания с предлогом В, повторяющие образцы глагольных и выражающие объектные отношения, напр.: *поступление в институт — институт, участие в конкурсе — конкурс* и т. п. С институтом, мам, я пока отложила („Юность“, 1/1973) (вм. с поступлением в институт); Я подал *на конкурс* (из кино-сценария) (вм. на участие в конкурсе).

2. Словосочетания с предлогом О: а) Главное слово называет то, что несет информацию о предметах, явлениях, событиях, обозначенных зависимым словом, напр.: *письмо о любви — любовь, приказ о помиловании — помилование, сообщение о поступке — поступок, договор о соревновании — соревнование* и т. п.: Подписали вчера *соревнование* (из устной речи) (вм. договор о соревновании); Когда вы будете писать *происшествие*, они вам очень пригодятся (Б. Егоров) (вм. очерк о происшествии); Устинов Николай — он! Другие еще не поняли, а он уже *Стеньку Разина* выкрикнул! (Р.-Г., 20/1976) (вм. песню о Стеньке); *Хороших волков* авторы не писали („Спутник“, 2/1975) (вм. рассказы о хороших волках); Это *спорт*, это *строительство*, это *искусство*. . . (из кинофильма) (вм. материалы, документация о спорте. . .); — Что было задано на сегодня? . . . — *Индонезию* нам задали, — послышался не совсем уверенный голос (М. Билкун); А мне ужасно охота Москву поглядеть. Мы *ее* проходили в школе по географии (В. Шукшин) (вм. урок об Индонезии, о Москве); А у Егорки и *права* на полгода отняли за своевольную поездку в город (В. Шукшин); Давай свои *права* (из устной речи) (вм. документ о водительских правах).

б) В качестве главного слова выступает имя существительное, называющее речь или мысль, напр.: *разговор о любви — любовь, мысль о деньгах — деньги* и т. п.: И очень может быть, что не имело смысла забивать голову *Лошкаревым*. . . (Л. Беляева) (вм. мыслями о Лошкареве).

в) Главное слово называет проблему, вопрос, тему, например: *тема о наречиях — наречия, вопросы о семье — семья* и т. п.: Я буду писать *по наречиям* (из устной речи), Жаль, что у вас нет наставлений *по семье и браку* („Огонек“, 10/1970); Томка обложила книгами *по Азии и Туркестану* (Н. Асанов).

II. СЛОВСОЧЕТАНИЯ СО СЛАБЫМ УПРАВЛЕНИЕМ

1. Наиболее многочислены в этом разделе стяжения словосочетаний, главное слово которых является названием собрания, заседания, совещания, занятия, обсуждение органов, организаций, групп людей, названных зависимым словом. Между словами возникают субъективно-характеризующие отношения.

ИМ. П. Состоялось *заседание техсовета* („Крокодил“, 5/1977) — На месте Работягин? — Нет. — А где же? — У него со-

вет („Крокодил“, 5/1977); Во второй половине дня предстояло заседание кафедры, а в шесть вечера — партийное бюро („Юность“, 11/1976) — Предстоял *трудный исполком* („Юность“, 11/1976); *Заседание бюро* прошло на машиностроительном заводе и стало своеобразным „открытым уроком“... (К. пр., 13. I. 1976) — Как и предполагалось, *исполком* проходил, по выражению Поспишила, „то есть очень оживлено“ („Юность“, 11/1976).

РОД. П. Вчера прадед Алиас Эшба... вернулся с *заседания совета* стариков невиданно официальный (М. Эдель)... — Дела все, Лиза, дела. — Растегнул душегрейку. — Вот только что с *партбюро* („Юность“, 8/1976); — Сергей Сергеевич, если я смогу приехать *до следующего исполкома* в Москву, туристкой, мы сможем увидеться? („Юность“, 11/1976); У тебя еще *пара исполкомов* впереди... („Юность“, 11/1976).

ДАТ. П. Президент... просил приготовить объяснения к *следующему исполкому*, который намечался во время чемпионата мира в Токио, в начале лета („Юность“, 11/1976).

ВИН. П. Может быть, господин Габерман будет брать меня на *заседания исполкома* („Юность“, 11/1976). — Я категорически настаиваю на суровом наказании: предлагаю вызвать его на *президиум*... („Юность“, 11/1970). Здесь наиболее употребительные глаголы *вызвать, попасть, опоздать, пригласить, прийти* и т. п., напр.: *опоздать на правление, попасть на комитет, обсуждение переносится на исполком, пригласить на бюро, вызвать на педсовет*: Во весь голос зазвучала та мысль, которую Мусохранов принес *на актив* (К. ж., 1/1976); Но в этот момент дверь отворилась, и дядю Васю пригласили *на комиссию*... („Крокодил“). С беспредложным винительным чаще всего употребляются глаголы *провести, открыть, закрыть, назначить* и т. п., напр.: В марте следующего года предполагаем *провести областной актив* работников физической культуры и спорта... („Сов. спорт“, 7. XII. 1976); — Геныч, *закрывай комитет*... („Юность“, 1/1976).

ПР. П. На *собрании актива* было уделено большое внимание всесторонней помощи земледельцам... (К. пр., 11. VIII. 1976) — На *активе* разобрали ситуацию по косточкам (К. ж., 1/1976); ... он почти *на каждом заседании комитета* комсомола вносит свои предложения (К. ж., 17/1976). — Ну ты, брат, вчера поершился *на комитете* (В. Солоухин); ... письмо читателя обсуждено *на заседании коллегии* министерства („Крокодил“, 23. VIII. 1976). — Я даже *на коллегии* министерства как-то говорю... (К. пр., 19. I. 1976).

ИМ. П. — 13%, РОД. П. — 6%, ДАТ. П. — 2%, ВИН. П. — 26%, ТВ. П. — 0%, ПР. П. — 53%.

Стяжения этого типа становятся привычными вариантами своих полных эквивалентов, которые являются обязательными только для официального стиля речи.

2. Другие словосочетания с зависимым словом в родительном падеже, выражающие собственно-характеризующие отношения, напр.: *звонок телефона — телефон, поступок (поведение) обманщика — обманщик, решение суда — суд* и т. п.: — Крови старшего мастера жаждешь? — спросил ее парторг, вынужденный разобрать *поведение Шушлебина* на цеховом партбюро („Крокодил“, 22/1970). — ... когда разговор шел о его провинившихся рабочих, ему всегда казалось, что разбирают не *рабочего*, а его, *Качуру*... („Юность“, 3/1976); Гаранкин оказался единственным на заводе человеком, который искренне возмущился *Рохлиным* („Крокодил“, 24/1976) (вм. поступком Рохлина); Имеется ребенок — дочь, *по суду* плачу алименты (В. Стариков) (вм. по решению суда); И пока он ходил *под Константином Ивановичем*, все было хорошо (П. Нилин); (вм. под руководством Константина Ивановича); Она лежала *с печенью* тогда (из устной речи) (вм. с приступом печени).

3. Словосочетания с зависимым словом в творительном падеже, например: *лечение токами — токи, лечение физиотерапией — физиотерапия, удар плетью — плеть*: Мне назначили *токи*; Придется вам походить *на физиотерапию*; Дали ему *двадцать плетей* (из устной речи).

4. Предложные словосочетания с предлогом НАД, выражающие объективные отношения, осложненные отношениями собственно-характеризующими, напр.: *работа над учебниками — учебники*: Юрка сел *за учебники* (В. Шукшин).

III. СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ИМЕННЫМ ПРИМЫКАНИЕМ

III. 1. Словосочетания с беспредложным именным примыканием

При именном примыкании между словами возникают собственно-характеризующие отношения.

1. Словосочетания, выражающие отношение части к целому. Конденсаты этой группы образуются путем устранения части, например: *лента магнитофона — магнитофон, катушка магнитофона — магнитофон, кнопка звонка — звонок, трубка телефона — телефон, ветка черешни — черешня* и т. п.: Он запер *игрушку в ящик письменного стола*. — Он достал *из письменного стола* маленькую деревянную фигурку („Огонек“, 16/1975); Настя уверенно нажала *на кнопку звонка* („Юность“, 6/1976) — Никитин нажал *на звонок* с цифрой („Крокодил“, 1/1976); На третьем этаже крутился *магнитофон*; Я записал *на магнитофон* его голос (из устной речи).

2. Словосочетания, выражающие принадлежность, напр.: *дом Гришки — Гришка, комната хозяев — хозяева, фотография рабочего — рабочий, портрет Пашки — Пашка, имена пассажиров — пассажиры, рот тети Кати — тетя Катя, лицо женщины —*

женщина, борода клиента — клиент, шкура медведя — медведь, голова Варьки — Варька, фигура Вари — Варя, образ Татьяны — Татьяна, карман папы — папа и т. д.: Подожгла человека, да еще нос воротить (В. Шукшин); Мужики! *Гришка Сухих* горит! (Р.-Г., 20/1976); — Еще десять *Олегов Стриженовых*, — лепечет она, протягивая киоскеру разогретую в ладошке мелочь... („Крокодил“, 13/1976); Перед моим мысленным взором проносится висящая на доске почета Дудуна (Л. Г., 7. VII. 1976); Ты что это *девок* понаклеил... (из кинофильма); Торопливо, нога об ногу, скинула туфли, босиком пробежала *по медведю* за ширму (Л. Беляева); Вывесили *отличников* (из устной речи).

3. Словосочетания, выражающие отношения к лицу

а) Главное слово называет произведение в самом широком смысле этого слова (творчество, сценарий, книги, романы, повести, стихотворения, картины, доклады, сообщения, тома, песни, репродукции, предложения, выставки, лекции и т. п.), а зависимое слово — автора, творца, активного деятеля и т. п. При стяжении употребляется название автора вместо его произведения.

ИМ. П. А в пятницу в метро у вас в руках была *Анна Андреевна Ахматова* (Ц. Солодарь); *К. Брюллов* представлен многочисленными портретами и картинами (Н. Порфиридов); Получится солидная библиотека. В нее войдут *Шекспир, Сервантес, Петрарка*... (из газет); *Достоевский* почти всегда на руках (из устной речи); Сколько *Левитан* стоит? (из устной речи).

РОД. П. А я прочел свое любимое *из Тургенева*... („Юность“, 6/1976); — Ребенок растет, — сказала Алиса, — а в доме *нет классиков* (Л. Г., 20. X. 1976); Но я был очень зависим, исходил из западногерманских и японских исследователей (из устной речи).

ДАТ. П. — А кто из них режиссер? — Ну... этот, который все ставит *по Станиславскому*... (Б. Егоров); Перед нами очерк-путеводитель не только по Гринландии, но и, если можно так выразиться, *по Грину* (К. пр., 4. VII. 1976); фильм *по Шукшину*.

ВИН. П. (без предлогов). В старших классах читали вслух *Гоголя* или прозу *Пушкина* (А. Чехов); Театр ставит *Шиллера* („Крокодил“, 26. VIII. 1976); С некоторых пор я стал собирать *Кафку* („Огонек“, 37/1973); — Агата Кристи выдет через год, — пророчески изрекал парень, — *старуху* выпустят стотысячным тиражом (Л. Г., 2. XI. 1963.).

ВИН. П. (с предлогами) ... я с детства мечтаю о подписке *на Дюма-отца* (Л. Г., 29. XII. 1976); Сулин бродил долго, но очереди *на классиков* так и не нашел (Л. Г., 20. X. 1976); И я *на этого старичка* тоже билет достала, пойду послушаю („Огонек“, 1/1976); Вот попробуй достань билеты *на Райкина*

(А. Адамов); *На Люду не пойдете?* (из устной речи) (вм. на выступление Люды).

ТВ. П. Кстати, я импрессионистами недавно увлекся (Л. Г., 3. XI. 1976); Станислав Лем из вашей тумбочки не вылезает. А Львом Николаевич Толстым там и не пахнет... („Юность“, 6/1976).

ПР. П. В коричневом Пушкине это есть? (из устной речи). ИМ. П. — 11,2%, РОД. П. — 5,6%, ДАТ. П. — 5,5%, ВИН. П. — 72,9%, ТВ. П. — 3,7%, ПР. П. — 0,9%. Как видно из таблицы процентных соотношений наиболее частотно употребление винительного падежа с предлогами и без предлогов.

б) Главное слово называет роль (танец, арию, партию, песню и т. п.), которую исполняют лицо, обозначенное зависимым словом. При стяжении эллиптируется слово, называющее роль. Эта стертая, широко употребительная общеязыковая метонимия давно привела к закреплению во всех толковых словарях сочетания глагола действительного залога с винительным объекта — названием лица („играть кого?“ вм. обычного „играть что?“). Она очень редко вовлекается в экспрессивно значимый контекст и поэтому не может создавать художественный эффект. Наиболее широкое применение находит в профессиональной среде. Ср.: В драмкружке мне дали сейчас играть генерала *Галифе* (П. Нилин); „После очередного ремонта Володя танцует еще лучше“ (о Васильеве после перерыва станцевавшем *Спартак*) („Юность“, 2/1976); Какова окажется эта женщина, которая поет *Татьяну* („Юност“, 2/1976); Пел *Фауста*, а сейчас простыл (из кинофильма). Стяженное слово может включать в себя семантику больше чем одного слова, напр.: Найти такой характер! Сыграть *его* до конца! (вм. сыграть роль персонажа с таким характером). Наиболее частотно употребление этой метонимии в винительном падеже с глаголом „играть“. В других падежах встречается редко, напр.: сняться в *Аксинии* (вм. в роли Аксинии). Такие образования более свойственны разговорной речи или художественным текстам, имитирующим разговорную речь. Ср.: В нашей картине снимается Яковлев, знаете, который *Идиот*, такой высокий, красивый (В. Карбовская).

в) Главное слово называет творческую манеру, почерк, мнение автора, обозначенного зависимым словом, напр.: Это напоминает *Агату Кристи* (из устной речи); Первый и последний фильмы наиболее выражают *Шукшина* (из устной речи); При расширении значения, по *Паулю*, происходит обеднение содержания представления... (Ф. Березин).

г) Другие. Напр.: *разобраться с делом учителя* — *разобраться с учителем*: С учителем еще не разобрались (из устной речи); Может быть, и всего — то лишь приведи сюда по *Матвею!* (В. Солоухин) (вм. по делу Матвея).

4. Словосочетания, выражающие отношение к учреждению или коллективу

а) Редакция газеты, журнала

ИМ. П. Редакция „Комсомольской правды“ поздравляет И. А. Моисеева с высокой правительственной наградой (К. пр., 21. I. 1976). — Наша газета просит вас, — вежливо начал Зеленцов, — поделиться с ней тостом... (Ц. Солодарь). Наиболее распространен в этой группе именительный падеж в обращениях: *Дорогой Крокодил!* В твоём девятнадцатом номере я обнаружил несколько досадных неточностей („Крокодил“, 28/1976). Здесь тоже бывают случаи, когда слово-конденсат служит эквивалентом совокупности простых словосочетаний или комбинированного словосочетания: — Но ведь газета — это ужасно ответственно! (Л. Беляева). В данном случае речь идет не о газете, а о работе в редакции газеты.

РОД. П. Вчера они были гостями „Комсомольской правды“ (К. пр., 4. IX. 1976); И вот уж из газеты скоро уволят (Р.-Г., 21/1976); Ты из газеты, да? (Р.-Г., 21); — Знаю, знаю. Но если ты из газеты позвонишь... Авторитетно? („Крокодил“, 3/1976).

ВИН. П. — Мы рассматриваем сегодня письмо группы граждан нашего города, которые обратились в редакцию газеты „Известия“ („Известия“, 3. II. 1976); Оставалось одно — обратиться за помощью в газету (М. Левитин); — Ты пришел в газету к занятому человеку („Крокодил“, 33/1976).

ТВ. П. Получив гонорар, Будринцев-старший затеял тяжбу с газетой, требуя вернуть ему удержанный налог за бездетность (М. Левитин).

ПР. П. Я нашел вполне приличное место. В редакции газеты (Л. Беляева); Он начал свой творческий путь молодым человеком в газете „Пионерская правда“... („Юность“, 10/1976); У него есть друзья в газете (В. Карбовская).

ИМ. П. — 15,8%, РОД. П. — 25,4%, ДАТ. П. — 0%, ВИН. П. — 31,8%, ТВ. П. — 1,6%, ПР. П. — 25,4%.

б) Члены комиссии (комитета, бюро, партии и т. д.) — комиссия (комитет, бюро, партия и т. д.)

Эта метонимия давно привела к образованию нового значения слова, что зафиксировано всеми толковыми словарями не только русского, но и других языков. И тем не менее мы ее приводим сюда только потому, что она употребляется в качестве равноправного синонима наряду с полным вариантом и не в состоянии вытеснить его совсем, напр.: *Члены комиссии* просили: „Остановитесь, газ, прибавьте скорость“... (К. пр., 18. XII. 1976); *Приемная комиссия*, говорят, заартачилась? (Н. Катков). Собранный материал, как и приведенные примеры, показывают, что кое-какая стилистическая дифференциация все еще сохранилась. Полный вариант более характерен для официального стиля, сокращенный — для разговорного. Это, однако, давно перестало строго и последовательно соблюдаться. Во многих текстах официального и делового стиля они употребляются

как равноправные синонимы. Ср.: „Порядок „приема в члены ВЛКСМ определен Уставом. Важно подчеркнуть, что прием в комсомол осуществляется исключительно через первичную комсомольскую организацию, в индивидуальном порядке. Вступающий в комсомол должен представить в комсомольскую организацию анкету с изложенным в ней заявлением и рекомендациями двух членов ВЛКСМ... В случае, если вступающий в члены ВЛКСМ является пионером, он должен представить... (К. ж., 6/1976).

в) *Руководство завода — завод, работники театра — театр, администрация учреждения — учреждение, представитель фирмы — фирма*, напр.: Так ответил заводу начальник грузового отдела. („Известия“, 18. I. 1976); — Нет, его нет, — профессионально бодро зазвенел голосок, — с Вами говорит его телефонная служба (из газет).

5. Словосочетания, выражающие отношение к месту, источнику с которым связано появление предмета, названного главным словом.

а) *Номер телефона — телефон*, наиболее многочисленная группа в этом разделе.

ИМ. П. *Мой телефон* у вас есть? Потеряли? Боже, до чего бессердечна! Но я великодушен. Записывайте... Глебов сейчас явно раздражал Ирину, и тем не менее номер телефона она записала („Огонек“, 37/1973); — Прекрасно. Я тоже буду вам звонить. *Ваши телефоны?* (А. Адамов).

РОД. П. Оставляю вам два телефона: служебный и домашний (А. Адамов); ... одна гнедая красotka... бросилась на шею, умоляя его произнести заветные цифры своего телефона („Крокодил“, 13/1976).

ВИН. П. ... я набрал номер телефона мастерской и уверенно заявил... („Крокодил“, 22/1975); Он еще раз набрал тетин телефон (Л. Г., 10. IX. 1975). С вин. падежом наиболее употребительны следующие глаголы: записывать, обнаружить, узнать, взять, давать, оставить, разыскать, набрать, проверить, потерять, забыть, диктовать, выбросить, сообщить, найти, знать, спрашивать, назвать, писать и т. п.

ТВ. П. Взволнованное письмо завершалось неразборчивой подписью и номером телефона (Ю. Грибов); Обменялись телефонами, адресами... („Огонек“, 29/1973).

ПР. П. Впрочем, подлинность и этой фамилии вызывает у нас серьезные сомнения, как и Одесского адреса этого типа, не говоря уже о телефоне в Москве (А. Адамов).

ИМ. П. — 12,7%, РОД. П. — 8%, ДАТ. П. — 0%, ВИН. П. — 70%, ТВ. П. — 8%, ПР. П. — 1,6%.

б) *Жители района — район, население Болгарии — Болгария, жильцы дома — дом* и т. п., напр.: С утра, разбившись на звенья, колхозники вели жаркое соревнование: семья с семьей,

двор с двором, улица с улицей („Правда“, 4. VIII. 1976); — Деревья сажают на поляне. Два самосвала привезли. *Оба дома* вышли (Р.-Г., 21/1976); Там записаны адреса почти всего города („Крокодил“, 31/1976).

в) *Окошко выдачи — выдача, гнездо зажигания — зажигание, аромат луга — луг, запах цветов — цветы, воздух тайги — тайга, набережная Мойки — Мойка* и т. п.: Ключи торчали в *зажигании* (из устной речи); Бросились *на выдачу*, но микстуру уже унесли (П. Нилин); Были в квартире Пушкина *на Мойке* (из устной речи).

6. Словосочетания, в которых зависимое слово уточняет и конкретизирует значение главного слова.

а) Зависимое слово называет наименование почетного звания, обозначенного главным словом, напр.: *Звание Героя Социалистического Труда* Ганне Юрчишин присвоили в сентябре 1973 года (К. ж., 9/1976); Все ваши награды вспомнили, а тут еще и *Героя* присвоили („Огонек“, 10/1973); *Героя* дают за подвиг и еще *Героя* дают за преданность людям („Огонек“, 10/1973). По этому образцу образуются все стяжения этого типа, напр.: *звание мастера спорта — мастер спорта, звание кандидата — кандидат, звание старшего сержанта — старший сержант, звание лауреата — лауреат* и т. д.: Ты только подумай, — говорила она, — папа, наверное, получит *капитана*. Его аттестовали *на майора*, но он говорит, что получит *капитана* (Б. Балтер); Ну, защити у диссертацию, дадут мне *младшего*. А дальше? („Нева“, 12/1974).

б) *концерт самодеятельности — самодеятельность, курс психиатрии — психиатрия, экзамен летней сессии — летняя сессия, тема разговора — разговор, процесс опрощения — опрощение, праздник Первого мая — Первое мая* и т. п.: Мне интересно пойти *на самодеятельность* нашего института (из устной речи); ... ведь они так недавно слушали психиатрию, держали экзамен, — откуда же это круглое невежество? (А. Чехов); А теперь *на май* опять та же история — два поздравления! (В. Карбовская); Вы меня спрашиваете, почему это я *на Восьмое марта* стою и посуду мою (М. Билкун).

в) Зависимое слово стоит в творительном падеже, напр.: *испытание огнем — огонь, испытание фронтом — фронт* и т. п.: Она очень верила собственному мужу — человеку серьезному, нельюшему, прошедшему *фронт*... („Юность“, 4/1976).

7. Словосочетания, обозначающие предмет или лицо и его качественную характеристику, напр.: *человек большого ума — большой ум, вагон третьего класса — третий класс* и т. п.: *Какой талант* мы потеряли! (из устной речи); Детей замучила, дура одного на пианинах замучила, другую на фигурное катание записала (В. Шукшин).

8. Словосочетания, выражающие отношение признака и его

носителя, напр.: *надеждность потолка — потолок*; Блюстители порядка и закона в городке Шекино больше обеспокоены проблемой *потолка*, чем *пола*, — успеть бы вовремя вернуться из рядных кусков штукатурки... („Крокодил“, 6/1977).

III. 2. Словосочетания с предложным именным примыканием

1. Словосочетания с предлогом ИЗ, выражающие отношение к материалу, напр.: *изделия из хрустала — хрусталь, костюм из кримплена — кримплен* и т. п.: Ты, кажется, обзаводишься *хрусталами* (Л. Беляева); И вот в такой драматический момент этот А. Иволгин *в своем, извините, замызганном кримплене* допускает одну за другой целый ряд оплошностей („Известия“, 4/1976).

2. Словосочетания с предлогом ПО, выражающие отношения ограничения, напр.: *разговор по телефону — телефон, экзамен по биологии — биология, урок по математике — математика, лекция по химии — химия, учебник по химии — химия, музыка по радио — радио* и т. п.: Вчера сдал *физику* на четыре (Л. Варова); *Практический курс* сдавали? (из устной речи); — Я бы на *математику* вовсе ходить не стала („Неделя“, 3/1976); *География* будет в ауд. 307 (объявление на двери аудитории).

3. Словосочетания с зависимым словом в винительном падеже с предлогом НА, выражающие отношения назначения, напр.: *заплатить за билет на поезд — заплатит за поезд, выбить чек на ужин — выбить ужин, состязания (соревнования) на первенство (Кубок) — первенство (Кубок)* и т. п.

ИМ. П. *Кубок* нужен, но для национальных команд, а не континентов („Юность“, 11/1976).

РОД. П. Не зря Олег был призером *первенства* Союза („Юность“, 1/1976).

ДАТ. П. Алхимов хорошо знал этого молодого, способного судью, впервые *допущенного к первенству* мира („Юность“, 11/1976).

ВИН. П. Рассказывают, что Баев вовремя уклонился на отборочных, а не то ехать бы ему первым номером *на первенство* Центрального совета („Юность“, 1/1976).

ТВ. П. *Перед* предстоящим *первенством* он чувствовал себя уверенным и спокойным (из кинофильма).

ПР. П. Его *нокаутировали на первенстве* профсоюзов („Юность“, 1/1976).

ИМ. П. — 11%, РОД. П. — 39%, ДАТ. П. — 11%, ВИН. П. — 16%, ТВ. П. — 1%, ПР. П. — 5%.

4. Словосочетания с предлогом ЗА, выражающие отношения определительно-пространственные, напр.: *люди за столом — стол, беседа за круглым столом — круглый стол* и т. п.: Фотография обошла *стол* (П. Кочурин); *Стол* словно взбесился („Крокодил“, 3/1976).

5. Словосочетания с предлогом С

а) Зависимое слово называет предмет как сопровождающий характерный признак другого предмета, напр.: *часы с кукушкой — кукушка, человек с бородой — борода, мужчина с широкой спиной — широкая спина, коробка с отказами — отказы* и т. п.: Лиза качает своей пышной красивой прической („Юность“, 8/1976); В *отказах* посмотрите (в библиотеке); Что, и с работы она не задерживается? И *мужские голоса* ей не звонят? (Л. Г., 8. X. 1975); — Вот и новое, вот и интересное, *борода!* (Л. Беляева).

б) Зависимое слово называет содержимое, а главное — содержащее, напр.: *бутылка с вином — вино, банка с вареньем — варенье*: Откройте *вино!*; Открой *сгущенку* (из устной речи).

в) Зависимое слово называет предмет, с которым что-нибудь связано, напр.: *инцидент с машиной — машина, история с письмом — письмо*: — Ну, кто же придумал *с письмом?* (из кинофильма).

6. Словосочетания с предлогом В

а) Зависимое слово называет предмет, наличие которого составляет внешний признак предмета, названного главным словом, напр.: *мужчина в шляпе — шляпа, женщина в сером джерси — серое джерси* и т. п.: Ловите *белого башлыка* (из кинофильма); Человек склонил голову к плечу и улыбался из-под козырька высокой фуражки *серому джерси* (Л. Беляева).

б) Словосочетания, выражающие определительно-пространственные отношения, напр.: *голос в трубке телефона — трубка или телефон, табак в трубке — трубка, люди в городе — город, работа в комиссии — комиссия, занятия в самодеятельности — самодеятельность* и т. п.: ... *Трубка* говорила теплым гроссмайстерским баритоном (Л. Г., 10. XII. 1975); Он курит *трубку*; Мы с Нинкой заявление на *Варну* подали („Крокодил“, 2/1976).

7. Словосочетания с зависимым словом в предложном падеже с предлогом НА

а) Словосочетания, в которых предмет определяется по тому предмету, который составляет его внутреннюю или нижнюю сторону, напр.: *туфли на платформе — платформа, гарнитуры на прямых ножках — прямые ножки*: — Пройдите, пожалуйста, в зал, там имеются спальные гарнитуры на прямых ножках. Пожалуйста! — Сам спи, Паша, на *прямых ножках* („Крокодил“, 28/1976).

б) Словосочетания с предлогом НА, в которых выражаются определительно-пространственные отношения, напр.: *люди на скамейке — скамейка, люди на подводе — подвода, полки на стене — стена, работа на бюро — бюро, записи на обеих дорожках — обе дорожки*: А скамейка все говорит, говорит... (М. Левитин); Обе дорожки прослушал? (из устной речи).

Помимо приведенных выше групп и подгрупп существуют

также конденсаты, включающие в себя семантику комбинированного словосочетания. Они образованы от словосочетаний, полученных на основе разных типов связей.

Сообщаю тебе самые последние новости по *Тульчевскому* (Р.-Г., 9/1976) (вм. по вопросу об экспедиции Тульчевского).

Надо Литвина предупредить, а с *решением о Дашко* согласиться (из газет) (вм. с решением о принятии Дашко в кандидат-члены партии).

Он взглянул на *отметку бензина* (из газет) (вм. на отметку прибора, учитывающего расход бензина).

Права сдавали (из устной речи) (вм. экзамен на получение водительских прав).

Дашь поручение в *Пензу*. Пусть допросят (А. Адамов) (вм. о отделение милиции города Пензы).

Запросим в этот *город*? (А. Адамов) (вм. органы милиции этого города).

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПО УПОТРЕБИТЕЛЬНОСТИ

Нами собраны 2000 русских примеров семантико-синтаксического стяжения указанных словосочетаний. Из них наиболее частотны в речи конденсаты, образованные от словосочетаний с именным примыканием — 59%. Сюда относятся почти все общеязыковые метонимии и большое количество свежих индивидуальных образований. Второе место по употребительности занимают конденсаты от словосочетаний со слабым управлением — 26%. Из них 16% приходится на конденсаты „наименования органов“, организаций вместо их заседаний, собраний и т. п.". Следовательно, и в этом разделе велико количество общеязыковых метонимий. Третье место принадлежит конденсатом, образованным от словосочетаний, полученных на основе сильного управления — 15%. Сюда относятся очень интересные, иногда неожиданные стяжения, индивидуальные, присущие только разговорному стилю, а также чисто синтаксические сочетания типа *два молока*.

ВЫВОДЫ

1. Вышеприведенная классификация словосочетаний с эллипсисом главного слова, а также произведенные на ее основе количественные подсчеты доказывают и подтверждают основную мысль, высказанную в этой статье, а именно: если метонимии-стяжения рассматривать с точки зрения грамматики, они ничем не отличаются от остальных типов семантико-синтаксического стяжения, потому что абсолютно употребляется только тот член словосочетания, который, во первых, обладает четко направленной сочетаемостью, во-вторых, входит в устойчи-

вый контекст. Чем более сильна связь этого компонента с его обычным спутником, тем распространеннее, употребительнее полученный конденсат.

2. Конденсаты, образованные от словосочетаний, полученных на основе разных типов связи — сильного, слабого управления и именного примыкания — характеризуются неодинаковой частотностью в речи. Это объясняется самой природой синтаксической связи, обеспечивающей разные возможности стяжения в различных типах рассмотренных словосочетаний. При всех типах связи зависимое слово в силу своей подчиненности главному обладает обязательной сочетаемостью. В словосочетаниях с именным примыканием и слабым управлением главный компонент обладает факультативной сочетаемостью, вследствие чего стяжение возможно только в сторону зависимого компонента, т. е. конденсатом всегда становится зависимое слово. В словосочетаниях с сильным управлением, где и главное, и зависимое слово характеризуются обязательной сочетаемостью, конденсатом может стать или главное, или зависимое слово в зависимости от наличия или отсутствия следующего условия стяжения — регулярности связи элемента с его обязательным окружением. Если главное слово многофункционально, обладает широкой выборочной сочетаемостью, если у него отсутствует постоянная направленность на элементы его обязательного окружения, оно не может стать конденсатом. В таких случаях абсолютно может употребляться только зависимое слово. И наоборот. Поскольку нами рассматриваются только словосочетания с эллипсисом главного слова, то вполне закономерно количественное преимущество стяжений от словосочетаний с именным примыканием и слабым управлением.

3. Что касается количественного несоответствия конденсатов внутри этих двух групп (ср.: от именного примыкания 59%, от слабого управления 26%, „наименования органов...“ 16% и т. д.), оно объясняется разной степенью употребительности исходных словосочетаний в речи, обусловленной их неодинаковой общественной значимостью.

4. Большое и длительное употребление конденсатов в речи — важный фактор изменения семантики слова, что находит отражение в толковых словарях. Вследствие большой активности процесса семантико-синтаксического стяжения в наши дни возникает необходимость справляться о значении некоторых конденсатов, главным образом профессионализмов. Все более нужным становится, думается, создание новых словарей, отражающих не результаты семантико-синтаксического стяжения — новые значения слов, а только регулярные словоупотребления. В существующих словарях они не всегда и не последовательно отражаются. Нет единого критерия отбора подобного материала.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. А. Адамов — Аркадий Адамов
2. Н. Асанов — Николай Асанов
3. Л. Беляева — Лилия Беляева
4. Ю. Бельчиков — Юрий Бельчиков
5. М. Билькун — Михаил Билкун
6. Л. Варова — Людмила Варова
7. И. Гончаров — Иван Гончаров
8. Ю. Грибов — Юрий Грибов
9. Б. Егоров — Борис Егоров
10. из ж. ж. р. — из живой разговорной речи
11. В. Карбовская — Валентина Карбовская
12. К. ж. — ж. „Комсомольская жизнь“
13. К. пр. — газета „Комсомольская правда“
14. М. Левитин — Михаил Левитин
15. Л. Г. — „Литературная газета“
16. Вл. Надеин — Владимир Надеин
17. П. Нилин — Павел Нилин
18. Р.-Г. — „Роман-газета“
19. „Сов. спорт“ — газета „Советский спорт“
20. Ц. Солодарь — Цезарь Солодар
21. В. Солоухин — Владимир Солоухин
22. М. Фомина — Марта Фомина
23. А. Чехов — Антон Чехов
24. В. Шукшин — Василий Шукшин

ВЪПРОСИ НА МЕТОНИМИЯТА И СЕМАНТИКО-СИНТАКТИЧНОТО СВИВАНЕ

Николина Енчева

(Резюме)

Предлаганата работа отразява нашето разбиране за взаимоотношенията между метонимията и семантико-синтактичното свиване на словосъчетанията. Тя разглежда метонимията от семантична и граматична гледна точка и показва кои нейни прояви могат да се интерпретират като семантико-синтактично свиване.

За изясняване спецификата на семантико-синтактичното свиване се предлага анализ на синтактичните отношения в изходните словосъчетания, разкриващ връзката между строежа на словосъчетанието и това, кой от компонентите му изпада и кой приема върху себе си неговите функции. Наблюденията върху кондензатите от субстантивно-субстантивни словосъчетания, систематизирани в приведената класификация, потвърждават правилността на нашия подход към семантико-синтактичното свиване, като подкрепят резултатите на структурния анализ.

QUESTIONS SUR LA METONYMIE ET LE RETRECISSEMENT SEMANTICO-SYNTAXIQUE

Nicolina Entchéva

(Résumé)

Le travail de recherche proposé reflète nos conceptions sur les relations entre la métonymie et le rétrécissement semantico-syntaxique des groupes de mots. Il traite la métonymie du point de vue sémantique et grammatical et il montre ces manifestations qui peuvent être interpréter comme un rétrécissement sémantico-syntaxique.

Pour éclaircir la spécificité du rétrécissement sémantico-syntaxique on propose une analyse des rapports syntaxiques dans les groupes de mots initiaux qui révèle la liaison entre la construction des groupes de mots et quelle est la partie qui tombe et celle qui accepte ses fonctions. Les observations sur les condésats des groupes de mots substantif + substantif, systématisées dans la classification proposée confirment l'exactitude de notre méthode concernant le rétrécissement sémantico-syntaxique en confirmant les résultats de l'analyse structurale.

ТРУДОВЕ НА ВЕЛИКОТЪРНОВСКИЯ УНИВЕРСИТЕТ
„КИРИЛ И МЕТОДИЙ“

Том XVI, кн. 2

Филологически факултет

1979/1980

TRAVAUX DE L'UNIVERSITÉ „CYRILLE ET METHODE“
DE V. TIRNOVO

Tome XVI, livre 2

Faculté philologique

1979/1980

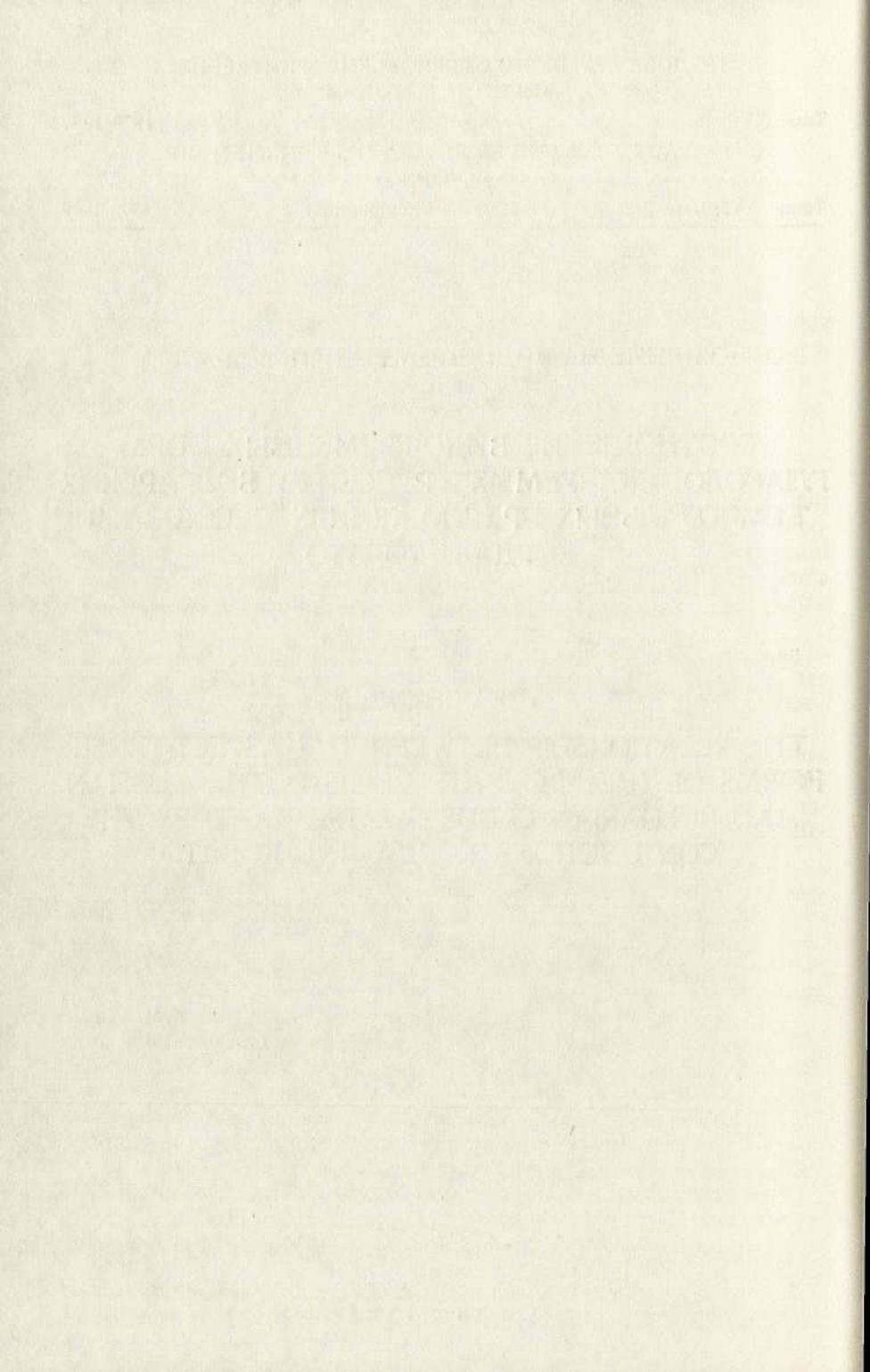
ВЕРА ЧЕНЕВА

СООТНОШЕНИЕ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ФОРМ
ГЛАГОЛОВ-СКАЗУЕМЫХ В РУССКИХ И БОЛГАРСКИХ
ТЕМПОРАЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С СОЮЗАМИ
КОГДА И КОГАТО

VERA CHENEVA

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE ASPECT-TENSE
FORMS OF THE PREDICATE VERBS IN THE RUSSIAN
AND BULGARIAN CLAUSES INTRODUCED BY THE
CONJUNCTIONS КОГДА AND КОГАТО

София 1981

1. 1. В настоящей работе рассматривается соотношение видо-временных форм глаголов-сказуемых в русских темпоральных предложениях с союзом *когда* в сопоставлении с соотношением видо-временных форм глаголов-сказуемых в темпоральных предложениях с союзом *когато* в болгарском языке. Актуальность такой работы как для сопоставительного описания синтаксиса обоих языков, так и для целей преподавания русского языка болгарам и болгарского языка русским, а также и для практики перевода определяется неизученностью проблемы и богатством темпоральной системы глагола в болгарском языке, чем обусловлено более дифференцированное выражение соотношений между действиями во времени по сравнению с русским языком.

Русские и болгарские темпоральные предложения имеют большое сходство, которое проявляется в общности значений, выражаемых ими, в той роли, которую в обоих языках играет категория вида глаголов-сказуемых и в том, какую позицию может занимать придаточная часть относительно главной. Но наряду с чертами сходств существуют и различия, которые касаются самой структуры сложноподчиненного предложения, в особенности употребления видо-временных форм глаголов-сказуемых главной и придаточной частей, что объясняется сохранением в болгарском языке общеславянской системы времен и совсем ограниченным (по сравнению с русским языком) употреблением категории инфинитива.

В процессе исследования мы ставили перед собой следующие задачи:

1) Выделить семантические разновидности русских и болгарских темпоральных сложноподчиненных предложений с союзами *когда* и *когато* с учетом смысловых отношений, складывающихся между их частями;

2) Выявить расхождения в употреблении видо-временных форм, обусловленные развернутой системой времен в болгарском языке.

Соотношение видо-временных форм глаголов-сказуемых в русских и болгарских темпоральных предложениях описывается в ряде работ советских и болгарских лингвистов¹, однако в со-

¹ В. С. Хализева, Значение временных союзов и комбинирование видо-временных форм глаголов-сказуемых в современном русском языке. АКД.

поставительном плане до настоящего времени этот вопрос не рассматривался.

1. 2. Поскольку мнения в понимании семантической сущности категорий вида, времени, видо-временных форм расходятся, считаем необходимым изложить ту точку зрения на указанные категории, на которую будем опираться.

Из разных точек зрения на глагольный вид нами принимается та, согласно которой категория вида представляет собой бинарную привативную оппозицию, маркированным членом которой является совершенный вид, сигнализирующий о недлительной целостности действия. Такую концепцию семантики глагольного вида отстаивает А. В. Бондарко, который считает, что определение значения вида, основанное на понятие внутреннего предела², и определение, базирующееся на понятии целостности действия³, не исключают друг друга. „Действие, представленное в его целостности, тем самым ограничено внутренним пределом“⁴.

Категория времени служит для локализации во времени того действия, которое обозначено глаголом. Граммы этой категории выражают различные типы отношений между временем действия и временем высказывания о нем, т. е. моментом речи. Содержание грамматической категории времени, выражаемой глагольными формами, и шире — конструктивно — синтаксическим способом, составляет отношение времени названных в речи действий, событий к точке отсчета. Значения предшествования, одновременности и следования по отношению к точке отсчета — это и есть основное значение глагольных форм прошедшего, настоящего и будущего времени⁵. Кроме этих основных времен, болгарская глагольная система располагает еще шестью временами, семантика которых будет раскрыта по ходу изложения.

Видо-временные формы глаголов-сказуемых — это

М., 1970; А. З. Скрипниченко, Координация временных планов частей сложноподчиненных предложений и синтаксическая функция морфологических форм времени глагола. АКД. М., 1971; Ш. К. Кадиров, Аспектуальная характеристика временных сложноподчиненных предложений в современном русском языке. АКД. М., 1974; Э. Г. Никитина, Система временных сложноподчиненных предложений в современном русском языке. АКД. М., 1973; Е. И. Захаревич, Некоторые особенности временных сложноподчиненных предложений в современном русском языке. Уч. зап. ЛГУ, 1958, № 250, Серия филолог. наук, вып. 44, с. 115—139; А. Лазарова, Структурно-семантическая характеристика на сложните изречения с темпорални връзки в съвременния книжовен български език. АКД. С., 1972.

² См. В. В. Виноградов, Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1947, с. 497.

³ См. Ю. С. Маслов, Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. М., 1959, с. 307—312.

⁴ См. Ю. С. Бондарко, Вид и время русского глагола. М., 1971, с. 18.

⁵ См. Ю. С. Маслов, Введение в языкознание. М., 1975, с. 210.

грамматические формы вида и времени, которые объединяются и различаются по отношению к видовым, временным и видо-временным семантическим признакам, причем видовые, временные и видо-временные значения взаимодействуют, оказываются тесно связанными друг с другом. „Это и дает основание говорить не только о формах времени и о формах вида, но и о видо-временных формах“⁶.

Вопрос о модальных характеристиках частей сложного предложения в работе не ставится. Он требует специального исследования, особенно если иметь в виду болгарские пересказывательные формы, которые комбинируются с остальными формами изъявительного наклонения, подчиняясь определенным закономерностям. В исследовании рассматриваются только конструкции с финитными глагольными формами. Сочетанию глаголов-сказуемых с наречными аспектуальными показателями специальное внимание не уделяется, так как исследуется соотношение видо-временных форм, а не аспектуальные значения предикативных единиц. Специально отмечаются те случаи, когда наречные показатели становятся релевантными признаками определенных структур. Объектом исследования являются только темпоральные конструкции с союзами *когда* и *когато*. Попутно отмечаются оттенки — причинно-следственные, условные, которые наслаиваются на основное временное значение. Вне поля зрения остаются конструкции с указанными союзами, выражающие условные и атрибутивные отношения.

1. 3. В настоящем исследовании мы опираемся исключительно на языковую реальность, используя в качестве речевой реализации структурно-семантических разновидностей примеры из художественной литературы. Основное внимание направлено на конструкции с типичными, регулярными комбинациями видо-временных форм.

Иллюстративный материал взят из произведений русских и советских писателей и их переводов на болгарский язык и из произведений болгарских писателей и их переводов на русский язык.

Правомерность использования переводов в качестве лингвистического источника не нуждается в доказательстве. Сопоставительные переводческие исследования занимают особое место в сопоставительном языкознании. Перевод по существу представляет собой межъязыковое перефразирование, поскольку сущность внутриязыкового перефразирования заключается в изменении поверхностной (формальной) структуры предложения при сохранении в неизменном виде его семантической структуры.

1. 4. Возможность комбинирования видо-временных форм глаголов-сказуемых главной и придаточной частей сложнопод-

⁶ А. В. Бондарко, Вид и время..., с. 60.

чиненного предложения с придаточным времени всегда связана с частным лексическим значением союзов. Союз *когда* и его болгарский семантический и функциональный эквивалент *когато* относятся к союзам недифференцированного значения. Они вносят в предложение общее значение соотнесенности двух действий во времени, не определяя характера этой соотнесенности. Этим объясняется их возможность употребления в предложениях со значением одновременности, следования и предшествования. Но указанные значения целиком определяются комбинацией видо-временных форм и их синтагматической сочетаемостью с некоторыми лексическими элементами структуры.

В работе приняты следующие обозначения видо-временных форм: прошедшее несовершенное — ПН, прошедшее совершенное — ПС, настоящее несовершенное — НН, будущее несовершенное — БН, настоящее-будущее совершенное — БС. Так как в сложноподчиненных предложениях с семантическими союзами, к которым относятся и временные, определяющим является временной план придаточной части, соотношение видо-временных форм рассматривается в таком порядке: слева глагол-сказуемое придаточной части, справа главной.

2. 1. Комбинация ПН — ПН многозначна. Предложения с указанной комбинацией видо-временных форм выражают полную одновременность между действиями главной и придаточной частей. Глаголы несовершенного вида выступают в конкретно-процессном значении. Темпоральная форма прошедшего времени — в частном значении конкретного единичного действия⁷. Но значение действия, представленного в прошлом в процессе его протекания, обусловлено контекстом или наличием лексических и грамматических элементов, указывающих на то, что действия происходили *одновременно*. Напр.:

Я сопровождал твою жену, — этому уже лет двадцать, — когда она возвращалась от родных (А. Беляев, Человек-амфибия). — Аз придружавах жена ти — оттогава има вече двадесет години, — когато тя се връщаше от домашните си⁸; Странные ощущения волновали Берсенева, когда он возвращался домой в тот вечер (И. Тургенев, Накануне). Странни чувства възникваха Берсенева, когато се връщаше в къщи тази вечер.

2. 2. Комбинация ПН — ПН выражает значение повторяющейся полной одновременности. Это очень продуктивный тип. Формы несовершенного вида функционируют в неограниченно-кратном значении. В передаче повторяемости и обычности прошедших действий участвуют лексические элемен-

⁷ При темпоральной и аспектуальной характеристике действий пользуются терминологией А. В. Бондарко. (См. Вид и время...)

⁸ В конце работы приложен список источников, в котором указаны переводчики русских и болгарских подлинников.

ты кратности типа: *по ночам, вечером, время от времени, обычно, часто* и т. п. Напр.:

Он *всегда* брал его с собой, когда ходили на лыжах. (Ф. Вигдорова, Семейное счастье). — *Винаги* го *вземаше* със себе си, когато *отиваше* на ски; Когда Глеб *играл* против Саши, он *обычно* *мазал* и нарочно *проигрывал* (К. Паустовский, Далекие годы). — Когато Глеб *играеше* срещу Саша, той *обикновено* *бъркаше* и нарочно *губеше*; Они не заставляли ее *работать*, не *звали* с собой *по утрам*, когда *шли* в поле жать. — Те не я *караха* на работа, сутрин не я *викаха* с тях, когато *тръгваха* на жътва (Ел. Пелин, Гераците).

Нередко повторяющиеся обычные действия имеют квалифицирующий оттенок. Ср.:

Когда Берсенева *говорил* с женщиной, речь его *становилась медлительнее* и он еще более *прищипывал* (И. Тургенев, Накануне). — Когато Берсенева *говореше* с жена, *говорът* му *ставаше по-бавен* и още по-силно *почваше да фъфли*.

Когда в придаточной части есть глагол, содержащий элемент законченности, прекращения действия и наличия его результата, тогда конструкциями с комбинацией ПН — ПН выражается значение повторяющегося следования.

Ночами, когда *прекращалась* толкотня в обоих залах буфета, внизу, в кладовушках кухни, *собирались* официанты (Н. Островский, Как закалялась сталь). — *Нощем*, когато *навалицата* в двете зали на буфета *преставаше*, келнерите *се събираха* долу, в буфета на кухнята; Когда Цесарский *приезжал* в село, там немедленно *выстраивались* очереди на прием (Дм. Медведев, Сильные духом). — Когато Цесарски *се отбиваше* в някое село, там *тукатси се струпваше* опашка за преглед.

В конструкциях этого типа на временные отношения наслаиваются оттенки причинно-следственных отношений. При рассмотрении действий в новом аспекте — суммарности, повторяемости, периодичности — вся сложная синтаксическая единица лишается (хотя и не в полной мере) хронологической характеристики. Придаточная часть приобретает квалифицирующее значение условия, причины, главная тоже имеет обобщенный, в некоторой степени типизированный характер⁹.

Во всех приведенных выше примерах ПН функционирует в имперфектном значении с его двумя разновидностями: ПН конкретного единичного действия и ПН повторяющегося и обычного действия, а несовершенный вид выступает в первом случае в конкретно-процессном, а во втором — в неограниченно-кратном

⁹ См. С. Георгиев, Сложно составное изречение с подчинено обстоятельством за условие. В кн.: Трудове на ВПИ „Братя Кирил и Методий“, т. 6, 1968/69, с. 208.

значении. Формы ПН передаются на болгарский язык формами актуального (для передачи единичных действий) и обобщенно-го (для передачи повторяющихся действий) имперфекта¹⁰.

При анализе материала было замечено следующее. Очень часто комбинация ПН—ПН, обозначающая повторяющееся следование действий друг за другом, передается в болгарском языке другим соотношением форм глаголов-сказуемых, а именно имперфект совершенного вида — имперфект несовершенного вида. Совершенный вид глагола придаточной части выступает в наглядно-примерном значении, несовершенный вид в главной в неограниченно-кратном. И наоборот: комбинацией ПН—ПН передается соотношение болгарских видо-временных форм имперфект совершенного вида — имперфект несовершенного вида.

Когда я *приносил* хлеб, женщины подозрительно *осмотривали* его (М. Горький, В людях). — Когда *занесях* хляба, *жените* го *оглеждаха* подозрительно; Нощите бяха топли, толкова топли, че когато *духнеше* ветрец, изпитвахме най-голямо удоволствие (А. Карасимеонов, Обич). — Ночи стояли теплые, такие теплые, что, когда *задувал* ветерок, он *доставлял* нам великое удовольствие¹¹.

В приведенных выше болгарских конструкциях на месте форм имперфекта совершенного вида свободно могут быть употреблены и формы имперфекта несовершенного вида, так как здесь имеет место конкуренция видов, „не сопровождаемая изменением основного смысла высказывания (изменяются лишь оттенки выражения этого смысла)“¹². В данном случае имеем дело с конкуренцией неограниченно-кратного значения несовершенного и наглядно-примерного значения совершенного вида.

В функциональном отношении формы имперфекта совершенного вида в придаточной части обладают большей выразительностью. „При использовании форм совершенного вида (совершенного настоящего или совершенного имперфекта) действие выражается „пластически“, на наглядном примере отдельного акта; при использовании несовершенных форм... „пластичность“ и „наглядность“ изображения отсутствуют, соотношение двух действий в повторяющемся цикле или ряда дейст-

¹⁰ В настоящей работе мы придерживаемся традиционной точки зрения на семантику имперфекта, согласно которой это относительное время, выражающее действие, происшедшее одновременно с прошедшим ориентационным моментом.

¹¹ Подробнее о функционировании форм имперфекта совершенного вида и о способах передачи их на русский язык см. в работе М. Леонидовой „Имперфект совершенного вида в болгарском языке и способы его передачи на русский язык“. — В кн.: Материалы Международного методического семинара — VI, М., 1966.

¹² См. А. В. Бондарко, Вид и время..., с. 36.

вий в повторяющейся цепи оказывается выраженным в более общей и „сухой“ форме¹³.

2. 3. Формой ПН с аористическим значением обозначается лишь самый факт того, что действие происходило или что оно не имело места. Конструкциями с комбинацией ПН—ПН, в случаях, когда несовершенный вид выступает в обобщенно-фактическом значении (как конкурент совершенного вида в конкретно-фактическом), обозначаются действия конкретные, одновременно совершившиеся в прошлом. Напр.:

Я видел хозяйна только один раз, когда платил деньги (А. Грин, Бегущая по волнам). — Видях хазайна само веднъж, когато му платих; Нас с тобой не спрашивали, когда посылали (Ф. Вигдорова, Любимая улица). — Нас с тебе не ни питаха, когато го изпращаха; Я тогда на месте Елкина работал и документы твои готовил, когда принимали (К. Симонов, Живые и мертвые). — Тогава работех на мястото на Йолкин и изготвах документите ти, когато те приемаха.

ПН с аористическим значением передается в болгарском языке формами несовершенного аориста (ср. видях, питаха), аориста совершенного вида (платих), имперфекта несовершенного вида (изготвах, приемаха). Такое разнообразие вариантов передачи формы ПН с аористическим значением на болгарский язык объясняется, на наш взгляд, с одной стороны, конкуренцией указанных частных значений обоих видов, которой в одинаковой мере характеризуются сопоставляемые языки, и, с другой, отмеченным Ю. С. Масловым сравнительно редким употреблением форм аориста несовершенного вида.

Вопрос о передаче болгарского аориста несовершенного вида на русский язык подробно рассмотрен М. Леонидовой¹⁴.

2. 4. Перфектное значение глаголов несовершенного вида в русском языке раскрывается только в контексте при так называемом „соотносительном“ (по В. В. Виноградову) или „абсолютном употреблении времен с дополнительной относительной ориентацией“ (по А. В. Бондарко). На этом акцентирует внимание и Н. С. Поспелов: „Значения форм прошедшего времени опознаются в составе высказываний, а не в рамках грамматически очерченных предложений“¹⁵. Болгарский материал предлагает примеры на употребление перфектных форм от глаголов несовершенного вида. Они предпочитают говорящим в

¹³ Ю. С. Маслов, Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959, с. 271.

¹⁴ М. Леонидова, Передача аориста несовершенного вида в болгарском языке на русский язык. — В: „Бюлетин за съпоставително изследване на българския език с други езици“. 1977, кн. 6, с. 71—78.

¹⁵ Н. С. Поспелов, О значении форм прошедшего времени на -л в русском литературном языке. Уч. зап. МГУ, вып. 128, кн. I, 1948, с. 119.

тех случаях, когда безразлично время совершения, протекания действия, когда интерес вызывает только наличие факта в оторванности от конкретного момента осуществления, т. е. на первый план выступает неопределенность, нелокализованность действий во времени. Напр.:

— А где мы *были*, когда Христос по земле *ходил*? ((М. Горький, Бывшие люди). — А къде *сме били*, когато Христос *е скитал* по земята?; Вы же, когда *сдавали* кандидатский минимум, вы же не *„катили“* бочку на профессора (В. Шукшин, Сирезал). — Когато *сте се явявали* на кандидатски минимум, *не сте разтягали* локуми пред професора, нали? Так же *волновались* нибелунги, когда Гаген фон Тронье *сражался* с сыном Кримгильды. — Така *са се вълнували* нибелунгите, когато Хаген фон Тронне *се е сражавал* със сина на Кримхилда (Д. Димов, Тютюн).

В последних двух примерах в семантике болгарского перфекта четко выступает элемент предположительности¹⁶.

В интересах объективности представления иллюстративного материала следует отметить еще одну разновидность соотношения видо-временных форм при передаче на болгарский язык конструкции с ПН—ПН. В придаточной части имперфект, в главной — перфект, обозначающий предположительное или нелокализованное во времени действие. Точнее, оно локализовано действием придаточной части, но для говорящего важен сам факт его реализации, безотносительно к его темпоральной характеристике. Напр.:

(Кузнецов) — Значит, *сидел* здесь в теплой хате и семечки *грыз*, когда „мессера“ эшелон *обстреливали*? (Ю. Бондарев, Горячий снег). — Значи, *седял си* тук в топлата стая и семечки *си чоплил*, когато „месерите“ *обстрелваха* ешелона?; Я его *видела*, когда он уже совсем духовно *истлевал*... (М. Горький, Жизнь Клима Самгина). — *Виждала съм го*, когато вече съвсем *изгявяше* духовно...

В русском языке формами глаголов несовершенного вида плюсквамперфектное значение проявляется только при соотносительном употреблении времен. Поэтому комбинация ПН—ПН

¹⁶ Против изложенной выше семантической интерпретации болгарского перфекта решительно возражает И. К. Бунина. При построении модели болгарских времен она исходит из того, что главным значением перфекта является значение предшествия действиям, выраженным формами настоящего времени. Это значение она считает единственным значением этой формы (см. И. К. Бунина, История глагольных времен в болгарском языке. М., 1970, с. 118—138). Мы придерживаемся точки зрения на семантику перфекта, изложенной в работах Л. Андрейчина, Основна българска граматика. С., 1944, с. 238 и Към характеристиката на перфекта (минало неопределено време) в българския език. Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов. С., 1957, с. 58 и В. Станкова, Българските глаголни времена. С., 1966, с. 23.

используется для передачи на русский язык болгарских конструкций, в которых одновременность двух действий в прошлом передана соотношением форм: имперфект несовершенного вида — плюсквамперфект. Форма имперфекта репрезентует действие, служащее фоном, на котором осуществляется действие, выраженное формой плюсквамперфекта. И имперфектная и плюсквамперфектная форма обозначают действия второго плана¹⁷, которые относятся к такому прошедшему относительно периоду, для которого моментом отсчета (ориентационным моментом) служат действия, обозначаемые формами аориста. Семантика сложноподчиненного предложения этого типа раскрывается полностью только в широком контексте. Ср.:

Она часто *встречала* его возле петроградской предварилки, когда *доводилось* носить Акимову передачи (Г. Марков, Сибирь). — Часто го *бе срещала* в предварителния затвор, когато носеше храна на Акимов; Такого *не бывало* ни у Хайни, ни у Фриула, когда они украдкой *срывали* с нее поцелуй. — Нито Хайни, нито Фриул *не бяха имали* такова изражение, когато *си открадваха* по някоя целувка от нея (Ст. Дичев, Пътят към София).

В конструкциях типа вышеприведенных раскрывается богатство болгарской временной системы, способность болгарских темпоральных форм передавать сложнейшие взаимоотношения действий во времени. Если соотношение между действиями рассматривается в пределах сложного предложения, то можно говорить о некотором параллелизме между ними, т. е. одно из действий, выраженное имперфектом несовершенного вида, обозначает период, отрезок времени, на который проецируется другое действие, выраженное формой плюсквамперфекта. Ср.: *Бях го виждал*, когато той *учеше* в университета (Я его видел, когда он *учился* в университете). А в рамках эпизода, в котором формы аориста (или ПС) обозначают действия первого плана, ведут повествование, вся конструкция обозначает действие второго плана, действие преждепрошедшее. Формы имперфекта в таких контекстах тоже выступают в значении преждепрошедшего¹⁸.

3. 1. Комбинацией видо-временных форм ПС—ПС обычно обозначается единичное следование действия, названного в главной части, за действием придаточной. Форма совершенного вида, обозначая конкретный единичный факт, выступает в конкретно-фактическом значении. Напр.:

Когда докторша *опустилась* на колени перед кроватью умершего ребенка и ею *овладел* первый приступ отчаяния, в пе-

¹⁷ Об иерархии действия см. подробнее в указанной работе И. К. Буниной История глагольных времен..., с. 78—83.

¹⁸ См. И. К. Бунина, Указ. соч., с. 102.

редней резко *прозвучал* звонок (А. Чехов, Враги). — Когато докторшата *падна* на колене пред креватчето на умрялото дете и *беше овладяна* от първия пристъп на отчаяние, в антрето *рязко прозвуча* звънецът; Когда я *успокоился* и *перестал* плакать, мы *вошли* с мамой в здание гимназии (К. Паустовский, Далекіе годы). — Когато *се успокоих* и *престанах да плача*, *влязохме* с мама в зданието на гимназията; И когато он *прочитал*, съмнение Илья в том, что Павел сам сочинил стихи, *возросло* (М. Горький, Трое). — И когато го *прочете*, съмнението на Иля, че Павел сам е съчинил стиховете, още повече *нарасна*.

Конструкции с ПС в главной и придаточной частях передаются в болгарском языке формами аориста совершенного вида. „... със своята цялостност, единичност и особено със своята прекратеност — фактор, който се дължи на граматичното време... всяко действие в минало свършено време от свършени глаголи става способно да очертае ясно една определена точка в линията на времето, да отбележи отделен момент в тази линия“¹⁹. Вот почему в парной конструкции формами ПС и болгарского аориста совершенного вида передаются последовательные сменяющие друг друга действия.

3. 2. Несмотря на то, что основной закономерностью является выражение сочетанием форм совершенного вида отношения последовательности, в определенных условиях конструкциями с комбинацией ПС—ПС могут быть выражены и отношения одновременности. Имеются в виду случаи, когда глаголы обозначают действия, протекающие как бы параллельно, действия настолько „плотно“ соприкасающиеся во времени, что правильнее было бы говорить о совмещении значений последовательности и одновременности, т. е. о соотношении „последовательность + одновременность“. Это имеет место в случаях, когда логический субъект действий главной и придаточной частей один и тот же, или в случаях, когда действия выражены глаголами начинательного способа действия.

И когато она *встретила* улыбку Глеба, в глазах у нее вспыхнула испуганная радость (Ф. Гладков, Цемент); Когда мы *пошли* садиться, в передней *приступила* прощаться докучная дворня (Л. Толстой, Детство); *Обернулась как раз* когда я *вскинул* ружье. — *Обърна се точно* когато *вдигнах* пушката (И. Радичков, Вятърът на спокойствието).

В последнем примере одновременность эксплицитно подчеркивается элементом *точно (как раз)*.

Как отмечает О. П. Рассудова, у глаголов совершенного вида при передаче факта, действия в прошедшем времени, обнаруживается два варианта значения: конкретно-фактическое, меньше всего обусловленное контекстом, и перфектное, обус-

¹⁹ В. Станков, Българските глаголни времена..., с. 61.

ловленное контекстом. Эта обусловленность проявляется в том, что „совершение действия относится непосредственно к моменту речи или к „ближайшему прошлому“, то есть к прошлому, непосредственно предшествующему моменту речи, к прошлому, которое как бы сливается с настоящим“²⁰. Указанное значение четко выступает у глаголов общерезультативного способа действия. Вопреки ожидаемому перфекту (настоящему результативному) в болгарских соответствиях функционирует аорист совершенного вида (см. приведенные выше примеры). Этот факт является убедительным подтверждением высказанного по этому поводу В. Станковым мнения, что так называемое перфектное значение в болгарском языке не связано единственно с перфектом, и что „свършеният вид проявява своето перфектно значение дори по-често при аориста, отколкото при перфекта“²¹.

3. 3. Если говорящий выражает предположение относительно того, что два действия последовали друг за другом, русские конструкции с ПС в обеих частях передаются в болгарском языке при помощи перфекта. В русских конструкциях предположительность эксплицитно выражается модальными словами или вытекает из контекста. В болгарских соответствиях об этом сигнализирует форма перфекта. Ср.:

Возможно, когда выполз, потерял ориентировку, двинул в обратном направлении (Ю. Бондарев, Горячий снег). — (Возможно), когато е изпъзлял, е загубил ориентировка, тръгнал е в обратна посока.

Возможно и другое соотношение действий, выраженных формой ПС в обеих частях. Действие придаточной части закончилось, но его результат остается актуальным для момента отсчета. Если в качестве сказуемого придаточной части функционируют глаголы общерезультативного способа действия, т. е. ПС выступает в перфектном и плюсквамперфектном значении, то в таких случаях действие главной части представляет собой промежуток времени, который начинается в момент результативного состояния преждепродешедшего действия. Ср.:

Теперь, когда он сделал так, как решил, и она ушла, он желчно усмехнулся над собой (К. Симонов, Живые и мертвые). — Сега, когато беше постъпил така, както беше решил, и тя си беше отишла, той злъчно се присмя над себе си; Сегодня ночью твой муж ударил меня по голове, когда я подошел к твоему окну (А. Беляев, Человек-амфибия). — Тази нощ твоят мъж ме удари по главата, когато се бях приближил до прозореца.

²⁰ О. П. Рассудова, Употребление видов глагола в русском языке. МГУ, 1968, с. 24.

²¹ В. Станков, Конкуренция на глаголните видове в българския книжовен език. С., 1976, с. 30.

В болгарских соответствиях для выражения действия, хронологически предшествующего действию, выраженному формой аориста, используется форма прошедшего результативного — плюсквамперфекта.

Когда нужды более широкого контекста этого требуют, соотношением форм ПС—ПС могут быть обозначены два последовательных действия, предшествовавших основной линии рассказа. В болгарских конструкциях имеет место комбинация плюсквамперфект — плюсквамперфект. В таких случаях результативность не является обязательным элементом в значении ПС и плюсквамперфекта. Выражается чисто хронологическое предшествование действий по отношению к прошедшему ориентационному моменту. Ср.:

Еще когда он *пришел* сюда час назад, он *заметил*, что у химика Михнецова старые, но хорошие, двойным войлоком подшитые валенки (К. Симонов, Живые и мертвые). — *Още когато бе дошъл* тук преди един час, той *беше забелязал*...

3. 4. Значение предшествования действия главной части как собственно синтаксическое значение, значение конструкции, не свойственно предложениям с союзами *когда* и *когато*. Временное отношение устанавливается соотношением глаголов-сказуемых и лексическими элементами типа *уже* (вече), которые следует считать типизированными элементами структуры. Напр.:

Но когда она *воротилась*, он *уже заснул* (М. Горький, Мать). — *Когато тя се върна*, той *вече беше заспал*; Я *еще не совсем выспался*, когда, пробудясь на рассвете, *понял*, что „Бегущая по волнам“ больше не стоит у мола (А. Грин, Бегущая по волнам). — *Още не бях се наспал*, когато на разсъване *се събудих* и *разбрах*...

В болгарских конструкциях в придаточной части обязательна форма плюсквамперфекта, передающая хронологическое предшествование действия, выраженного ею. Употребление лексических уточнителей типа *вече* (уже) факультативно. Они встречаются чаще всего в переводах с русского и являются избыточными, так как их функция выполняется темпоральной формой. В главной части, как правило, употребляются глаголы с общерезультативным значением, благодаря чему в ней сообщается о действии как о создавшемся положении, возникшем в результате ранее совершившегося действия.

4. 1. Соотношением видо-временных форм ПН—ПС передаются отношения неполной одновременности. Действие как конкретный факт, обозначенное в главной части, происходит в один из моментов действия как конкретного процесса, названного в придаточной.

На закате, когда солнце сплюсненным шаром *опускалось* в оранжевое безоблачное зарево, Даша *встретила* Бессонова (А. Толстой, Сестры). — На залез, когато слънцето като сплескана топка *се спускаше* в оранжевото облачно сияние, Даша *срещна* Бессонов; Андрей Разметнов со своей группой *пришел* к Фролу Дамаскову, когда тот с семьей *обедал* (М. Шолохов, Поднятая целина). — Андрей Разметнов *пристигна* със своята група у Фрол Дамасков, когато той *обядваше* със семейството си.

Соотношению ПН—ПС в болгарских конструкциях соответствует соотношение имперфект несовершенного вида — аорист совершенного вида.

4. 2. Когда говорящему нужно подчеркнуть наличие самого факта безотносительно ко времени совершения действия, результат которого остался актуальным до момента речи, или когда передаются предполагаемые действия, несмотря на то, что действие придаточной части „определяет“, „локализует“ действие главной, русское ПС в главной части передается в болгарском языке перфектом, а не аористом. Ср.:

Ну, и вы, мамаша, *видно, почувяли* нас, когда мы около *стояли* (М. Горький, Мать). — И вие, майко, *сте ни подушили*, когато *стояхме* край вас; *Умерла*, когда мы *ломали* черемуху и *пели*... (В. Каверин, Открытая книга). — *Умряла е*, когато ние *кършехме* клончета дива череша и *пеехме*...

Результатом умозаключения или предположительными могут быть действия обеих частей. Тогда комбинации ПН—ПС в болгарских конструкциях соответствует соотношение перфект несовершенного вида — перфект совершенного вида. Ср.:

И тут только меня осенило: когда ночью *палил* из нагана, одна пуля *пробила* потолок. — И чак тогава разбрах, че когато през нощта *съм стрелял* с нагана, единият куршум *го е пробил* (Н. Хайтов, Диви разкази).

5. Конструкции с соотношением видо-временных форм ПС—ПН выражают как значение неполной одновременности, так и значение следования действия главной части за действием придаточной. Отношения обратной последовательности, т. е. отношения предшествования конструкциями с комбинацией ПС—ПН не выражается, так как действие главной части репрезентировано как процесс, на прекращение которого нет указания. Напр.:

Через шесть суток *вернулся* Артем *вечером*, когда мать *спала* (Н. Островский, Как закалялась сталь). — След шест дни Артем *се върна*, когато майката *спеше*; *Было совсем светло*, когда, шатаясь мы *вышли* из этого дома (В. Каверин, Открытая книга). — *Беше съвсем светло*, когато, олюлявайки се, ние *излязохме* от този дом.

Потом, когда *подоспела* охрана, яростно *отбивался* ножом

(Б. Полевой, На диком берегу). — После, когато *дойде* охрната, яростно *се отбраняваше* с ножа; Когда я *ушел* в армия, она чуть ли не каждый день *слала* мне письма... — Когато *заминах* с корпуса, тя ми *пишеше* през ден (П. Вежинов, Звездите са над нас).

Значение неполной одновременности может быть выражено и употреблением в главной части при глаголе несовершенного вида лексического показателя *уже* (вече), с помощью которого подчеркивается значение предшествования начала протекающего действия единичному недлительному действию как конкретному факту. В отличие от конструкций с комбинацией ПН—ПС, где *уже* становится элементом структуры, выражающей отношение предшествования действию придаточной (ср.: Но когда он *наливал* этот второй, — я специально посмотрела, — руки его *уже успокоились*. — Но когато *си сипваше* втората чаша — аз специално го гледах, *ръката му вече се беше успокоила*), оно здесь факультативно, и после его изъятия смысл не нарушается. Напр.:

Когда она *вошла*, он (уже) чинно *целовал* мне руку. (Б. Полевой, На диком берегу). — Когато тя *влезе*, той (вече) чинно ми *целуваше* ръката.

Как видно из приведенных примеров, различие обнаруживается и при передаче на болгарский язык конструкции ПН уже — ПС и ПС — уже ПН. В первом случае обязателен плюсквамперфект, как обязателен элемент *уже* в русских конструкциях. Во втором случае закономерно функционирование имперфекта несовершенного вида.

В передаче на болгарский язык конструкций с комбинацией ПС—ПН были выявлены те же закономерности, что и при передаче конструкций с ПС—ПН, поэтому, ввиду ограниченного объема работы, рассматривать их не будем.

В плане прошлого последовательность между двумя действиями в болгарском языке может быть передана и комбинациями, в которых участвует темпоральная форма бъдеще в миналото (будущее в прошедшем). Семантическое содержание формы будущего в прошедшем проявляется четко в сочетании с аористом. Имеют место и комбинации аорист — будущее в прошедшем и комбинации будущее в прошедшем — аорист. Напр.:

Той хвърли разсеян поглед на българските и когато *щеше да го захвърли*, вниманието му *се спря* на едно заглавие с едрини букви (И. Вазов, Под игото). — Огнянов разсеяно просматрел сообщения о Болгарии и *уже хотел было бросить газету, как вдруг* на глаза ему *попался* заголовок, напечатанный крупными буквами; Андреа *щеше бурно да отрече*, когато нещо в собствения му порив му *припомни* отчаянието, което бе изживял (Ст.

Дичев, Пътят към София). — Андреа *хотел* было *запротестировать*, когда *вспомнил* о собственном недавнем отчаянии.

Конструкции с будущим в прошедшем в главной или придаточной части встречаются крайне редко как в переводах с болгарского на русский, так и в произведениях болгарских авторов. Семантическая зона употребления этой формы — условные предложения. Во временных предложениях такого типа отношения между действиями можно выразить лексическим путем, употребляя на месте будущего в прошедшем формы ПС или ПН от модальных глаголов типа *собираться*, *хотеть* или модальные частицы *было* в русском языке и *да* в болгарском. Ср.:

Он *взялся* было за ручку двери, когда две фигуры, возникнув из полутьмы раздевалки, *заступили* ему дорогу (Б. Полевой. На диком берегу). — *Тъкмо да хване* вече дръжката на вратата, две фигури изникнаха от полумрака на съблекалнята и му *препреди*ха пътя (тъкмо да = щеше да).

6. 1. Конструкции с комбинацией НН—НН обозначают полную одновременность единичных конкретных явлений действительности, наблюдаемых в настоящий момент. Форма НН имеет значение конкретного (актуального) настоящего, которое подчеркивается актуализаторами типа *сейчас*, *вот*, *вот сейчас*, *теперь* и т. п. В изолированном высказывании о бесспорном актуальном значении НН можно говорить только при их наличии. Несвершенный вид реализует конкретно-процессное значение. В главной и придаточной частях болгарских соответствий — несвершенный презент. Напр.:

Когда я *сейчас* вспоминаю его, я *нахожу*, что он был очень услужливый, тихий и добрый мальчик (Л. Толстой, Детство). — Когато *сега* си го спомням, намирам...; *Вот сейчас*, когато он *спит*, я лежу с открытыми глазами и *думам* о тебе. — *Ето сега*, когато той *спи*, аз лежа с отворени очи и *мисля* за тебе.

6. 2. Конструкции с НН—НН обозначают повторяющиеся одновременные действия, представляющие отвлеченными от конкретного времени их совершения, нередко возведенные в степень абстракции. Функционирует основная разновидность настоящего неактуального — абстрактное настоящее. Несвершенный вид выступает в неограниченно-кратном значении. Напр.:

Когда Прохор Петрович *производит* выстрелы на охоте, я *затыкаю* уши (В. Шишков, Угрюм-река). — Когато Прохор Петрович по време на лов *осъществява* изстрели, аз си *запушвам* ушите; *Когато играют* двое, покер *весьма* често *дава* крупные комбинации (А. Грин, Бегущая по волнам). — Когато *играят* двама, покерт *твърде* често *дава* големи комбинации; Капитан

твърдо знала, че немцы смертни, и когато их убивають, они останавливаются (К. Симонов, Живые и мертвые). — Капитанът твърдо знаеше, че немците са смъртни и когато ги убиват, те се спират.

6. 3. Как в конструкциях с ПН—ПН, так и в конструкциях с НН—НН выражаются лишь отношения повторяющегося следования. Релевантный признак структуры — наличие в придаточной части глаголов общерезультативного способа действия. Несовершенный вид реализует неограниченно-кратное значение. Идея обычности, обобщенности действия становится условием выражения кондициональной семантики.

Когато он *приходит* в сознание, все *спрашивает*, жив ли ты, лейтенант (Ю. Бондарев, Горячий снег). — Когато *идва* в съзнание, все *пита* жив ли си, лейтенант; А когато она *уходит*, он *хвастается* предо мной: — Видал? (М. Горький, В людях). — А когато тя *си отиде*, той *се хвали* пред мене...; А когато они *выздоровливают* и *полнеют*, то часто их обаяние *теряется*. — И, разбира се, когато *оздравеят* и *напълнеят*, *изгубват* много от чара си (А. Карасимеонов, Обич).

На межъязыковом уровне выявляется закономерная изофункциональность комбинаций имперфект — имперфект и НН—НН. Это проявляется в том, что семантика повторяющегося следования, представленная в болгарских конструкциях комбинацией имперфект — имперфект, выражается в русском переводе без ущерба для смысла комбинацией НН—НН. Ср.:

Имах чувството, че денем хората ги контролират по някакъв начин, но нощем, когато съзнанието *заспиваше*, отпуснатото тяло *започваше да ги излъчва* необезпокоявано и свободно (П. Вежинов, Звездите са над нас). — Днем люди как-то *сдерживают* себя, но по ночам, когда сознание *выключается*, распушенное тело *начинает испускать* миазмы вольно и бесконтрольно.

В конструкциях, выражающих повторяющееся следование, комбинация НН—НН передается в болгарском языке соотношением совершенный презенс — несовершенный презенс. Проявляется изофункциональность совершенного презенса и имперфекта совершенного вида, отмеченная в болгарской лингвистической традиции. В русских конструкциях о последовательности действий сигнализирует способ глагольного действия — обязательно результативный. В болгарских конструкциях идея последовательности выражена дважды: и результативным глаголом, и совершенным видом.

7. 1. Конструкциями с комбинацией БС—БС выражаются те же самые соотношения между действиями во времени, что и конструкциями с комбинацией ПС—ПС, с той разницей, что комбинация БС—БС переносит действия в план будущего.

Выражая единичное следование действий, формы БС выступают в значении конкретного единичного действия. Значение БС связано с конкретно-фактическим значением совершенного вида. Семантика темпорально-видовых форм без специальных условий способствует выражению синтаксической семантики — последовательности конкретных действий в плане будущего. Напр.:

Когда полковник *прибудет*, то за ней *придут* (К. Симонов, Живые и мертвые). — Когда полковник *дойде*, *ще* я *повикат*; Когда я *пойму*, что вы до этого *доросли*, я сам вас *поддержу*. — Когда *видя*, *че станете годен* за това, аз сам *ще* ви *подкрепя* (Д. Димов, Тютюн).

Известно, что результативное значение глагольных форм предполагает перенос коммуникативного акцента с названного глаголом действия на последствия (результат) этого действия. Такой перенос допускается независимо от того, глагол какого вида употреблен в данном случае.

Как отмечает А. М. Ломов²², результативность может быть реализована и в плане будущего. Ср.:

Ему показалось, что никогда больше они не будут близкими друзьями и что, когда она *поймет* правду, их жизнь *будет окончена*, а любовь *умрет* (В. Кетлинская, Вечер. Окна. Люди). — ... *когато* ты *разбере* истината, животът им *ще бъде протекъл*, (*ще е протекъл*), а любовта *мъртва* (*ще е умряла*).

Как это имеет место в конструкциях с комбинацией ПС—ПС, когда в главной части употреблен лексический показатель *уже*, выражается отношение единичного предшествования действия главной части действию придаточной. Ср.: У нас их достаточно, но они учатся управлять, когда они *научатся*, я уже *умру* (Л. Леонов, Скутаревский). В болгарском языке указанная выше семантика передается конструкцией, в главной части которой употребляется будущее предварительное. Репрезентуется не само действие, а наличие в будущей ориентационный момент состояния, наступившего вследствие реализации действия²³ (ср.: я *уже умру* — *ще съм умрял*).

Когда форма БС употреблена в значении неактуального настоящего, комбинацией БС—БС выражается значение повторяющегося следования. Повторяющиеся обычные действия приобретают квалифицирующий оттенок. Ср.:

Но, презирая, он сожалел, и когда, *бывало*, при нем *ругнешь* кого-нибудь, Антон Павлович сейчас же *вступится* (М.

²² См. А. М. Ломов, Категория глагольного вида и ее взаимоотношения с контекстом. ВЯ, 6, 1975, с. 61.

²³ См. В. Станков, Българските глаголни времена..., с. 153.

Горький, Литературные портреты). — Но презирайки, той съ-
жаляваше, и когато *се случеше* да наругаеш пред него някоого,
Антон Павлович веднага *се застъпваше*; И только когда воюлы,
переступая с ноги на ногу, *установка* на него своими большими
влажными глазами, он *придет* в себя и поспешно *повернет* на-
зад. — И чак когато воловете *се разтълкваха* и *се обръщаха*
към него с големите си влажни очи, той *се сепваше* и *свърщаше*
бързо назад (Г. Караславов, Танго).

Употребление форм будущего времени (в главной части)
на месте форм имперфекта для передачи квалифицирующих
обобщенно-повторительных действий описано в болгарской
лингвистической традиции. Но в приведенных примерах повто-
рительные последовательные действия выражены не будущим
временем, а формами имперфекта. Эта замена обусловлена изо-
функциональностью указанных форм. Во всех приведенных при-
мерах на месте имперфектных форм в главной части свободно
употребляются футурные (ср.: сейчас заступится — веднага *а* *се*
застъпваше — веднага *ще се застъпи*; поспешно повернет *г* —
бързо свърщаше — *бързо ще свърне*). „Бъдещите формы *т* тук
спомогат повторителните действия да се диференцират едно от
друго по-ясно в сравнение с подобни действия в сегашно обоб-
щено пряко (и преносно) време и в минало несвършено обоб-
щено време“²⁴.

7. 2. Комбинация БН—БН аналогична комбинации ПН—ПН,
что обусловлено симметрией аспектуально-темпоральных функ-
ций рассматриваемых форм. Ею выражаются отношения: а) од-
новременности конкретных действий; б) повторяю-
щейся одновременности и в) повторяющегося
следования — при наличии в придаточной части глагола,
обладающего семантикой законченности, внутренней целостности.
Напр.:

И когато он *будет говорить* о Востоке, все *будут перерегля-
дываться* (Ю. Тынянов, Смерть везир-Мухтары). — И *когато*
говори за изток, всички *ще се споглеждат*.

Всегда, когда ты *будешь делать* уроки, я *буду читать* и
не буду тебе мешать. — *Винаги*, когато *си готвиш* уроците,
аз ще четя книга и *няма да ти преча*.

Всегда, когда он *будет приезжать* к нам, мы *будем устраи-
вать* его в гостиницу. — *Винаги*, когато *идва (пристига)* при
нас, *ние ще го настаняваме* в хотел.

7. 3. Комбинация БС—БН передает соотношение между
действиями, аналогичное соотношению, обозначенному комби-
нацией ПС—ПН, с той разницей, что действия отнесены в план
будущего. Выражаются два типа отношений: а) неполной
одновременности и б) следования. Значение: е об-

²⁴ В. Станков, Българските глаголни времена..., с. 143.

растной последовательности не выражается. Этому препятствует соотношение семантики видов: действие главной части, выраженное глаголом несовершенного вида, не может предстать как законченное. Напр.:

Я вспомню вам эти слова, когда вы будете объясняться мне в любви (М. Горький, Мещане). — Ще ви припомня тия думи, когато ми се обяснявате в любов.

При выражении отношения следования вне контекста комбинация двузначна: она может обозначать последовательность единичных конкретных действий или цикл повторяющихся действий. Двузначность снимается только актуализаторами. Ср.:

Когда расскажу, тогда будешь знать (К. Симонов, Живые и мертвые). — Когато ти разкажа, тогава ще знаеш; Может быть, я еще буду убивать, когда придется защищать свою жизнь или то дело, за которое боремся. — Може би ще убивам още, когато трябва да запазя живота си или онова, за което се боря (Д. Димов, Тютюн).

7. 4. Комбинация БН—БС в отношении семантики аналогична комбинации ПН—ПС. Ею выражается только не полная одновременность. Действие главной части, более краткое благодаря конкретно-фактическому значению совершенного вида, происходит на фоне более длительного действия придаточной части. Созданию фона способствует конкретно-процессное или неограниченно-кратное значение несовершенного вида. Ср.:

Вспомните мои слова, когда будете подбирать осколки для брелоков (Ю. Тынянов, Смерть везира-Мухтары). — Ще си спомните думите ми, когато събирате парчета за висулки на часовниците си; Когда будем переливать воду, заметил я, — одна или две капли обязательно упадут на землю (К. Паустовский, Далекие годы). — Когато преливаме водата, една или две капки непременно ще паднат на земята.

Как комбинация ПН—ПС, так и комбинация БН—БС при наличии особых контекстуальных условий, в частности, контекстуального наречного показателя типа *уже* в главной части выражает отношения единичного предшествования. Элемент *уже* становится релевантным признаком структуры, так как без него конструкции с этой комбинацией двузначны. В болгарских соответствиях двузначность снимается формой будущего предварительного. Ср.:

Когда я буду выезжать, он уже приедет. — Когато аз тръгам/тръгна, той (вече) ще е пристигнал.

7. 5. При передаче на болгарский язык русских конструкций с формами будущего времени выявляется следующая закономерность. Формы БС и БН в главной части передаются формами будущего времени, формами имперфекта, если форма будущего времени обозначает повторительные действия, характеризующие субъект, формами будущего предварительного, если действие главной части предшествует действию придаточной. В придаточной части болгарских конструкций во всех случаях, за исключением тех, в которых в главной части на месте будущего употреблен имперфект, при главной части в плане будущего употребляется настоящее время от глаголов совершенного и несовершенного вида²⁵. Эта особенность болгарского языка описана, но нам не представляется необходимым делать обзор существующих мнений по вопросу о функционировании настоящего времени вместо будущего в придаточной части временных и условных сложноподчиненных предложений. Форма настоящего времени не несет никакой стилистической нагрузки. Она устанавливает смысловую связь только с глаголом-сказуемым главной части, который очерчивает план будущего. В случаях, когда возникает необходимость подчеркнуть, что действие, обозначенное в придаточной части, является будущим, предстоящим и по отношению к грамматическому моменту речи, форма будущего времени употребляется и в зависимой части²⁶. Но примеры на такое употребление единичны. Нормой является функционирование презенса. Ср.:

Това Борис знаеше и преди — те бяха гърци, но когато скоро вече *ще се узнае* всичко, той *ще привлече* още повече в тяхната омраза, тяхната ярост (Д. Талев, Гласовете ви чувам)(1). — Это Борис знал и раньше, но когда скоро все *станет известно*, он *навлечет* на себя еще больший гнев и ненависть ее близких.

8. Общие выводы по проведенному исследованию сводятся, в основном, к следующему.

Конструкции с союзами *когда* и *когато* выражают отношения полной и частичной одновременности и следования. Значение предшествования не является значением собственно синтаксической структуры. В русских конструкциях для его выражения необходимо участие типизированных лексических элементов типа *уже* в главной части, в болгарских соответствиях в

²⁵ Это отличие от русского языка отмечено Ю. С. Масловым. См. его Очерк болгарской грамматики. М., 1956, с. 231; См. еще В. Москцова-Еленска, О некоторых особенностях выражения темпоральных отношений в болгарских условных предложениях (в сопоставлении с русскими), Славистични проучвания. С., 1973, с. 234.

²⁶ Подробнее об этом см.: А. Лазарова, Бъдеще време в подчинено изречение (Употреба на *ще след когато*). БЕ, 1970, 5.

плане прошлого обязательен плюсквамперфект, а в плане будущего — будущее предварительное.

Полная одновременность выражается соотношением следующих одновременных одновидовых форм: ПН—ПН, НН—НН, БН—БН. Когда глагол-сказуемое придаточной части содержит элемент законченности, целостности действия, указанными комбинациями выражается отношение повторяющегося следования.

Следование действий друг за другом выражается соотношением одновременных и одновидовых форм ПС—ПС и БС—БС. При наличии одного и того же логического субъекта обеих частей или глаголов начинательного способа действия указанными соотношениями выражаются отношения полной одновременности или отношение: последовательность + одновременность.

Соотношением одновременных, но разновидовых форм ПС—ПН, ПН—ПС; БС—БН, БН—БС выражается частичная одновременность. В болгарских соответствиях на месте указанных комбинаций употребляются не только разновидовые, но и разновременные формы (ср. комбинации имперфект — аорист, имперфект — плюсквамперфект, аорист — плюсквамперфект).

Русские прошедшие времена функционируют в аористическом, имперфектном, плюсквамперфектном и перфектном значении. Благодаря наличию развернутой системы времен в болгарском языке указанные значения выражаются эксплицитно.

В главной части временного сложноподчиненного предложения с союзами *когда* и *когато* не употребляется БС в значении актуального настоящего и актуальное настоящее от глаголов совершенного вида, так как семантика русской и болгарской темпоральных форм несовместима с идеей законченности, предельности действия, носителем которой является совершенный вид.

В плане будущего различие проявляется в употреблении в придаточной части на месте БН и БС форм настоящего времени. Для выражения семантики конструкций, в которых употребляется болгарская темпоральная форма, „будущее в прошедшем“ в русском языке используются лексико-морфологические средства (модальные глаголы, частица *было*).

И для русских, и для болгарских временных предложений с союзами *когда* и *когато* обязательно единство временных планов главной и придаточной частей.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. А. Беляев, Собрание сочинений в восьми томах, т. 3. Человек-амфибия. М., 1963, болгар. перевод Йосифа Сыбева.
2. Ю. Бондарев, Горячий снег, М., 1970, болгар. перевод Н. Христовой.
3. Ф. Вигдорова, Семейное счастье, М., 1965, болгар. перевод Д. Станковой.
4. А. Грин, Бегущая по волнам, Симферополь, 1974, болгар. перевод Е. Хаджиевой.
5. М. Горький, Собрание сочинений в восемнадцати томах, т. т. 12 и 13, Жизнь Клим Самгина. М., 1962, болгар. перевод К. Койчевой.
6. М. Горький, Собрание сочинений в восемнадцати томах, т. 8, Мать, болгар. перевод Ст. Каролева.
7. В. Каверин, Открытая книга, М., 1955, болгар. перевод А. Смирнова.
8. Г. Марков, Сибирь, М., 1971, болгар. перевод К. Савова.
9. Дм. Медведев, Сильные духом, М., 1975, болгар. перевод К. Савова.
10. Н. Островский, Как закалялась сталь, М., 1947, болгар. перевод Л. Стоянова.
11. Б. Полевой, На диком берегу, М., 1963, болгар. перевод Л. Дамяновой.
12. К. Симонов, Живые и мертвые, М., 1965, болгар. перевод А. Далчева.
13. В. Шишков, Угрюм-река, М., 1972, болгар. перевод Б. Мисиркова, П. Велкова.
14. М. Шолохов, Поднятая целина, М., 1969, перевод М. Марчевского.
15. И. Вазов, Съчинения в четири тома, т. 3, Под игото. С., 1970, русский перевод В. Володина, М. Клагиной-Кондратьевой, Я. Слонима.
16. П. Вежинов, Звездите са над нас, С., 1966, русский перевод Н. Попова.
17. Д. Димов, Съчинения в 5 тома, т. 2, 3. Тютюн, часть I, II, С., 1974, русский перевод Д. Горбова, В. Злыднева, Н. Попова, Т. Рузской.
18. Ст. Дичев, Пътят към София, С., 1963, русский перевод Л. Баша, Т. Рузской.
19. А. Карасимеонов, Обич. С., 1969, русский перевод Н. Глен.
20. Г. Караславов, Танго. С., 1969, русский перевод М. Михелевич.
21. Елин Пелин, Съчинения в шест тома, т. 2. Гераците и др., С., 1972, русский перевод Д. Горбова.
22. Йордан Радичов, Вятърът на спокойствието, С., 1968, русский перевод Н. Глен.
23. Д. Талев, Съчинения, т. 6. Гласовете ви чувам. С., 1973, русский перевод Л. Баша, Т. Рузской.

СЪОТНОШЕНИЕ НА ВИДО-ВРЕМЕННИТЕ ФОРМИ
НА ГЛАГОЛИТЕ-СКАЗУЕМИ В ТЕМПОРАЛНИТЕ
ИЗРЕЧЕНИЯ СЪС СЪЮЗА *КОГДА* В РУСКИЯ ЕЗИК
В СЪПОСТАВКА С БЪЛГАРСКИЯ ЕЗИК

Вера Ченева

(Резюме)

В руските и българските темпорални изречения със съюзите *когда* и *когато* съотношението между действията на главно-то и подчиненото изречение се определя от видо-временните форми на глаголите-сказуеми.

В настоящата работа се прави структурно-семантичен анализ на сложното съставно изречение с подчинено обстоятелствено за време, което се въвежда със съюза *когато* в българския език и със съюза *когда* в руския език. Установяват се семантичните разновидности на разглежданите изречения. Проследяват се възможностите за комбиниране на видо-временните форми при изразяване на пълна и частична едновременност и пряка и обратна последователност. На фона на съществуващите общи черти в употребата на темпоралните форми в двата езика се открояват различията, които се обуславят от богатството на темпоралната система в българския език.

Установяват се начините — морфологични, синтактични, лексични, — с помощта на които се предава семантиката на българските конструкции, в които участвуват **перфектът, плюсквамперфектът, бъдеще в миналото, бъдеще предварително.**

Разкриват се частните значения на миналите времена в руския език. Проследява се употребата на българските видо-временни форми в сложното съставно изречение с подчинено обстоятелствено за време.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE ASPECT-TENSE FORMS
OF THE PREDICATE VERBS IN THE RUSSIAN
AND BULGARIAN CLAUSES INTRODUCED BY THE
CONJUNCTIONS КОГДА AND КОГАТО

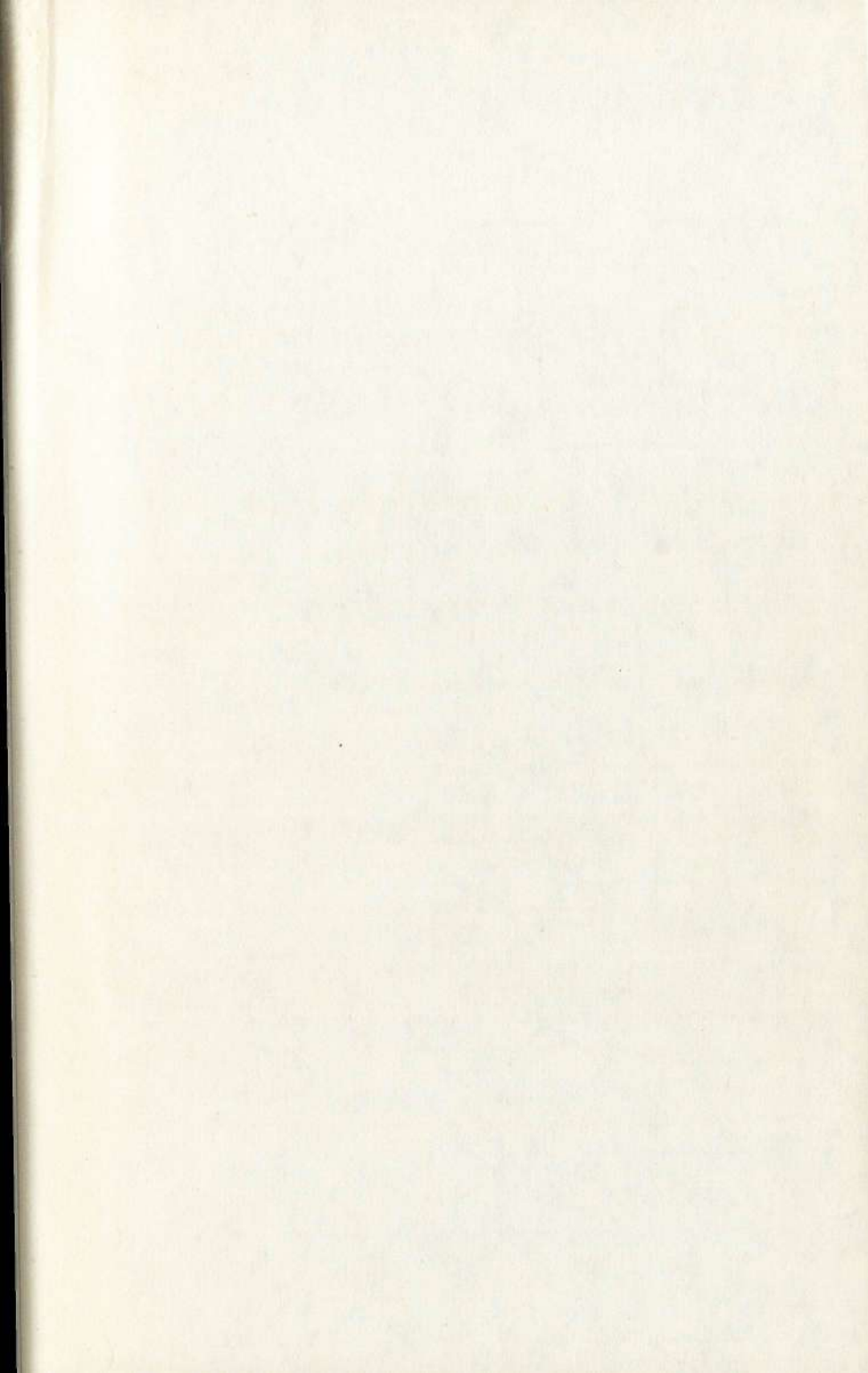
Vera Cheneva

(Summary)

In the Russian and Bulgarian temporal clauses introduced by the conjunctions *когда* and *когато* the relationship between the actions expressed in the main clause and the subordinate one are determined by the aspect-tense forms of the predicate verbs. The study establishes the semantic types of temporal clauses introduced by the conjunctions *когда* and *когато*. The author traces the possibilities for combining the aspect-tense forms in cases where full and partial simultaneity and direct as well as reverse sequence are expressed. Against the background of the existing common features in the use of temporal forms in the two languages the differences which are determined by the richness of the Bulgarian temporal system become evident.

The means — morphological, syntactic, and lexical — through the medium of which is rendered the semantics of the Bulgarian constructions with *the perfect, plusquamperfect, future in the past and anterior future* are established.

The concrete meanings of the Russian past tenses are revealed. The use of the Bulgarian temporal forms in the complex sentence with a subordinate clause of time are outlined.

Цена 1,73 лв.

